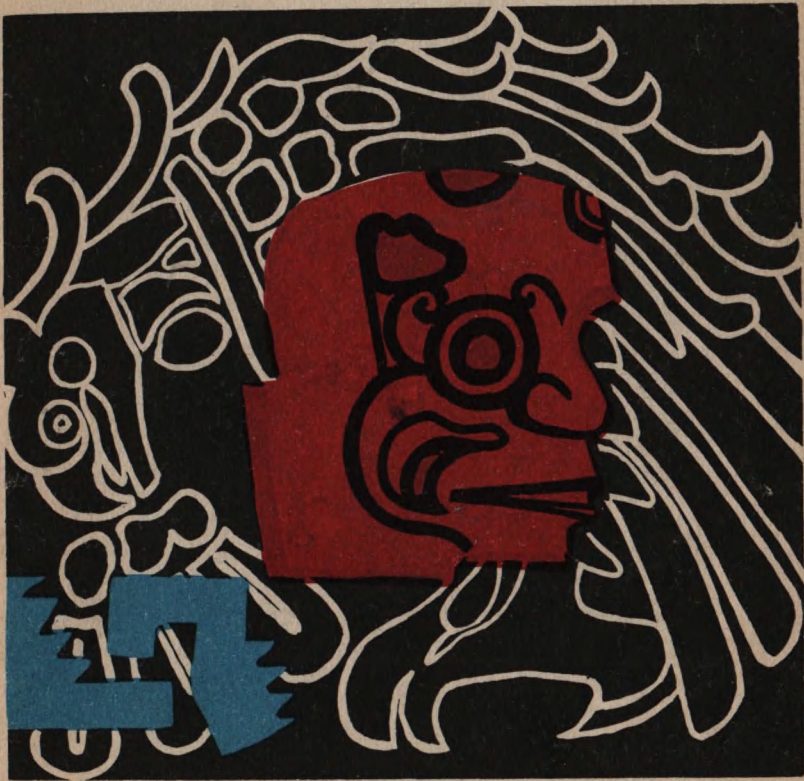
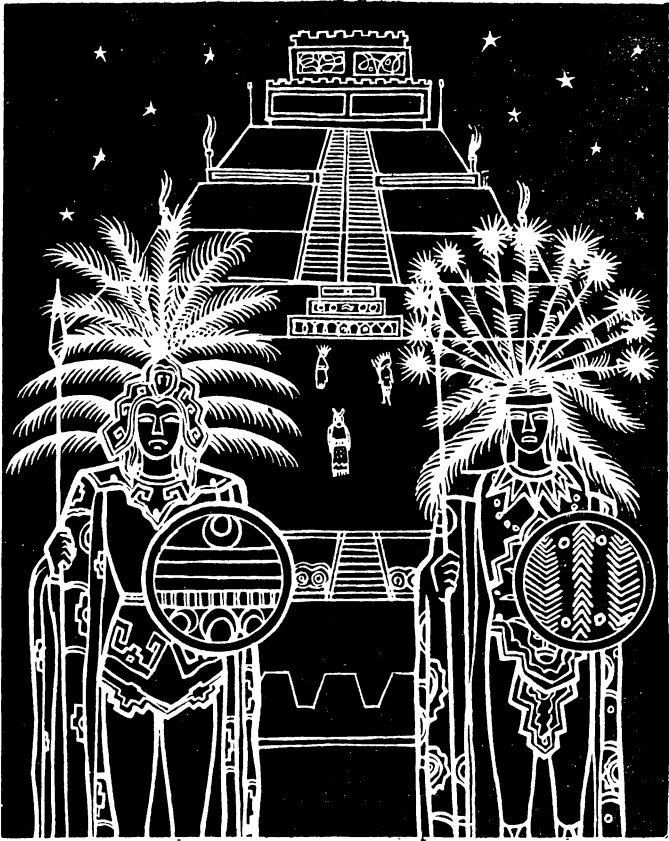

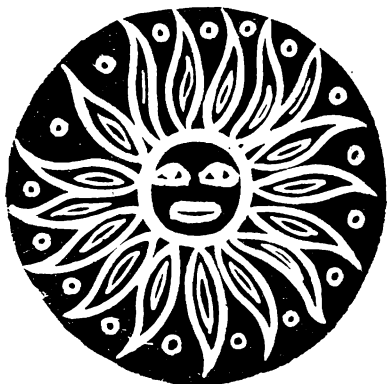
ВАСИЛИЙ ЧИЧКОВ
В погоне
за Мексикой

ВАСИЛИЙ ЧИЧКОВ

**В погоне
за Мексикой**

Издательство ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“, 1968

Р2
Ч-72

Художник А. Гангалюна

...Индейцы научили европейцев,
как жить в Новом Свете, а те отпла-
тили им тем, что отобрали у них этот
Свет.

Герберт Аптекер

Тайна Священного колодца

Повесть о древних индейцах майя

Вместо пролога

Второй день мы едем к далекому и таинственному Юкатану. Монотонно гудит мотор. Дорога серой шуршащей лентой бежит под колесами автомобиля.

Остались позади перевалы Центральной Мексики с красивыми заснеженными вершинами. Некоторое время дорога пролегает вдоль морского берега, а потом начинаются джунгли. Они подступают к самой обочине дороги и, кажется, хотят поглотить асфальт.

Но серая лента убегает вперед. Она, как спасительная артерия, пронесит нас через тропические болота, где торчат из воды засохшие и обожженные солнцем деревья, где высоко в небе, распластав крылья, вьются в поисках падали черные сопилото.

Иногда на асфальте попадают раздавленные кобры. Наверное, рядом с дорогой в зеленой болотной трясине ползают они, чуть приподнимая свои плоские змеиные головы и разглядывая мчащиеся машины.

И опять у дороги высокие деревья переплетены лианами. С разных сторон слышатся крики птиц,

обезьян, рев ягуаров. Кажется, выйди из машины, шагни с дороги — и путь назад будет отрезан.

Трудно представить, что в этих диких местах когда-то на заре человечества родилась высокая цивилизация индейцев майя. Каменными топорами индейцы вырубали гигантские деревья, расчищали землю для посева маиса, для строительства городов. И города, построенные ими пятнадцать-семнадцать веков назад, сохранились до наших дней. Ни ураганы, ни тропические ливни не смогли разрушить их.

Семнадцать веков! Я еще раз повторяю: «Семнадцать веков!» — и ловлю себя на том, что не ощущаю меру этого времени. Я представляю семнадцатый век, семнадцатый год, семнадцать лет тому назад. Но семнадцать веков...

Хочется усомниться во всем. Однако десятки городов, построенных руками индейцев майя, стоят в джунглях до сих пор. Стоит в своей неувядающей красоте город Паленке. В центре города — удивительный Храм солнца с причудливым каменным узором на крыше, большой дворец с высокой башней, где когда-то заседали жрецы-астрономы. На каменных стенах дворца высечены нефритовыми резцами барельефы — воины с копьями в руках, сановники в головных уборах из перьев птиц.

Неподалеку от Паленке находится другой город индейцев майя — Бонампак. На внутренних стенах одного из дворцов сохранилась красочная роспись: процессии роскошно одетых жрецов и вождей, сопровождаемые воинами и слугами, изображения битв с вражескими армиями и праздника, в котором участвуют танцоры в красочных нарядах.

И еще города. И еще сказочные храмы и дворцы. Многие города до сих пор скрыты в джунглях. К некоторым подходят лишь пешеходные тропы.

Мы едем на северо-восток. Говорят, там есть дороги к городам Ушмаль, Майяпан и к великой столице индейцев майя Чичен-Ице.

Чем ближе Чичен-Ица, тем плотнее становится поток автомобилей. В древний город едут всегда много людей — иностранцы и мексиканцы. Едут целыми семьями. Из окошек автомобилей выглядывают детские головки.

Дорога становится уже. Машины идут медленнее. Каждый холм и пригорок у дороги кажутся преисполненными огромного смысла, — может, в прошлом это был дворец знатного воина, может быть, пирамида, еще не открытая учеными.

Наконец за поворотом открываётся Чичен-Ица. На главной площади — ступенчатая пирамида Кукулькана с ровной площадкой наверху, где стоит храм. На фоне голубого неба с взбитыми облаками пирамида стоит как-то очень естественно и спокойно. Кажется, будто ты уже видел её. Будто она твоя старая знакомая. И если бы ты попытался представить её другой, ты бы не смог сделать этого.

И совсем она не давит на тебя своим величием. Скорее она приподнимает тебя и отрешает от всего, что час назад волновало.

Ко мне подходит мексиканец и предлагает свои услуги. У него чуть раскосые глаза, волосы черные как смоль, кожа с бронзовым отливом. Как похоже его лицо на те, что я видел высеченными на каменных стенах древних дворцов в Паленке и Ушмале.

— Меня зовут Исидро, — представился мексиканец. — Если угодно, мы сначала поднимемся на пирамиду Кукулькана.

Мы шагали вверх по каменным ступеням. Ступень узка, меньше четверти. Лестница почти отвесна. Страшно взглянуть назад.

На каждой стороне пирамиды 91 ступень. Если сложить число ступеней, выйдет 364 — число, равное числу дней в году. Площадка наверху пирамиды дополнит это число до 365. Поэтому ученые считают, что пирамида Кукулькана имеет не только религиозное значение.

Отсюда, с высоты пирамиды, раскрывается весь древний город Чичен-Ица. Вдалеке круглая башня обсерватории. Ученые древности наблюдали за движением солнца и планеты Венеры, они определяли по звездам время сбора и посева маиса.

Издали виден храм с тысячью колонн, который называют Храмом воинов. На верху храма из камня высечен бог Чак-Мол. Он полулежит, голова его резко повернута, в руках он держит блюдо, на котором разжигали жертвенный огонь.

Я делаю первый шаг по ступеням пирамиды вниз. У меня захватывает дух. Лестница мне кажется почти отвесной, хочется повернуться лицом к ступеням и бежать назад. Но я вижу, как мой проводник идет, твердо ступая по лестнице, глядя перед собой. Я пытаюсь идти так же, как он. И вдруг неожиданно для себя я ощущаю прелесть этой страшной ходьбы, ее таинство. Ты не видишь лестницы перед собой и как будто идешь с неба, идешь по воздуху. С каждым

шагом ближе зеленая, коротко подстриженная лужайка.

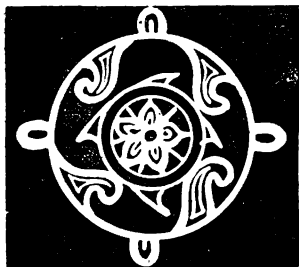
Я еще раз смотрю на пирамиду, которая вознесла меня, испугала и обрадовала...

Мы шагаем к Священному колодцу. Но проводник вдруг останавливается и раскуривает трубку.

— Прежде чем идти к колодцу, сеньор, — говорит Исидро, — давайте присядем.

Мы сели на квадратный тесаный камень, давно вросший в землю. Индеец курил трубку и молчал, перебирая в памяти удивительную историю Священного колодца, без которого нельзя представить жизнь индейцев Чичен-Ицы.

Нареченная богу

Это было в месяц Кайяб, когда обычно начинается период дождей. Уже давно индейцы подготовили землю для посева, отобрали лучшие зерна маиса. А дождя все не было. Земля была сухая, как пепел.

С рассветом индейцы приходили сюда к пирамиде Кукулькана, приносили жаровни с углями и жгли священный копаль. Дымок вился над жаровней, распространяя благовония. Индейцы сидели на корточках вокруг жаровни и смотрели на восток, откуда надвигался свет нового дня. Этот свет для них был таинственным. Индейцам казалось, что черный бог ночи покидает землю, и звезды уходят вслед за ним, потому что они его стражи.

На землю приходит другой бог — светлый бог дня. Индейцы пристально смотрели на яркую полосу, которая занималась на востоке. Может быть, там промелькнет фигура светлого бога, может, удастся увидеть его лицо? Хмурое оно сегодня или радостное?

А свет становился все ярче. И наконец, показы-

валось солнце. Будто настороженный огненный глаз, оно выглядывает из-за края земли. «Берегитесь, люди! — будто предупреждало оно. — Я могу сжечь все на земле!»

Индейцы покрепче прижимались друг к другу и смотрели на небо. Оно было голубое. Без единого облачка. «Значит, бог дождя разгневан на нас! Значит, солнце, как и вчера, будет сжигать землю».

Индейцы чувствовали себя песчинками в этой огромной вселенной, где такое большое небо, бескрайняя земля, где такое яркое солнце и такая далекая луна. Все для них было полно таинственного смысла: смена ночи и дня, дождь и гром, рождение ребенка и сама смерть. «Мы во власти богов, — думали индейцы, — а с ними могут общаться только Верховный правитель Халач-Виник и жрецы».

Взгляды индейцев были прикованы к храму, который высится на огромной ступенчатой пирамиде. Там восседает Халач-Виник и жрецы. Они говорят с богами. Они узнают, за что разгневан на людей бог дождя Юм-Чак и какие дары люди должны преподнести ему, чтобы землю оросил дождь.

Халач-Виник сидел на циновке из шкуры ягуара. Его лицо было торжественно раскрашено красной, черной и голубой краской. Длинные волосы перехвачены на затылке красной лентой. Голову, как корона, украшал наряд из драгоценных перьев. Плечи Верховного правителя покрывала дорогая тонкая, как шелк, накидка.

Халач-Виник возносил к небу руки, перехваченные браслетами из нефритовых камней. Он закрывал глаза, и губы его что-то шептали...

А рядом с ним в раскрытой каменной пасти ягуара пламенели угли. Жрецы подбрасывали на угли священный копаль, и благовонный дымок поднимался к небу. Он должен был донести молитвы Халач-Виника до самого бога.

Индейцы не спускали глаз с дворца. Они ждали, может быть, час, а может, еще больше. Солнце поднялось высоко и жгло спину, как пламя костра.

И наконец, на верху пирамиды появился Халач-Виник в сопровождении жрецов. Он был в том же головном уборе из драгоценных перьев. На плечах была красная накидка, в правой руке жезл, украшенный хвостами гремучих змей.

Халач-Виник поднял жезл, и музыканты, которые уже давно ждали знака правителя Чичен-Ицы, ударили в барабаны. Заиграли трубы, сделанные из больших морских раковин, засвистели свистульки, затрещали трещотки. «Собирайтесь! Будет говорить Халач-Виник — Верховный правитель индейцев майя!»

С разных сторон бежали к пирамиде люди. Из хижин на окраине города, с каменоломен, со строительства храма. Все хотели знать, что скажет Халач-Виник.

А он стоял на верху пирамиды и смотрел на свой город, где все ему подвластно. Одно его слово — и будут уничтожены эти дворцы и храмы, одно его слово — и будут построены новые... Он властитель великого города!

Взгляд правителя упал на Храм воинов. Тысячи колонн подпирали его крышу. Его белоснежные стены были украшены каменными узорами, вырублен-

ными нефритовыми резцами. Особенно красив храм сейчас, когда солнце в зените. Халач-Виник повернул голову влево.

Над вершинами тропического леса видна круглая башня обсерватории, где восседают жрецы-астрономы. А там — Храм ягуаров, платформы для танцев, стадион для ритуальной игры в мяч...

Люди бегут к пирамиде — они хотят услышать, что скажет он, вождь Халач-Виник.

Халач-Виник поднял жезл, украшенный хвостами гремучих змей, и музыка смолкла. Теперь ничто не нарушало торжественной тишины города.

— Бог дождя Юм-Чак разгневался на вас, люди, — словно гром разнеслись над площадью слова Халач-Виника. — Если бог будет гневаться впредь, то все погибнет на земле: деревья, птицы, звери. Останутся только горы и небо.

Халач-Виник сделал паузу и посмотрел на людей своим ястребиным взглядом. Даже отсюда, с высоты пирамиды, он ощущал страх, которым объята все эти люди. В глазах у них была покорность и мольба к нему, Верховному правителю:

— Укажи нам, что делать! Укажи! — кричали люди.

— Чтобы бог Юм-Чак был милостив к вам, люди, — громко крикнул Халач-Виник, — вы должны отдать богу самую красивую девушку!..

Радостный крик разнесся над площадью. «Значит, бог согласился принять от нас девушку. Значит, он смиляется и пошлет на землю дожди!».

Ударили барабаны, заиграли трубы, засвистели свистульки, затрещали трещотки. Казалось, земля

гудела от этой радостной музыки. Индейцы плясали. Они спорили. Каждый хотел отдать свою дочь. Но нужно, чтобы это была самая красивая девушка.

Из толпы вышел индеец Холон. Кто не знает в Чичен-Ице высокого и сильного индейца Холона! Кто может сравниться с ним в силе и выносливости! Его руки, грудь и даже щеки украшает татуировка. Его уши разрезаны в лоскуты. Кровью ушей он не раз мазал лицо каменного идола.

Холон остановился у первой ступени лестницы, которая вела на верх пирамиды.

— О, о! Великий правитель! — воскликнул Холон и упал на колени. — Люди знают, что моя дочь Сквик самая красивая девушка Чичен-Ицы.

По площади пронесся гул одобрения.

— Пусть она отправится к богу Юм-Чаку, — сказал Холон, — и вымолит у него милость для нашего народа.

К Халач-Винику наклонились жрецы и что-то шепнули ему. Халач-Виник поднял свой жезл и несколько раз ударил им о каменные плиты пирамиды.

— Богу Юм-Чаку будет отдана дочь Холона, — разносился над площадью громовые слова Халач-Виника.

Опять заиграла музыка. Индейцы плясали, а Верховный правитель, склонив голову на грудь, смотрел на торжество народа. Потом он вдруг резко поднял голову, повернулся и ушел в храм. Задумчиво сидел он на своей циновке из шкуры ягуара и смотрел на дымящийся копаль, который подбрасывали в каменную пасть ягуара услужливые жрецы.

* * *

Смолкли барабаны, трубы, свистульки и трещотки. Толпа расступилась, и индеец Холон пошел к своей хижине. Он не видел людей, он не видел дворцов и храмов. Перед его глазами была маленькая Сквик.

Это было совсем недавно, шестнадцать лет назад. Холон хорошо помнил этот день. Жена лежала в своем гамаке, и он привел в дом колдунью. Колдунья принесла статую богини деторождения Ишь-Чель, вырубленную из дерева. Она что-то пошептала, стоя около гамака жены, и потом положила идола на землю, под гамак.

Колдунья села на полу, поджав под себя ноги. Она постелила перед собой белый платок и бросала на него зерна кукурузы. Она собирала их, несколько штук откладывала в сторону, потом снова бросала и пришептывала. Вскоре в хижине Холона раздался детский плач.

Колдунья помогла обмыть девочку и тут же положила ее в кроватку, сделанную из прутьев. Девочка лежала на спине и смотрела ничего не смыслящими глазами. Колдунья вытащила из-за пазухи две дощечки из пальмового дерева. Одну положила девочке под затылок, другую на лоб и начала сдавливать между ними голову девочки. Потом колдунья стянула дощечки веревкой. Голова девочки должна быть сплюсненной — это считалось особым признаком красоты.

Холон так отчетливо представлял этот день, будто это было не шестнадцать лет назад, а вчера. От этих

воспоминаний ему казалось еще огромнее его сегодняшнее счастье.

Он не хотел, чтобы кто-то перебивал его воспоминания. Он пытался не замечать толпу людей, которая шагала вслед за ним. Ведь теперь жизнь всех зависит от дочери Холона. Завтра она встретится с самим богом Юм-Чаком...

Холон вспомнил, как он впервые надел своей дочери тоненький поясок, на котором висела красная ракушка — символ девственности.

О, о! Его дочь Сквик всегда была очень скромной девушкой. Она не поднимала глаз на мужчин. Не то что ее сверстницы, которых матери в знак наказания щипали за уши, за руки или натирали их бесстыжие глаза перцем. Если Сквик давала мужчинам пить, она поворачивалась к ним спиной, чтобы не рассматривать тело мужчины, когда он пьет.

Жрецы и чиланы заметили красоту Сквик и ее скромность еще во время обряда совершеннолетия. Это происходило в доме покровителя. Помощники жреца чисто подмели двор и устлали его свежими листьями. В жаровнях задымился священный копаль. Появился жрец в черном одеянии. Он начал свой обряд... Он изгонял злых духов. После этого снова подметали двор и разбрасывали свежие листья, постилали на землю циновки.

Жрец снял с себя черную накидку, облачился в яркий праздничный наряд и надел на голову убор из разноцветных перьев. Он взял кропило для разбрызгивания святой воды.

Жрецу помогали четыре почтенных старца — чаки.

Жрец приказывал подросткам сесть на свежие листья, которыми был устлан пол. Чаки покрывали головы юношей и девушек белыми платками, и жрец благословлял каждого. Потом к юноше и девушке подходил покровитель обряда и дотрагивался до их головы особой святой костью девять раз, смачивая при этом святой водой им лицо и промежутки между пальцами ног и рук.

Когда сняли белые покрывала, жрец подошел к мальчикам и отрезал у них привязанные к волосам белые бусинки. Взрослые дали мальчикам курительные трубки, чтобы они затянулись по одному разу. К девочкам подходили матери и развязывали поясок с ракушкой. Теперь юноши и девушки могли вступить в брак.

Холон хорошо помнит, как на том празднике к его дочери подходили юноши. Среди них был Мугукут. Они предлагали себя в мужья. Сквик скромно опускала свои большие, как миндалины, глаза и говорила «нет». Может быть, она уже тогда знала, что будет наречена самому богу.

Хижина Холона была уже близко, до нее оставалось не больше двух полетов стрелы. Сейчас Холон объявит жене и дочери о великом празднике в их доме.

А весть о том, что Сквик наречена богу, уже облетела весь город, все хижины, стала известна и в доме Холона.

Как только он подошел к хижине, жена низко поклонилась ему, а Холон поклонился дочери. Теперь она для него была святой.

Люди, которые сопровождали Холона, тоже низко поклонились его дочери.

Холон сел на циновку и осмотрел свою хижину: стены из переплетенных прутьев, крыша из пальмовых листьев. Стены хижины покрашены белой известью. Наверное, у бога дождя Юм-Чака — огромный каменный дворец, больше, чем у Верховного правителя. Его дворец спрятан там наверху, на белых облаках, которые плывут над землей. Он видит из своего дворца всю землю, всех нас; конечно, он видит и свою нареченную Сквик. Она сидит сейчас на циновке, опустив глаза. Она — сама покорность. Мысли ее заняты будущей встречей с богом.

Жена поставила на землю глиняные чашки, в которых была пена, сделанная из размолотых плодов какао и кукурузы. Такую пену подают по праздникам.

Они сидели и пили сладкий напиток. Отец и мать с благоговением смотрели на дочь... Когда скрылось солнце, мать постелила в гамаке постель для Сквик и отвела ее спать...

Сквик закрыла глаза и пыталась представить, какой он, бог Юм-Чак! Наверное, такой же огромный, как тот каменный, что стоит в храме. Она могла представить бога каменным и не могла представить его живым. Живым она хорошо представляла Мугукута. Его хижина стоит неподалеку. Он тоже влюблен в Сквик, он уже не раз искал свидания с ней. Но ей страшно было решиться на это. А теперь! Теперь уже никогда не будет свиданья. Сквик знала, что нареченные богу должны проститься с этой жизнью, с хижинной, с отцом и матерью, с любимым попугаем — он так смешно говорит «Ск-вик!». Надо проститься

с подругами и, конечно, с Мугукутом. Наверное, он знает, что Сквик наречена богу...

Для всех людей великого города Чичен-Ицы эта ночь прошла незаметно в ожидании следующего, великого дня. И как только на землю пришел рассвет, индейцы уже сидели на корточках неподалеку от пирамиды. Они подбрасывали в жаровню шарики священного копаля. Они ждали выхода жреца, которого назначил Халач-Виник для проведения торжества. Жрец появился на верхней площадке пирамиды Кукулькана, вот в его честь заиграли музыканты. Он неторопливо спускается по крутым ступеням. Жрец одет в огненно-красную мантию, на голове его пышный убор из голубых перьев птицы кетсаль, в руках жезл, украшенный перьями. На ногах сандалии с разноцветными камушками.

У подножья пирамиды жреца ожидали чиланы и чаки, которые тоже были одеты по-праздничному. Даже музыканты по-праздничному раскрасили свой тела особой мазью: голубой, красной и черной.

Звуки свистулек, трещоток, труб и барабанов ожидали город. Люди выбегали из своих хижин на дорогу, чтобы увидеть процессию. Все знали, куда направляется жрец, — к хижине индейца Холона.

Сквик давно проснулась. Она сидела на кровати, и мать старательно расчесывала ее длинные черные волосы. Сделав посредине головы пробор, мать заплела волосы в тоненькие косички и связала их колечком на макушке.

Старуха колдунья подпиливала Сквик особым волшебным камнем зубы, чтобы они были острокопечные, как у рыбы — это больше понравится богу.

Холон стоял у входа в хижину вместе с соседями, пристально вглядывался туда, в конец ровной и длинной улицы, откуда должна была появиться процессия во главе с жрецом.

Каждый, кто выходил на дорогу, кланялся Холону. Всем хотелось увидеть Сквик, и, конечно, больше всех ее хотелось увидеть юноше Мугукуту.

Но Сквик не появлялась. Она сидела на циновке. Мать и старуха колдунья натирали ее тело благовонными мазями.

Наконец появилась торжественная процессия, и все расступились, освобождая путь жрецу и его свите. Когда жрец был совсем близко, Холон вышел на дорогу, кланяясь.

Жрец остановился возле хижины Холона и низко поклонился.

От гордости за свою дочь у матери выступили на глазах слезы.

Жрец взял Сквик за руку, вывел ее на дорогу. Жрец шел впереди. За ним шла Сквик. Чаки и чиланы шагали вслед за ней. Потом шли музыканты с разрисованными телами и народ. Шествие становилось все многолюднее. Каждый, присоединяясь к толпе, молил бога дождя сменить гнев на милость, не дать палящему солнцу погубить все живое на земле.

Жрец вел процессию в деревню, которая была неподалеку от города. Процессия пройдет по всем деревням, которые находятся в округе. Пусть люди видят, какую девушку жрецы нарекли богу дождя Юм-Чаку. Пусть жители деревень тоже придут сегодня на праздник к пирамиде Кукулькана.

Солнце поднималось все выше. Словно огонь, об-

жигало оно спины людей. Но люди шагают вслед за жрецом: они верят, что когда Сквик встретится с богом, будет дождь. Сквик так хороша, она самая красивая девушка племени, она не может не понравиться богу.

За поворотом дороги показалась деревня. На небольшой площади — люди. Они приготовили кушанья: теплый напиток с перцем, куски мяса тапира с тушеными овощами.

Процессия остановилась. Самый мудрый старик деревни подошел к Сквик с глиняным сосудом, в котором был теплый напиток с перцем. Сквик сделала несколько глотков.

Другой человек поднес Сквик глиняный сосуд, в котором было масло, сделанное из плодов какао и кукурузы.

Сквик брала маленькие кусочки масла, клала их на маисовые лепешки и неторопливо жевала. А чакки по команде жреца освобождали площадь. Загрели трубы, барабаны, трещотки и свистульки. В круг вышли танцоры — самые сильные, самые ловкие юноши племени майя. Среди них Мугукут. Какое стройное у него тело, как красиво татуирована его грудь! На ней изображены идолы с огромными носами и сплюснутыми лбами.

Мугукут неистово пляшет, взмахивая руками, откидывая голову назад, резко изгибая свое стройное тело. Он пляшет отчаянно, бросая взгляды на Сквик. С того дня, как у Мугукута жрец отрезал белую бузинку, привязанную к волосам, а у Сквик сняли красную ракушку с пояса, он мечтал о том, что Сквик станет его женой.

Мугукут неистово извивался в танце.

Сквик отщипывала кусочки сладкого масла и клала их в рот. Она видела отчаянный танец Мугукута. Но она отдана самому богу. «Танцуй, Мугукут! Никогда больше ты не встретишь меня в пути, и никогда я не смогу улыбнуться тебе...»

Жрец вел процессию в другую деревню. По сторонам высокий тропический лес. С диким криком встречали процессию обезьяны. Они раскачивались на гибких лианах и с любопытством смотрели на Сквик. Кажалось, что и они знали, куда ее ведут. Они тоже хотели, чтобы землю оросил дождь.

Во всей округе не было такой хижины, не было дворца, где бы не знали, что девушка Сквик будет отдана сегодня богу дождя.

Ждал прибытия торжественной процессии и Халач-Виник. Он стоял на верху пирамиды в своей самой дорогой накидке, сделанной из разноцветных перьев. Он стоял неподвижно, как статуя. Ему была видна вся округа. Он видел, как процессия во главе с жрецом подходила к городу. Как люди стекались с разных сторон на площадь. С высоты люди казались маленькими, как букашки.

Уже доносились звуки барабанов. Процессия все ближе. Она пройдет сначала около рынка. Здесь собралось много народу, но люди сегодня не думают о торговле. Нет! Сегодня великий день! Торговцы оставили товары дома и пришли сюда, чтобы увидеть нареченную богу дождя Юм-Чаку. Ведь если будет дождь, значит, товаров будет больше, торговля пойдет лучше.

Чем ближе пирамида, тем сильнее было волнение

Сквик. В городе она была всего несколько раз. Зачем девушке ходить сюда? Когда здесь бывают большие праздники, то их посещают только мужчины.

Сколько знатных людей на ступенях Храма воинов! Взгляды всех прикованы к Сквик. Девушка чувствовала эти тысячи устремленных на нее глаз. Она улыбалась, румянец проступал на ее щеках. Ей было радостно от этих взглядов и страшно.

Она видела перед собой затылок жреца и его широкую квадратную спину в красной мантии. Но ей хотелось хорошенько разглядеть Храм воинов.

На верхней площадке храма каменный бог Чак-Мол. Он полулежит, держа двумя руками на своем животе жертвенное блюдо. Если бы Сквик выходила замуж за Мугукута, она пришла бы сюда, принесла дары богу Чак-Молу и села бы рядом с ним в такой же позе. Это приносит счастье в замужестве.

Жрец повернул к пирамиде Кукулькана, и перед глазами Сквик возникла каменная громада, на верху которой рядом с храмом стоял сам Халач-Виник. Сквик никогда не видела его. Но хорошо помнила, с каким благоговением отец рассказывал о нем.

Жрец остановился у подножья пирамиды, где хищно распахнули свои огромные каменные пасти пернатые змеи. Жрец не спускал глаз с Халач-Виника. И наконец тот дал знак.

Жрец взял за руку Сквик и повел ее вверх по ступеням. Тысячи людей, собравшиеся на площади, следили за каждым ее шагом. Следили напряженно, до боли в глазах. В толпе стояли Холон и Мугукут. Они тоже смотрели на Сквик. Но она уже не принадлежала им.

А Сквик поднималась все выше. У нее захватывало дух от высоты. Ей казалось, что она поднимается к самым облакам. Далеко было видно все вокруг — леса, поля, хижины. Где-то возле ее родной хижины стоит мать. Женщины не могут прийти на праздник...

Когда они поднялись наверх, Сквик замерла перед испытующим взглядом Халач-Виника. В этот момент к ней подошел жрец, расстегнул ее юбку, которая обтягивала бедра, и юбка упала на каменный пол.

А Халач-Виник продолжал пристально смотреть на девушку, нареченную богу, будто он хотел определить, понравится она богу или нет. Халач-Виник не сказал ни слова. Он взял глиняный сосуд с лазурью, кисточку из перьев и помазал лазурью грудь Сквик и бедра. И тогда другие жрецы взяли кисти и стали мазать лазурью все тело Сквик...

Сквик смотрела на каменного идола.

Халач-Винику поднесли драгоценности, и он стал надевать их на Сквик. Он надел ей дорогое ожерелье, на руки браслеты из золота с нефритовыми камнями и бирюзой. Уши украсили серьги из хрустала.

Сквик вывели на край пирамиды. Справа от нее стоял Халач-Виник, слева жрец, назначенный для проведения торжества. И опять разнеслась над площадью музыка. Все, кто собрался на площади, начали праздничный танец. Они плясали, но глаза их были прикованы к Сквик, которая стояла обнаженной на краю пирамиды, и голубое тело ее сливалось с небом.

Жрец взял Сквик за руку, и они пошли по ступеням пирамиды вниз. Индейцы продолжали извиваться в танце. Казалось, площадь была живая; неистово

пляшущие тела и лица, повернутые к ней, к Сквик. От нее зависит судьба всех этих людей...

...Только три полета стрелы отделяют пирамиду Кукулькана от Священного колодца. Индейцы, не прекращая танца, расступались, давая дорогу Сквик. Она по-прежнему шагала за жрецом, а чиланы, чаки и колдуны плясали перед Сквик, расчищая дорогу к колодцу и изгоняя злых духов.

Сквик никогда не видела этого колодца. Она знала, что там внутри живет бог Юм-Чак. Может быть, конечно, его дом где-то на облаках, но встречает он своих жен в колодце. Сквик помнит девушку Чомига, которая тоже была наречена богу и ушла к нему в этот колодец несколько сезонов назад. Она не погибла, говорил тогда отец, она встретилась с богом, и он унес ее наверх, на облака. И конечно, Сквик тоже не погибнет в колодце. Она скоро увидит свет дня, голубое небо.

Священный колодец все ближе. Чиланы, чаки и колдуны изгоняли злой дух с каменной площадки на высоком берегу колодца. Они плясали, их длинные тени отражались на гладкой поверхности воды.

Индейцы окружили огромный колодец со всех сторон, оставалась свободной только площадка на отвесном берегу. На нее ступила Сквик.

Она взглянула на святую обитель бога Юм-Чака. Колодец был огромный. От одного берега до другого было расстояние, равное броску камнем. Внизу зеленела вода. Когда смотришь на нее, то видны все, кто стоит на краю колодца.

Как только Сквик ступила на каменную площадку, все стали смотреть в сторону пирамиды, на кото-

рой по-прежнему величественно стоял Халач-Виник. Он поднял над головой свой жезл, украшенный хвостами гремучих змей...

Жрец в красной мантии, назначенный для проведения торжества, подошел к Сквик и легонько толкнул ее в спину. Она покорно сделала один шаг к краю колодца, другой и, как-то неловко взмахнув руками, как подбитая птица полетела вниз, в таинственные воды Священного колодца. С ее уст сорвался крик. Был это крик радости или отчаяния? Крик полетел по стенам колодца вверх, к людям.

Сквик шумно ударилась о воду и скрылась под ней. Черная, как ночь, темнота охватила ее, и руки невольно сделали движение, чтобы выбраться на поверхность. Вот он, спасительный воздух и свет! Она взглянула наверх и увидела круг неба и людей, склоненных к воде. Люди кричали. Как громко они кричали! Их крик наполнял колодец. Он был подобен небесному грому. Но Сквик не понимала слов. Она еще раз ударила руками по воде и хлебнула живительного воздуха.

А люди продолжали кричать, и этот крик обрушился на нее. Руки Сквик уже не в силах ударить по воде. Черная, как ночь, темнота охватывала ее тело и увлекала туда, где живет всемогущий бог Юм-Чак.

Индейцы напряженно смотрели на воду, по которой все дальше к берегу расплывались круги. Наконец вода успокоилась и стала по-прежнему гладкой.

Жрец дал сигнал, и сначала забил один барабан. Его тревожная дробь летела по земле, вызывая людскую радость. Потом забили другие барабаны, заиг-

рали трубы, засвистели свистульки, затрещали трещотки.

Жрец шагал к пирамиде, чтобы оповестить Халач-Виника о встрече девушки Сквик с богом. Он поднялся по крутым ступеням на верх пирамиды, а люди — тысячи индейцев стояли внизу на площади.

Откликнется ли бог Юм-Чак на встречу с самой красивой девушкой индейцев майя!

Все смотрели на небо. Солнце уже скрылось. Но от его угасающих лучей еще розовел небосклон. А где-то уже блеснула первая звезда, за ней появилась вторая. Огромное вечернее небо и тысячи глаз, прикованных к нему. Может, скажет Юм-Чак свое слово, может, прогремит гром и упадут спасительные капли дождя?

Небо молчало.

Тревога была в глазах людей. Но Халач-Виник верит, что дождь будет. Ученые жрецы по звездам и солнцу высчитали, что должен, обязательно должен начаться сезон дождей. Халач-Виник молил бога, он молил всех богов о том, чтобы был дождь. Ведь он сам передал людям волю бога.

А ночь все плотнее окутывала своим черным покрывалом Чичен-Ицу. Жрец приказал зажечь костер. Днем были принесены сюда сухие дрова и связанные в пучки сухие прутья.

Пламя взлетело вверх, освещая пирамиду. Пусть видит бог Юм-Чак людей, ожидающих его милости.

Быстро горят сухие дрова. Погас огонь костра. Гора пылающих углей оставалась на том месте.

Жрец раскидывал длинной палкой угли по земле и давал знак всем, кто собрался на площади.

Люди сбрасывали с ног сандалии из тростника и проходили по горячим углям босиком. «Смотри, бог Юм-Чак! Мы на все готовы! Сверши милость! Нисяюшли дождь!»

Вдруг где-то на востоке небо резко потемнело. Халач-Винику с высоты пирамиды это было хорошо видно. Туча скрыла мерцающие звезды. Туча все ближе. Ее уже видят индейцы, собравшиеся на площади. Ну, конечно, вот она идет на них, на их земли, на великий город Чичен-Ицу! Там, на этой черной туче, произошла встреча Сквик с богом Юм-Чаком.

«Слава тебе, девушка Сквик, слава тебе, Халач-Виник! Мы и впредь будем слушать тебя и жрецов. Будем строить храмы и дворцы, только не лишай нас своей мудрости».

Первая крупная капля упала с неба, за ней вторая...

— Дождь! Дождь! — безумно выкрикали тысячи голосов.

Мирный день великого города

Рано утром, когда пробудились птицы в лесу, крестьяне наполнили мешочки зернами маиса, заострили ножом палки и пошли к своим участкам земли. Холон тоже взял мешочек с семенами маиса и отправился на поле. Поле у него небольшое: 400 ступней в длину и 400 в ширину.

Холон шагал по дороге и посматривал на небо — оно было пасмурное, затянутое тучами. Холон был уверен, что его дочь наблюдает за ним оттуда, с высоты. Она видит всех людей на земле. И наверное, радость озаряет сейчас ее лицо.

Холон пришел к своему полю и взял горсть земли. Земля была влажная. Холон сильно сжал ее в кулаке, и она просочилась сквозь пальцы. Холон смеялся от счастья. Он вспомнил дочь. Он опустил на колени и поклонился ей.

Холон начал сажать маис. Острой палкой он делал углубление в земле, бросал туда несколько зерен, палкой заравнивал ямку и шел дальше...

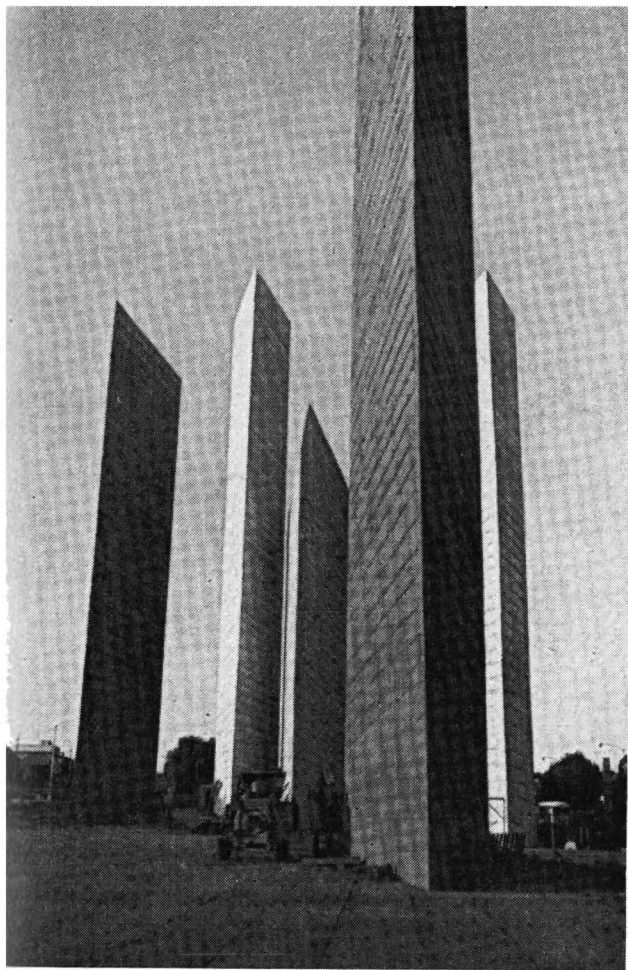
Дождь оживил землю. С самого раннего утра на городском базаре было шумно. Женщины приходили с корзинами. На их груди большое ожерелье из ракушек, в мешочке на поясе — плоды какао, которые заменяют деньги. На них можно купить любой товар: маис и перец, мед и перья редких птиц, ткань для покрывала, маленького деревянного идола. Раб стоит 100 бобов какао, заяц — 10.

Дождь вдохновил всех жителей Чичен-Ицы, даже рабочих на каменоломне. Они бьют молотом по зубилу из нефрита, не жалея сил. Трудно вырубить из скалы огромный целый камень для строительства храма. Сначала у склона горы вырубают ровную площадку. Потом обрубают ее с трех сторон. Лишь тогда подрубают камень снизу. От скалы отделяется огромный каменный квадрат. Десятки людей сдвигают его на катки и затем, впрягшись в лямки, тянут в город на строительство.

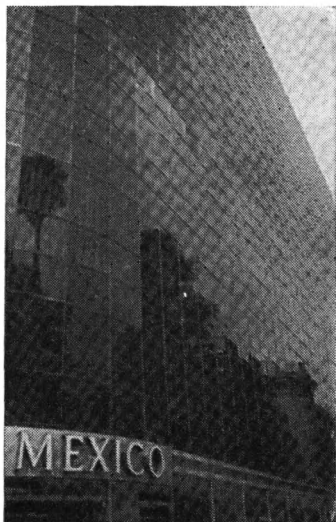
Еще один храм будет воздвигнут в городе. Город станет богаче. Умелые руки каменотесов превратят каменную глыбу в изящную колонну, украшенную замысловатыми барельефами, иероглифами и календарными датами.

В переднем углу будет установлена статуя бога. Запылает уголь на жаровне, и задымит священный копаль. Людям нельзя жить без храмов. Здесь они говорят с богами, здесь они исповедуют свои грехи. Тот, кто украл, тот, кто убил, тот, кто совершил плотский грех или дал лживые показания, идет в храм. Дурные поступки и грехи причиняют болезни и страдания, и поэтому надо поскорее исповедоваться.

Грешник-индеец стоит перед идолом и говорит о

Символ новой столицы Мексики.

Такие здания поднимаются на главной улице Пасео де ла Реформа.

С высоты латиноамериканской башни кажется игрушечным Дворец искусств и автомобили рядом с ним.

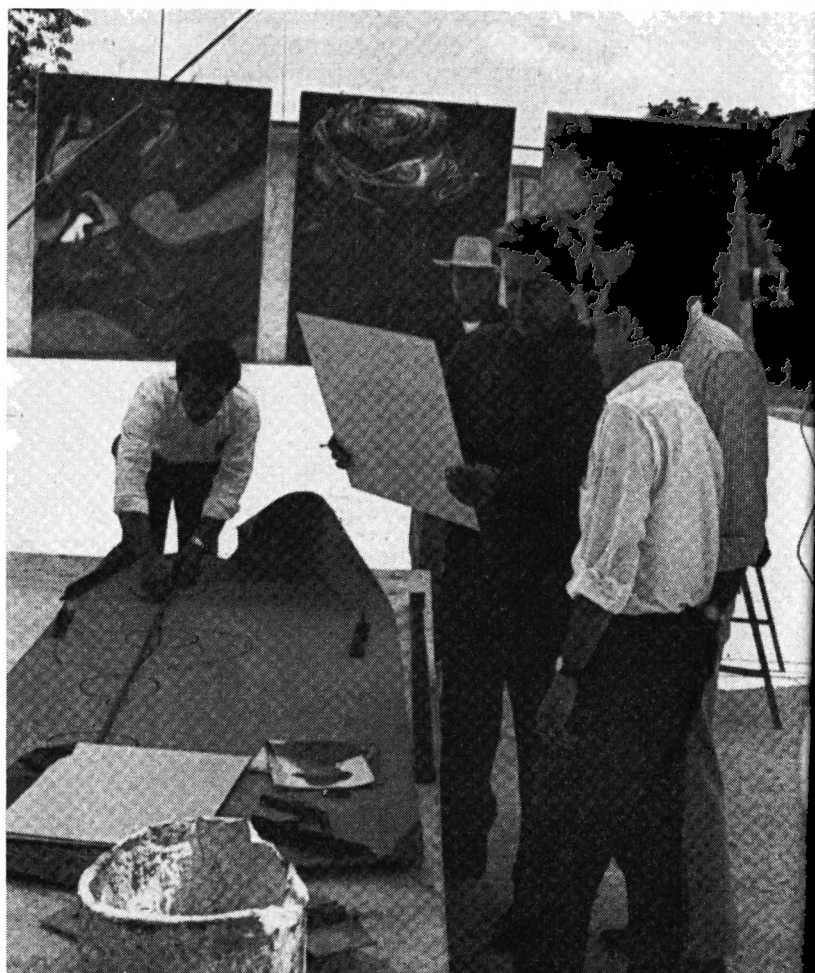

Гордо стоит на каменном
пьедестале последний им-
ператор ацтеков.

Нет войне, воздушным
налетам и атомным взры-
вам!

В мастерской Давида Сикейроса создаются картины, которые украшают фасады многих зданий столицы.

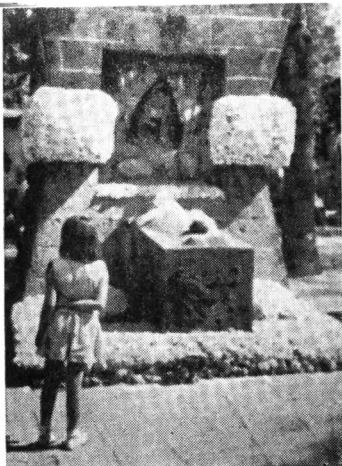

Богу дождя поклонялись древние жители Мексики. Теперь он стоит на одной из самых шумных улиц столицы.

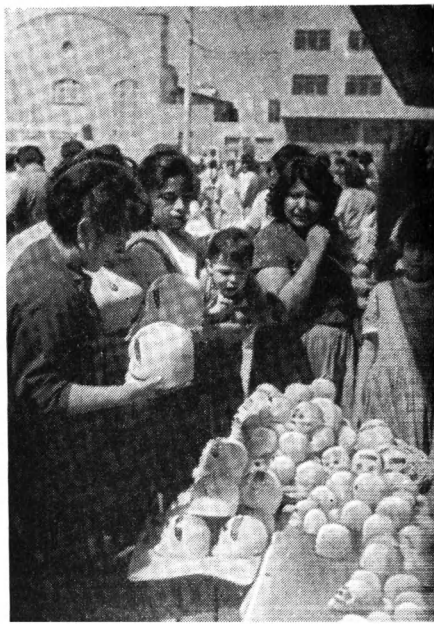

Дома и храмы, построенные во времена колонии, кажутся перенесенными из Валенсии и Севильи.

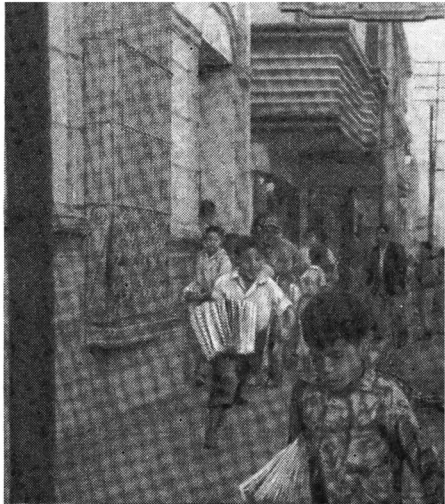

Могила великого художника
Диего Риверы.

Сегодня «День мертвых». На
всех базарах продают черепа
из сахара. Сахарный череп
можно отнести домой или по-
дарить другу.

Мальчишки-газетчики спешат к читателям.

Наступает Новый год. Дед Мороз сидит в своем облачении, хоть на улице 30 градусов жары.

На праздник мексиканцы
являются в своих нацио-
нальных костюмах.

Многие мужчины могли
бы позавидовать этой ли-
хой наезднице.

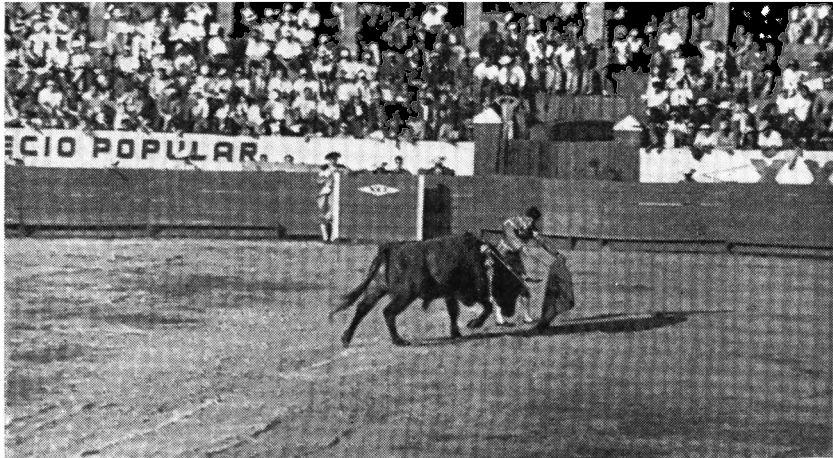
Сейчас девушки покажут искусство верховой езды.

Если у чарро нет в руках лассо, он все равно усмирит быка.

На предвыборный митинг лучше приезжать на лошадях — видно далеко вокруг.

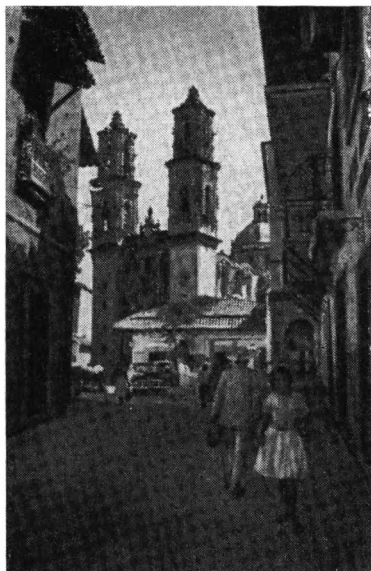

Разве может мексиканец провести воскресенье без боя быков?

На этих подушках зрители сидят во время боя быков. Но если матадор окажется трусом, подушки полетят на арену под всеобщий свист.

Неподалеку от площади Быков подняли свои башни католические храмы.

Мексиканские мальчишки с малых лет мечтают о славе матадора.

Старинные лоды, такие же, как у древних индейцев ацтеков, плывут по каналам Сочимилко.

Как часто встретишь в
Мексике озеро среди
гор и кактусы на берегу!

своем грехе. Потом он вынимает из набедренной повязки острую рыбью кость и прокалывает себе язык. После этого индеец берет соломинку, запикивает ее в дырку, проколотую костью, и так стоит, глядя на идола. Кровь капает в раскрытую ладонь. И когда этой крови станет достаточно, индеец подойдет к идолу и помажет кровью его лицо.

Другие храмы, которых так много в Чичен-Ице, тоже не пусты: в одном из них жрец учит детей знатных людей Чичен-Ицы. Он объясняет им сложную науку письменности. Они должны знать, как на длинной полосе бумаги, сделанной из коры фикуса, написать знаки, из которых образуются слова.

Дети знатных должны будут сменить своих отцов, они должны уметь властвовать и управлять народом. Для этого надо знать таинства звездных систем, движение планеты Венеры и Солнца, календарь, по которому можно точно определить время начала сезона дождей, время посева и сбора маиса.

А этот маленький храм, у входа в который замерли вырубленные из камня головы пернатых змей, находится во власти лекарей и колдунов. Здесь готовятся лечебные снадобья для исцеления больных. На длинных веревках сушатся травы, лечебные листья. На полках разложены осиные гнезда, перья попугаев. На глиняной жаровне — черные бобы. Приходите, больные! Колдуны дадут вам таинственное зелье, которое уничтожит болезнь.

Неподалеку от пирамиды есть святилище, куда никто не может войти, кроме ученого жреца. Он приходит сюда рано утром, раздувает угли в жаровне, бросает на них шарик копаля.

Жрец уже стар. Много лет он приходит в этот храм и пишет историю «Судьбы майя». Вот и сегодня жрец открыл небольшое окно, прорубленное в каменной стене, и присел за гладкую каменную плиту, на которой лежала книга. Эта книга была исписана только наполовину. А сколько уже законченных книг лежат на полках святилища! Их писали и пятьдесят, и сто, и двести лет назад. Их писали другие ученые жрецы. Их писали еще в прежней столице индейцев майя, в «Городе змей», шесть веков назад. Уже потемнели переплеты тех книг, но бумага, сделанная из коры фикуса, навечно сохранит записи ученых жрецов того далекого времени.

Есть книга, в которой писал сам великий правитель и верховный жрец «Города змей». Это в его правление «Город змей» превратился в столицу могучего государства майя.

Великий умер. Он был похоронен в глубине высокой пирамиды Надписей. Неширокая труба выходила из склепа Великого и заканчивалась наверху пирамиды в храме. Нужно отодвинуть камень в стене, и тогда была видна эта труба. О ней знал только Верховный жрец — наследник духовной власти Великого. Когда Верховный жрец терялся в догадках и не мог решить судьбу своего народа, он отодвигал потайной камень и говорил в трубу о своих сомнениях и надеждах, как будто перед ним был сам Великий.

В трубе что-то гудело. Верховному жрецу казалось, что это голос Великого. Конечно, он разрешал все его сомнения.

Сегодня ученый жрец напишет еще одну страничку

о девушке Сквик и о благодеянии бога дождя Юм-Чака.

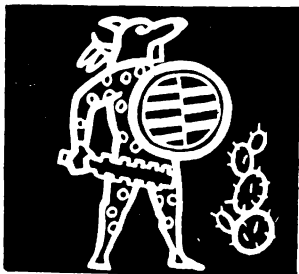
Жрец раскрыл книгу на том месте, где была чистая страница. Поставил перед собой глиняный горшочек с краской и окунул в нее кисточку, сделанную из тончайших перьев. Старательно вывел на бумаге дату «2 мулук 11 Во. В этот день наш Верховный правитель разговаривал с богом дождя Юм-Чаком. Народ выполнил волю бога и отдал ему самую красивую девушку Сквик. Бог отблагодарил людей влагой, посланной на землю».

Эти слова ученый жрец писал долго, может быть, час или два. Каждая буква, каждое число или название месяца — это рисунок, тончайший, как паутина.

Кончив свой труд, он помочил кисточку в настое из трав, вытер ее и положил рядом с книгой.

После этого, подбросив на угли шарик священного копаля, он встал на колени и начал молитву.

Первая весть о чужестранцах

Боги были милостивы к индейцам майя. Они не обрушивали на их земли ураганы и тропические ливни, которые уносят плодородный слой земли. Они не посылали народу майя болезни, от которых умирают дети...

Боги были милостивы, и поэтому деревни и города майя становились богаче, все выше поднимались храмы и пирамиды. Теперь на земле майя был уже не только город Чичен-Ица. Появились города Майянан и Мани, где тоже были пирамиды, стадионы, дворцы, в которых жила знать, и великолепные храмы.

Умирили верховные правители. Их хоронили с почетом. Для них строили гробницы. Чтобы никто не потревожил их покой, жрецы убивали нескольких сильных и ловких юношей, а тела их клали перед входом в гробницу.

На ступени пирамиды поднимался новый Халач-Виник. На нем был тот же пышный наряд из перьев редких птиц и жезл, украшенный хвостами гремучих змей.

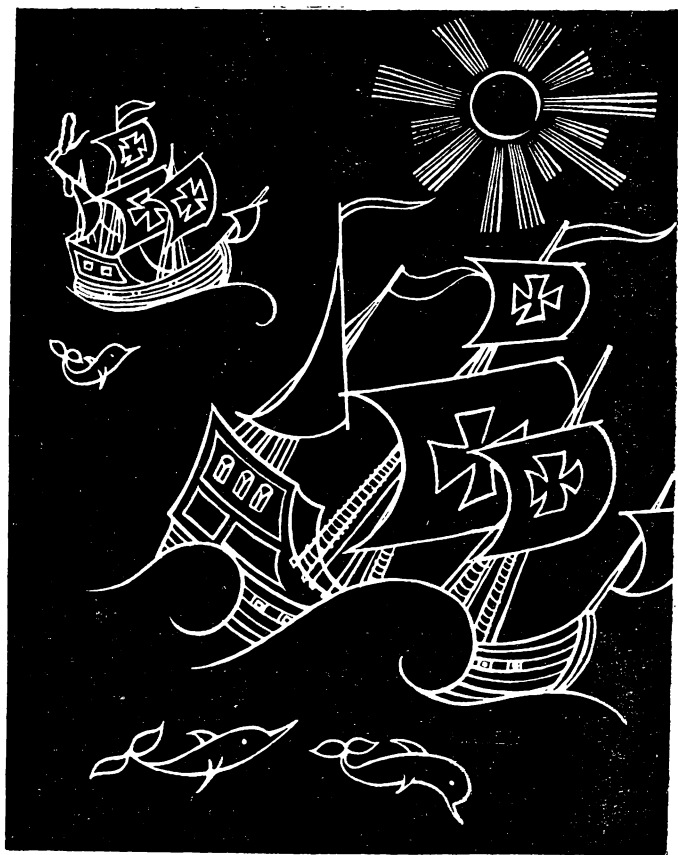
Все было по-прежнему. По-прежнему вымаливали прощение крестьяне за свои грехи. По-прежнему трудились каменотесы и лекари, а жрецы усердно обучали наукам детей знатных лиц.

Может быть, так продолжалось бы вечно, и, может быть, еще могущественнее и краше было бы государство майя... Но однажды чилан Ах-Камбаль из провинции Титуль Шиу сделал предсказание. Чиланы для того и существовали в государстве майя, чтобы предсказывать судьбы племени. Они могли заглянуть в следующий год и определить, будет он урожайным или нет. А возможно, в следующем году будет ураган «четырёх ветров». Но чилан Ах-Камбаль предсказал другое: «Наш народ будет покорен чужестранцами, — сказал он, — которые принесут своего бога и дерево, обладающее большой силой против наших богов».

Поначалу многие не придали значения этому предсказанию. Какие могут прийти чужестранцы, если земля майя с одной стороны омывается водами бесконечного моря, а с другой закрыта непроходимыми лесами и болотами?

Прошло время — может быть, год, может быть, пять лет, прежде чем люди снова вспомнили предсказание чилана Ах-Камбаля. Во время торжества по поводу сбора урожая в столицу майя пришли жители прибрежных городов. Они сказали, что видели людей с белой кожей. И даже ели их мясо.

Бледнолицые приплыли на своем каноэ откуда-то с края света. Они сошли на берег и упали без сил. Вождь приказал пятерых из этих людей отдать в жертву богу. Их положили на жертвенный камень, рас-

пороли грудь и вырвали сердце. Потом тела их сварили, и всем досталось по кусочку.

Восемь оставшихся в живых чужестранцев вождь приказал запереть в доме и откормить их, чтобы они еще больше понравились богу. Но чужестранцы сломали дверь дома и бежали в леса. Может быть, их уже съели звери, а может, они еще и живы.

Наверное, сбывается предсказание чилана Ах-Камбаля. Верховный правитель и жрецы терялись в догадках. Кто эти люди? Они не знали, что это были испанцы, что их корабль потерпел крушение недалеко от Ямайки. Лишь 20 человек спаслись на лодке. Они плыли по морю 13 дней без продовольствия и воды. Половина из них погибла. Оставшиеся в живых увидели берег Юкатана и причалили к нему. Это были самые первые люди Старого Света, которые вступили на землю великого государства майя.

Может быть, это бледнокожие боги — дети Кесалькоатля, думали индейцы, может, они спустились с неба?

Но это были не боги. Испанцы мчались на своих кораблях по морям Нового Света, мечтая открыть новые земли, прибрать к рукам золото индейцев. На Кубе, которая так близко от Юкатана, уже восседал наместник короля Испании. На землях Нового Света — губернатор Диего Веласкес.

Он мечтал покорить всех жителей Нового Света, отобрать у них богатство. Ради этого он не жалел кораблей и матросов. Гибли одни, он снаряжал в плаванье других.

Новые корабли плыли на Юкатан. Из прибрежного селения был послан гонец к Верховному правителю майя. Индейцы, которые видели гонца, не знали,

какую он несет весть Халач-Винику, но чувствовали, что весть недобрая.

Гонец уже стоит у первой ступени пирамиды рядом с раскрытой каменной пастью пернатого змея.

Халач-Виник подал знак телохранителям, и гонец вбежал по крутым ступеням пирамиды.

— О, о Великий правитель! — воскликнул гонец и упал на колени перед Халач-Виником. — Когда солнце было еще высоко, в море появились три огромные горы под шапкой белых облаков. Они увеличивались и скоро превратились в большие корабли. На берег сошли люди с белой кожей и борсдами цвета солнца. На голове у них железный наряд, грудь и плечи тоже железные. В руках трубы. Бледнолицые не боятся наших идолов. Они подошли к богине деторождения Ишь-Чель, трогали ее грудь руками и смеялись. Они забрали золото, которое мы положили к ее ногам в знак благодарности. Бледнолицые сели на корабли и поплыли вдоль берега в ту сторону, где скрывается солнце.

Халач-Виник наклонил голову, давая понять, что гонец может идти.

Жрецы сели напротив Халач-Виника. Они держали совет. Они говорили мало. Им было ясно, что на их землю надвигается гроза и что предсказания чилана из провинции Тутуль Шиу сбываются. Они решили собрать войска во главе с прославленным законом Тепеухом и послать их в город Чампотон, в сторону которого двинулись корабли чужестранцев.

Забили барабаны, заиграли трубы. Далеко были слышны эти тревожные призывные звуки. Индейцы потянулись на площадь перед пирамидой Кукулька-

на. Все шли сюда — воины, наконы, чиланы, каменотесы, крестьяне и художники.

Барабаны били до тех пор, пока площадь не была заполнена народом. На верхней площадке пирамиды появился Халач-Виник.

— К нашей земле, — громовым голосом сказал Халач-Виник, — приближаются чужестранцы. Они насмеются над нашими богами. Они уносят драгоценные дары, которые вы даете богам. Пусть армия нашего великого города во главе с наконом Тепеухом отправится в Чампотон, и если эти люди снова сойдут на землю, то наши воины вместе с жителями Чампотона вступят в бой.

Халач-Виник кончил речь. Он опять поднял и опустил жезл, и на площади зазвучала музыка. Након Тепеух поднялся на несколько ступеней пирамиды и приказал воинам выстроиться. Кроме воинов, након хотел отобрать несколько десятков самых сильных людей города. С высоты ступеней пирамиды он видел индейцев. Он показывал своим помощникам рослых и сильных людей, и те приводили их. Након пристально оглядывал человека, трогал его мускулы и указывал место в строю.

Вот предстал перед наконом Холон. Кто не знает в Чичен-Ице Холона — отца самой красивой девушки Сквик, которая смогла вымолить дождь у бога Юм-Чака.

Рядом с Холоном был Мугукут. Многие могли бы позавидовать его силе и ловкости.

Когда након набрал людей, он приказал им разойтись по домам, надеть стеганные куртки, которые предохраняют тело от стрел, и взять оружие.

Вскоре отряд након был готов к походу. Впереди отряда стоял индеец со знаменем, сплетенным из перьев. Четыре воина держали на своих плечах носилки, на которых восседал након. А за ним ряды воинов. В руках у них копья, стрелы, дубинки.

Через джунгли по диким тропам двигались воины к Чампотону. А в это время три испанских корабля плыли неподалеку от берега. Они плыли к тому же самому городу Чампотону. Прежде они не знали о существовании этой земли. Они только что открыли ее и удивленно смотрели на дикий берег, поросший тропическим лесом.

Шел март 1517 года. Командир корабля испанец Франсиско Эрнандес де Кордоба отправился в плавание с Кубы не ради развлечения. Он хотел добыть новых рабов, которые могли бы работать на рудниках по добыче золота и меди. Случайно испанские корабли обнаружили землю Юкатана. Храм, в котором стояла богиня Ишь-Чель, поразил испанцев своей монументальностью. И конечно, их воображение было потрясено золотом, которое лежало у ее ног. Просто так лежало — без присмотра и охраны, будто это не золото, а камни.

Испанцы плыли на приспущенных парусах, внимательно разглядывая таинственный берег, надеясь встретить другие храмы.

Но, кроме тропического леса, ничего не было видно на берегу. И вдруг вахтенный закричал: «Слева по борту!»

Все увидели странное здание, которое возвышалось недалеко от берега, может быть, в ста метрах от него. Здание было квадратное и ступенчатое — оно бы-

ло похоже на пирамиду. На верхней площадке был виден каменный идол с двумя свирепыми животными, которые пожирали его бока. Длинная и толстая каменная змея глотала ягуара. Эти каменные изваяния были покрыты кровью жертв.

Молчали моряки. Молчал капитан Франсиско Эрнандес. В подзорную трубу он внимательно оглядывал берег. Никого не было видно. Но люди, конечно, где-то неподалеку. Это их кровь пламенеет на лице каменного идола.

Корабли продвигались вдоль берега, и вскоре опять послышался голос вахтенного: «Слева по борту!»

Испанцы увидели город. Это было как сон. Дворцы и храмы из белого камня возвышались среди вечно-зеленых тропических деревьев. Испанцы думали найти хижины, в которых живут их будущие рабы, а встретили дворцы. «Но что за люди живут в этих дворцах?»

Франсиско Эрнандес приказал спустить на воду шлюпки. Отборные солдаты с мушкетами в руках сели в них. Весла дружно ударили по воде, и шлюпки направились к незнакомому и таинственному городу.

Испанцы, конечно, не знали, что весть об их появлении уже давно долетела до Чампотона. Правитель этого города воинственный Моч-Ковах созвал своих воинов. Сюда уже прибыл отряд из Чичен-Ицы во главе с наконном Тепеухом. Вооруженные луками, стрелами и копьями индейцы выстроились на площади.

Правитель Моч-Ковах и након Тепеух ждали приближения чужестранцев. Шлюпки ткнулись носом в песок, и рослые бородатые чужестранцы, у которых

было железо на голове, на плечах и на груди, а в руках железные трубы, вступили на землю индейцев.

Франсиско Эрнандес сделал несколько шагов по направлению к Моч-Коваху и остановился, потому что увидел стройные ряды индейских лучников. Франсиско Эрнандес улыбнулся своей дерзкой мечте набрать рабов на этой земле.

Правитель Чампотона Моч-Ковах будто понял эту улыбку, будто он знал, зачем прибыли эти люди на его землю. Он сделал знак Франсиско Эрнандесу, чтобы он посадил своих людей в шлюпки и убырался с его земли.

Но Франсиско Эрнандес, околдованный видением такого города, мечтой о сокровищах, которые находятся здесь, не мог покинуть эту землю. Пушки на кораблях заряжены и ждут взмаха его руки. Он знал силу пороха, который еще неизвестен индейцам. Франсиско Эрнандес обернулся к солдатам и приказал построиться в боевой порядок.

Тысячи глаз индейцев смотрели на бледнолицых с бородами цвета солнца. Они были так непохожи на них, индейцев, жителей этой земли! Может быть, они боги! Может, они пришли покарать их за какой-то неведомый грех.

Но правитель Чампотона решил не уступать ни пяди своей земли. Он снова поднял руку и сделал угрожающий жест. Еще плотнее стали ряды конкистадоров.

Правитель Моч-Ковах бросил воинственный клич: «Калачуни!». Он первым натянул тетиву и пустил стрелу в испанцев.

Пронзительный клич Моч-Коваха сломил страх ин-

дейцев перед чужестранцами. Тысячи стрел и копий полетели в них.

В ответ Франсиско Эрнандес крикнул только одно непонятное индейцам слово — «Огонь!». Мушкеты вздрогнули, изрыгнув из себя дым. Град пуль полетел в индейцев. Многие упали.

Странно было смотреть индейцам на бездыханные тела своих собратьев. В груди у них не торчали стрелы. Они не были пронзены копьями, их головы не были разбиты. Только маленькая, чуть заметная дырочка в груди, из которой сочилась кровь. «Какие-то удивительные невидимые стрелы у этих бледнолицых людей!»

Правитель Чампотона продолжал пронзительно кричать: «Калачуни! Калачуни!»...

Самые храбрые бойцы, среди них Холон и Мугукут, вторили Моч-Коваху и, держа копьа наперевес, бросались в атаку на испанцев.

— Калачуни! — кричали тысячи воинов и шли вслед за храбрецами. Тысячи людей теснили испанцев. Многие падали от пуль, но следующие шли вперед. Нет, нельзя убить всех индейцев. Испанцы отступали. Они добрались до шлюпок и спешно отплывали.

Двадцать убитых испанцев остались лежать на берегу. Двоих индейцы взяли в плен. Они стояли, окруженные индейцами, с тоской глядя на удаляющиеся шлюпки. Индейцы рассматривали их, трогали бороды.

Все было странно им в этих людях. Голубые глаза, как небо. Будто кто-то взял и намазал их лазурью.

Моч-Ковах приказал раздеть пленных. Были сня-

ты с головы железные шлемы и кованые доспехи. Обнажилось белое тело.

К испанцам подошли жрецы и стали раскрашивать их голубой лазурью. На ее фоне еще голубее стали глаза бледнолицых, еще более золотыми казались их волосы и борода.

Тревожно забили барабаны. Жрецы повели испанцев к пирамиде, которая возвышалась в центре города. Она была не так велика, как пирамида в Чичен-Ице или в Майянане. Наверху не было храма. Там была статуя идола и рядом с ней круглый камень.

Испанцы покорно шли за жрецами. Они удивленно смотрели на дома, на дворцы, на пирамиду.

И вот уже первая ступень пирамиды, вторая. Жрецы подталкивают в спину. Все выше... И все более прекрасное зрелище открывается взору испанцев. Белоснежные каменные дворцы и храмы, стены которых украшены резьбой по камню. Огромные тропические деревья, с которых свисают неведомые плоды. И море, бирюзовое море. И где-то на горизонте, как точки, три родных корабля...

Жрецы хватают своими цепкими руками первого испанца и кладут его спиной на округлый камень. Грудь выгнута. Жрец выхватывает из-под мантии обсидиановый нож и ловко наносит удар чуть ниже левого соска, под ребро, и тут же запускает в рану руку и вырывает трепещущее сердце. Этим живым сердцем он трет лицо идола и затем бросает сердце к его ногам.

Индейцы, стоящие внизу у пирамиды, начинают торжественный танец. Они размахивают луками и стрелами и радостно кричат. Они клянутся богу вой-

ны, что всегда будут храбрыми, всегда будут захватывать пленных и поить бога их кровью.

«Калачуни! Калачуни!» — пронзительно кричат индейцы, и барабаны вторят этому воинственному кличу.

Бездыханное тело испанца уже катится по крутой лестнице вниз. Жрецы хватают второго испанца, и снова удар ножом.

Торжественно спускаются по ступеням жрецы. Головы их высоко подняты. Они спускаются от бога на землю. А у подножия пирамиды услужливые чиланы уже обдирают кожу с убитого испанца.

Жрец сбрасывает с себя мантию, на которой видны пятна свежей крови, и чиланы накидывают на его бронзовое тело белую кожу испанца. Индейцы, продолжая плясать, не спускают глаз со жреца. Они освобождают ему круг, и жрец, придерживая на себе белую кожу испанца, неистово пляшет, изгибая свое тело, взмахивая головой, вставая на четвереньки, поднимаясь и снова отбивая ногами ритм барабанов.

— Калачуни! Калачуни! — пронзительно кричит жрец, и его крик подхватили тысячи индейцев. Кажется, что все содрогается от этого могучего воинственного крика: дворцы, храмы и даже пирамида.

Поздно ночью, когда кончилось торжество, након Тепеух собрал своих воинов. При свете факелов он построил их в колонну. Он по-братски обнялся с правителем Чампотона Моч-Ковахом. Он сел в носилки, и четыре сильных воина подняли их на плечи. Отряды двинулись в столицу.

Игра, за которую отдавали жизнь

В столице государства майя ожидали возвращения военных отрядов во главе с наконем Тепеухом. Индейцы шли на площадь к пирамиде. Тела их были празднично раскрашены в синий, красный, черный цвета, в руках разноцветные перья. Они шли один за другим — так ходят индейцы издревле. Вереницы шагающих людей напоминали ручейки, которые стекались к каменной громаде.

И хотя с каждым часом людей на площади становилось все больше, здесь царил тишина. Всем хотелось поскорее услышать победный гром барабанов...

Вскоре до слуха собравшихся долетели эти радостные звуки. На дороге, ведущей к пирамиде, появился знаменосец с огромным знаменем из разноцветных перьев. Следом за ним плыли носилки накона Тепеуха. Након был в красной накидке. Его голову украшал убор из драгоценных перьев птицы кетсаль.

За носилками стройными рядами шли воины с копьями и луками в руках.

— Громче трубите, трубачи, и бейте в барабаны, барабанщики. Након Тепеух возвращается с победой.

Знаменосец подошел к пирамиде и склонил знамя.

У первой ступени пирамиды телохранители опустили носилки, и након Тепеух поднимается вверх — туда, где его ждет Халач-Виник.

Након Тепеух встает на колени перед Верховным правителем. Халач-Виник дает знак, и жрецы поднимают накона. Халач-Виник дарит накону ожерелье из драгоценного нефрита и обещает новые земли и рабов.

Тысячи пар индейских глаз пристально наблюдают за своим вождем, не пропуская ни одного его движения.

Халач-Виник подходит к краю верхней площадки пирамиды и громовым голосом объявляет:

— В честь победы над бледнолицыми жрецы воскурят священный копаль, потом начнется игра в мяч между защитниками бога дождя и бога ветра.

Над пирамидой взвились струйки белого дыма. Они поднимаются к голубому небу.

А на поле стадиона уже вышли игроки. Защитники бога ветра в красных набедренных повязках, защитники бога дождя — в синих. На руках у игроков браслеты из сушеных плодов. На коленях — кожаные подушки. Тяжелый круглый мяч лежит на поле стадиона. Его сделали из белых слез, которые роняет священное дерево, если его ранят.

Игроки пока не трогают мяч. Они бегают по полю. Встав на колени и локти, они прыгают как лягушки. Среди них два лучших игрока индейцев майя: Синтейют и Шимчах.

Когда жрецы кончили воскуривать священный ко-

паль, музыканты ударили в барабаны, затрещали трещотки, засвистели свистульки, заиграли трубы. Халач-Виник, опираясь на свой жезл, начал спускаться с пирамиды.

91 ступень пирамиды отделяет Верховного правителя от народа. Индейцам казалось, что там, наверху, Халач-Виник рядом с богом. Он говорит с ним, узнает, как жить индейцам на земле.

Шаг! Еще шаг! Легкая накидка Халач-Виника скользит по каменным ступеням. Позади идут жрецы — его верные советники и након Тепеух. А внизу, где раскрыли свои пасти огромные каменные головы пернатых змей, телохранители уже держат в своих могучих руках носилки Верховного правителя, сплетенные из разноцветных прутьев.

Халач-Виник садится в носилки, ставит между колен свой жезл. Воины поднимают носилки и, мягко ступая по земле, направляются на стадион. По обе стороны длинного поля высокие каменные стены. На каждой каменное кольцо. На северной стороне стадиона трибуна Халач-Виника. Она больше похожа на храм. Под мощной крышей из тесаных каменных плит стоит только одна скамейка.

На стадионе каждый знает свое место. Чиланы, чакки, жрецы садятся на ступени Храма ягуаров, который возвышается на восточной стороне стадиона. Художники, мастеровые, лекари идут на южную трибуну. Простой люд размещается на западной трибуне.

Носилки Халач-Виника замерли перед каменной скамейкой трибуны.

— Защитники бога дождя и бога ветра, — разнесли над стадионом слова Халач-Виника, — вы на-

чинаете священную игру в мяч. И пусть каждый из вас честно отдаст свои силы и ловкость этой священной игре, и тогда мы будем знать, какую судьбу нам готовит будущее.

Халач-Виник склонил голову, и люди замерли на трибунах. Только ветерок ласково треплет разноцветные перья пышного головного убора Халач-Виника.

Взгляд Верховного правителя нацелен на Синтейюта, главного игрока команды защитников бога дождя, и на Шимчаха, главного игрока команды защитников бога ветра.

— Вы должны драться за победу, как за свою собственную жизнь, — снова прогремел голос Халач-Виника. — Жизнь главного игрока побежденной команды будет отдана богу.

Минуту молчал стадион. Минуту стояли в оцепенении игроки, и вот главный игрок команды защитников бога дождя Синтейют мгновенно подбежал к мячу и, по-змеиному изогнув тело, ударил его локтем. Другие игроки стали бить мяч коленями, бедрами, локтями, стараясь загнать его в каменное кольцо.

Нелегко загнать мяч в кольцо, которое по диаметру только чуть больше мяча. А если вдруг мяча коснешься кистью руки или стопой ноги, тебе грозит смертная казнь.

Индейцы напряженно смотрят игру. Ведь она определит судьбу племени на следующий год. Дождь или ветер!

Мяч у команды защитников бога ветра. Они все ближе к каменному кольцу. Затихли зрители. Их взгляды прикованы к мячу, который летит от одного игрока к другому. Мяч у главного игрока команды

защитников бога ветра Шимчаха. Шимчах высоко прыгает и коленом бьет мяч. Словно стрела, пущенная из лука, мяч летит в кольцо. Но Синтейют ждал этого удара. С разбегу он прыгает к кольцу и, высоко подняв локоть правой руки, закрывает мячу путь к цели.

На мгновенье взгляды Синтейюта и Шимчаха встретились. Два решительных взгляда, в каждом уверенность в победе. И все-таки кто-то из них должен будет отдать свою жизнь богу.

Быстрые, как молнии, защитники бога дождя гонят мяч к кольцу противника. Синтейют совсем близко от кольца. Он с силой бьет локтем мяч, но мяч пролетает мимо кольца.

И опять атакуют защитники бога ветра. Ну кто же забьет мяч в кольцо? Скорее решите судьбу племени!

Шимчах впереди. Резкий удар локтем... Мяч ударяется о каменное кольцо и отскакивает к игрокам команды защитников бога дождя.

Шимчах с отчаянием сжимает кулаки. Так близка была победа... Он должен был забить этот мяч! Но через минуту Шимчах уже снова в решительной схватке за мяч. Он не дает Синтейюту прорваться к кольцу...

Атаки игроков следуют одна за другой. Уже потерян счет времени. Увлеченные игрой зрители не замечают, что солнце опускается все ниже. Какое людям дело до времени и до солнца! Ритуальная игра может кончиться лишь тогда, когда игроки забудут в кольцо мяч и жизнь главного игрока побежденной команды будет отдана богу.

Защитники бога дождя атакуют все настойчивее. Кажется, они лучше сумели сохранить свои силы. Словно молнии, защитники бога дождя проносятся по стадиону. Обманными движениями они передают мяч друг другу. Уже совсем близко кольцо противника. Но защитники бога ветра во главе с Шимчахом неприступной стеной стоят вокруг своего кольца. Они отбивают мяч. И уже заметна радость на лицах защитников бога ветра. Но вдруг среди игроков мелькнуло тело Синтейюта, он бьет мяч коленом вверх и в то же самое мгновение, будто подброшенный пружиной, устремляется вслед за мячом и локтем правой руки забивает мяч в кольцо.

— Победа! — гремит стадион.

На суровом лице Халач-Виника мелькнула улыбка.

Игроки несут Синтейюта на руках к трибуне Халач-Виника. Синтейют вырывается, сам бежит к трибуне и падает ниц перед Верховным правителем. Халач-Виник снял с правой руки дорогой браслет, украшенный бирюзой, и бросил его Синтейюту.

Зрители поднялись со своих мест и стали бросать защитникам бога дождя драгоценности.

А защитники бога ветра во главе с Шимчахом стоят, прислонившись спиной к каменной стене. На их лицах печаль. Сейчас они простятся со своим лучшим игроком.

Жрец вынул из-под красной накидки большой обсидиановый нож, похожий на секиру. Он торжественно идет по полю стадиона, держа нож в вытянутых руках. В центре поля, где лежит мяч, жрец остановился и подозвал лучших игроков команд — Шимчаха и Синтейюта. Жрец вручил нож Синтейюту и до-

тронулся до плеча Шимчаха. Тот встал на колени, склонив голову.

Синтейют смотрит на небо, будто ищет глазами бога, которого он защищал. Сейчас Шимчах будет принесен ему в жертву, кровь оросит землю, и земля даст людям больше плодов и маиса.

Синтейют поворачивается к Шимчаху. Взмах ножа, мгновенный удар — и голова Шимчаха падает.

Синтейют схватил голову Шимчаха, высоко поднял ее и побежал по стадиону, показывая голову всем: простолюдинам, жрецам, колдунам, чакам и самому Халач-Винику.

Барабаны снова гремят, свистят свистульки, трещат трещотки, протяжно тянут свои мелодии трубы. Радостны лица жителей столицы. Снова на поле летят драгоценности и одежда.

Телохранители поднимают носилки Халач-Виника. На лице Халач-Виника гордость, на лице его уверенность в том, что следующий год будет счастливым для его государства.

Снова Халач-Виник шагает по крутой лестнице пирамиды. За ним следуют жрецы и након.

Люди смотрят на этих всемогущих посланцев бога, удаляющихся от земли. Сейчас они сядут на шкуры ягуара, бросят на угли комочки священного копаля. Ароматный дымок потянется к небу, к богу. Наместники бога на земле произнесут молитву.

Пока великие говорят с богами, индейцы по приказу знатных воинов и жрецов уже несут на площадь огромные сосуды с балче. Каждому будет выдан хмельной напиток. Он обожжет кровь, помутит сознание и сделает все вокруг еще радостнее.

Герой сегодняшней игры Синтейют стоял в окружении юношей. Они награждают его восторженными взглядами. С разных сторон ему несут сосуды с хмельными напитками. Синтейют был сильнее всех. Синтейют мог выпить больше других индейцев.

Чем больше выпито хмельного напитка, тем радостнее гул на площади. Индейцы пьют за победу над бледнолицыми, они пьют за победу команды защитников бога дождя. И только, когда кончилось балче, индейцы вышли на платформу Ягуаров и Орлов, которая сложена из камня напротив пирамиды, и начали танец. У одних в руках копьа. У других древко с флажками...

Танец напоминает боевые управления. Шаг вперед, взмах копьа, сандалии стучат по каменным плитам в такт барабану.

Жрецы танцуют на каменных террасах пирамиды. Их красные накидки огненно горят в лучах заходящего солнца.

Танец будет продолжаться долго, пока темное покрывало ночи не скроет великий город индейцев майя.

Христианский крест поднялся над землей

Индейцы праздновали победу.

А испанские солдаты во главе с Франсиско Эрнандесом прямым курсом плыли на Кубу. Нет, нелегко завоевывать новые земли. На корабле слышались стоны раненых. Кто мог оказать им помощь? А тропическое солнце, казалось, хотело сжечь корабль, уморить бледнолицых людей. Многие раненые моряки находили могилу в голубых водах Карибского моря.

Те, кто остался в живых, по крохам делили продовольствие, по каплям воду и мечтали лишь об одном — поскорее добраться до своих.

Прибыв на Кубу, Франсиско Эрнандес доложил губернатору Диего Веласкесу об удивительной земле, на которой есть прекрасные дворцы и храмы, где живет храбрый народ, где есть золото.

Золото воспламеняло фантазию испанцев, прибывших в Новый Свет с мечтой о богатстве. Золото

нужно было королю Испании Карлу V, золото нужно было придворным, золото открывало любые двери.

Наместник короля на землях Нового Света губернатор Диего Веласкес решил во что бы то ни стало завоевать вновь открытые земли. Он снаряжает одиннадцать кораблей и назначает во главе экспедиции испанского идадьго Эрнандо Кортеса, который издавна славился дерзостью своего характера. Кортес, имя которого навсегда будет связано с Мексикой, клянется: «Завоевать вновь открытые земли для бога, для короля, для себя и для своих друзей».

500 солдат, шестнадцать лошадей, пушки и фальконеты, ядра и порох были погружены на корабли.

На мачте флагманского корабля Кортес водрузил бело-голубое знамя христианской церкви. Кортеса уже не остановят стрелы и копья индейцев: огнем и мечом он сокрушит их языческий мир, превратит в осколки их каменных идолов, в руины — их храмы, дворцы и пирамиды.

И опять корабли испанцев приближаются к земле индейцев майя. Испанцы дают залп из орудий и спускают на воду большие шлюпки. В шлюпках не только люди, но и огромные звери на четырех ногах с большой головой и красным языком.

Кортес вышел из шлюпки, обнажил шпагу и ударил ею по огромному дереву сейба.

— Именем короля Испании Карла Пятого, — крикнул Кортес, — отныне я, Эрнандо Кортес, властвую над этой землей.

Со шпагой в руке он переступил порог индейского храма и, увидев каменного идола, на лице которого была запекшаяся кровь жертв, приказал разбить идо-

ла и вынести вон. На его место было поставлено знамя с красным крестом и словами: «Братья, последуем кресту. Имея веру, сим знаком победим».

Закованные в латы испанские конкистадоры уже скакали по селению. Индейцы с ужасом смотрели на чудовищ, веря, что человек и животное — это одно целое. Испанцы врываются в храмы, вытаскивали идолов и разбивали их.

А потом они ловили индейцев, ставили их на колени перед христианским крестом и через переводчика Мельчиора обращали в христианскую веру.

Через этого же переводчика Кортес узнал, что на земле майя живут несколько человек с белой кожей. За вознаграждение индейцы согласились отнести этим людям записку Кортеса. Вот что писал Кортес:

«Благородные сеньоры, я отправился с Кубы с эскадрой в 11 кораблей и 500 испанцев. Я прибыл сюда, на Косумель, откуда пишу вам это письмо. Жители этого острова уверили меня, что в стране есть пять или шесть бородатых людей, во всем похожих на нас; они не могли мне дать или описать другие приметы, но я догадываюсь и считаю несомненным, что вы испанцы. Я и эти идальго, которые пришли со мной населить и открыть эти страны, мы очень просим вас в течение шести дней после получения этого письма прийти к нам без отсрочки и оправданий. Если вы придете, мы все будем признательны и вознаградим вас за большую помощь, которую получит от вас наша эскадра».

Кортес был человек дерзкий и рожденный под счастливой звездой. Много раз судьба спасала его

от гибели, от злой воли губернатора Диего Веласкеса, и на этот раз судьба дала ему человека, знающего эти земли, обычаи индейцев, их язык. К нему пришел испанец Агиляр. Агиляр рассказал, как восемь лет назад их корабль потерпел крушение, как они добрались до этой земли, и многих из них индейцы принесли в жертву богам. Оставшиеся в живых бежали, но все погибли, кроме двоих — Агиляра и Герреро. Но Герреро отказался идти к испанцам.

«Брат мой Агиляр, — сказал Герреро, когда узнал о письме Кортеса. — Я женат на индеанке, у меня трое детей, вождь призывает меня руководить войсками, когда начинаются сражения. Да ты посмотри на меня... Тело мое татуировано, уши надрезаны. Что скажут испанцы, увидев меня?»

Герреро навсегда остался у индейцев. Агиляр пришел на службу к Кортесу. Он открыл Кортесу главную дорогу к богатству и славе. Там, в центре Мексики, есть огромная империя ацтеков со столицей Теночтитлан. Там главное богатство мексиканской земли.

Кортес отправился в Теночтитлан. По земле майя полетела весть о том, что бледнолицые разбили идолов в храмах и поставили там свой крест. И тогда все снова вспомнили пророческие слова чилана Ах-Камбаля: «Народ наш будет покорен чужестранцами, которые принесут своего бога и дерево, обладающее большой силой против наших богов».

Печальные вести распространились по земле майя.

Чужестранцы одерживали победы в огромной стране ацтеков, где правит император Монтезума и где живет людей намного больше, чем на Юкатане.

Из железных труб завоеватели убивают тысячи людей, разрушают дворцы и храмы, они продвигаются к самой столице Теночтитлан.

Наконец поступило сообщение, что Теночтитлан разрушен испанцами и не существует больше империи ацтеков. На ее месте теперь государство Новая Испания.

Торжествующий Мадрид

В тот день над всей Испанией гремели колокола и в храмах свершался торжественный молебен в честь приезда покорителя Нового Света Эрнандо Кортеса.

Эрнандо Кортес, покоривший империю ацтеков, возвращается на родину, увенчанный лаврами победы. Уже забыто, что он самовольно отправился завоевывать Мексику, что он приказал сжечь 11 кораблей, что он разбил королевские войска, посланные с Кубы для того, чтобы арестовать его, Кортеса. Никто теперь не вспоминает о жестокости конкистадоров на мексиканской земле.

Победителей не судят. Теперь самые высшие сановники Испании сгибаются в поклоне перед Эрнандо Кортесом.

Кортес садится в карету — и следом за ним движутся подводы, на которых королю везут в подарок всякие диковинные изделия индейцев и, конечно, слит-

ки золота. Есть в корзинах неизвестные в Европе лекарственные травы, ароматные орешки и корни.

В предпоследней подводке сидели индейцы ацтеки. Их было четверо. Они были в красивых набедренных повязках. Тела их были раскрашены красной, синей и черной краской. В руках у одного был каучуковый мяч, которым играют индейцы в тлачтли.

Испанцы смотрели на индейцев как смотрят на слонов или медведей бродячего цирка. Они подолгу шли рядом с подводой, разглядывая индейцев и даже дотрагиваясь до них руками.

Индейцы будто не видели ничего вокруг. Они сидели на подводке, поджав под себя ноги, и глаза их были опущены. Все им было непонятно на этой чужой земле. Они слышали насмешки.

А Мадрид ждал своего героя. К ногам Эрнандо Кортеса летели цветы.

Экипаж остановился у королевского дворца. Придерживая рукой тяжелый меч, Кортес поднимался по широкой лестнице в зал, где ждал его король. Следом за ним шагал его помощник Монтехо, участвовавший во всех боях на чужой земле.

Кортес с достоинством поклонился королю. Он знал, что слитки золота, которые он присылал из Мексики, и слитки золота, которые он привез с собой, дают ему право на достоинство.

После первых слов приветствия Кортес дал знак своим солдатам, и они торжественно внесли сокровища, которые были захвачены в империи ацтеков. Затем Кортес приказал впустить индейцев.

Индейцы стояли посредине зала. Придворные да-

мы конфузливо отворачивались, стараясь краем глаз рассмотреть стройных индейцев.

— Ваше величество, — обратился Кортес к королю. — Я привез в Испанию этих игроков в тлачтли, чтобы показать удивительное состязание в каучуковый мяч. Но для этого нужно возвести две каменные стены и сделать два кольца. Прикажите...

Король приказал построить такие стены.

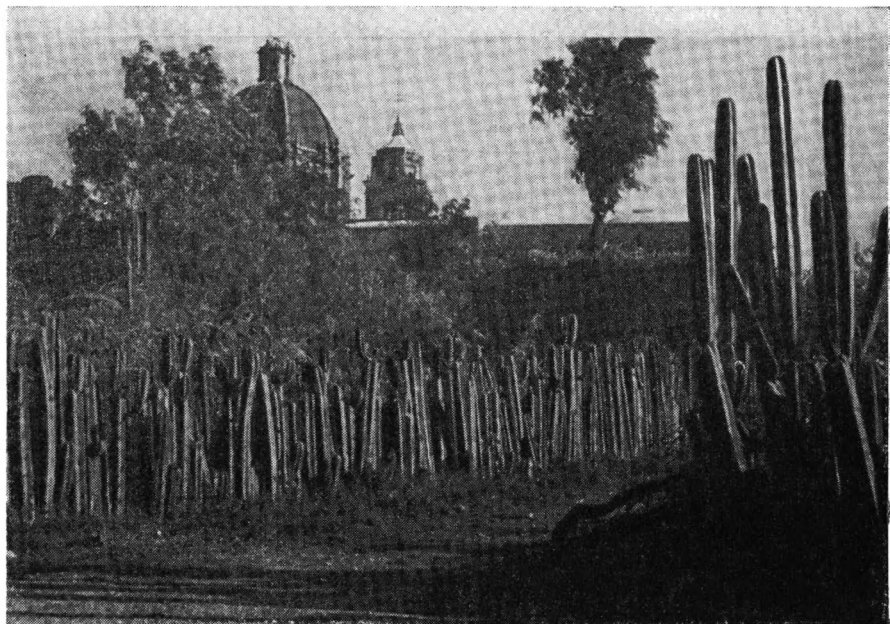
Индейцы были отпущены, а придворные и сам король стали разглядывать сокровища. Сколько было здесь удивительных произведений искусства, каких никогда еще не видела Европа! От всех этих драгоценных подарков веяло ароматом чужой сказочной земли. И каждая статуэтка, каждое ожерелье имело свою историю. Кортес рассказывал эти истории его величеству и придворным.

Кортес достал обсидиановый нож жреца. Он показал нож королю и его советникам. Он рассказал, как жрецы ведут на пирамиду свою жертву, как кладут спиной на округлый камень, вскрывают грудь и вырывают еще трепещущее сердце...

Всем хотелось услышать рассказы о чужой земле, и поэтому во дворе короля Карла V пышные обеды перемежались с торжественными собраниями и салонными беседами, во время которых Эрнандо Кортес продолжал делать свои удивительные сообщения о Новом Свете. Пользуясь расположением короля, Эрнандо Кортес не забывал просить у него милости для себя и своих помощников. Кортес получил титул вице-короля Новой Испании, а его другу Монтехо бы-

Из листьев хенекена делают самые крепкие веревки.

Вряд ли кто осмелится
перелезть через этот забор
из кактусов.

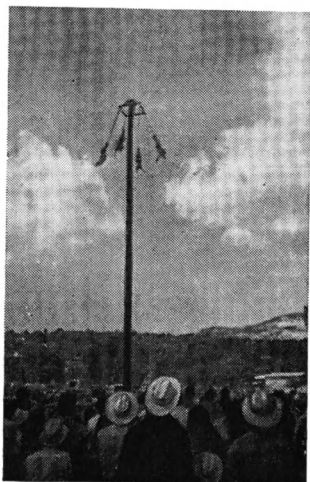
Нередко увидишь в поле такую древнюю упряжку.

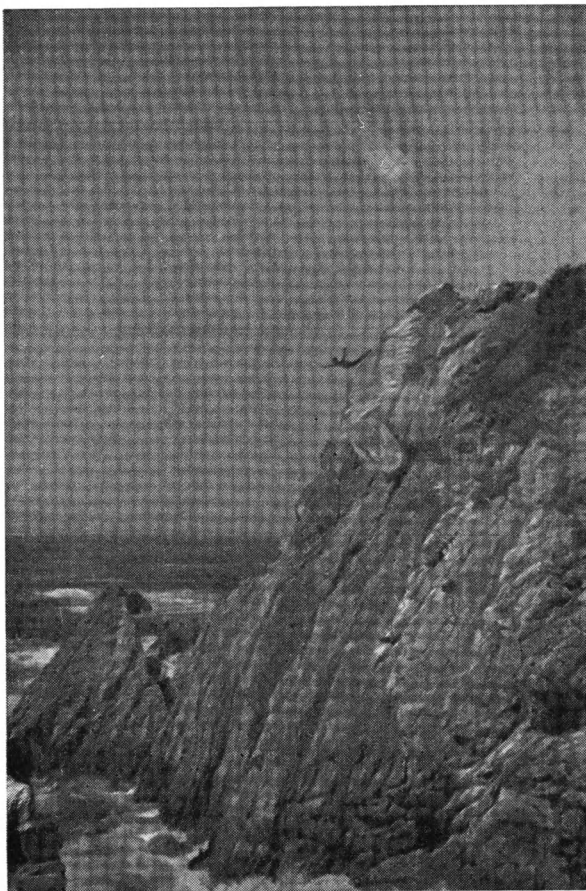
Рядом с полем крестьянина стоит глиняная башня для хранения зерна.

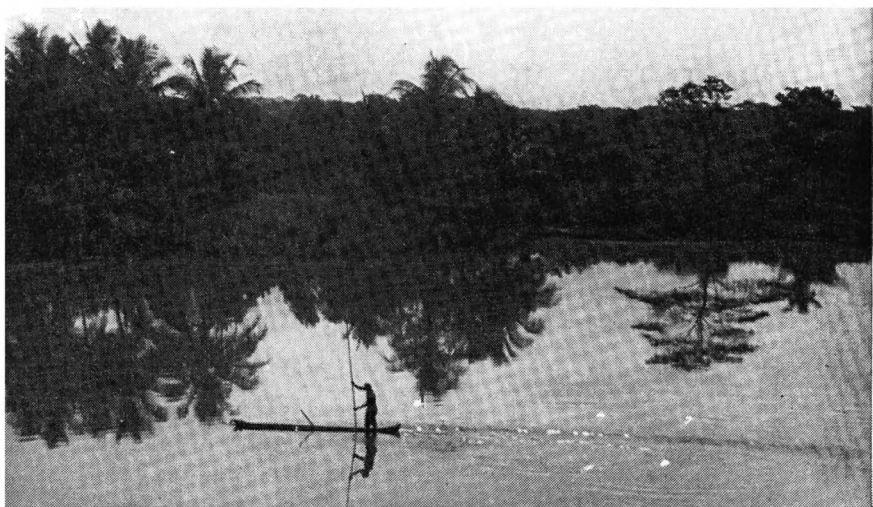
Какой будет улов?

Зацепившись за веревку, спускаются на землю вниз головой «летающие люди из Панантлы». В древние времена так испытывали храбрость юношей, прежде чем дать им право называться мужчинами.

Далеко за пределами Мексики известны прыгуны с сорокаметровой скалы Кебрады.

В джунглях индейцы передвигаются в пирогах, сделанных из ствола дерева, живут в хижинах, покрытых листьями пальмы.

У индейцев тоже есть
детский сад.

Невеселые новости —
начинается засуха.

**В индейской деревне
открывается школа.**

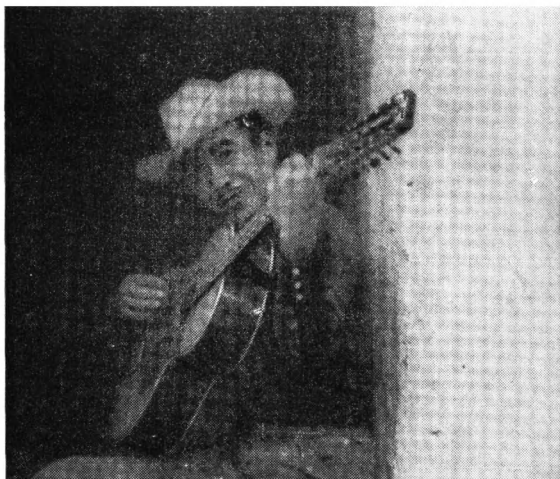

На табачной фабрике
работают стар и мал.

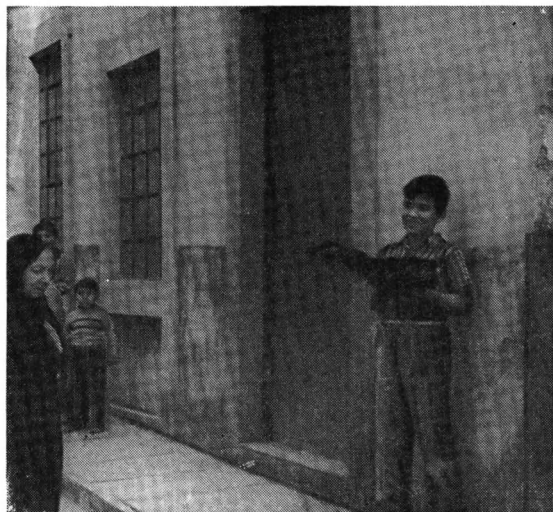

Знойный полдень лучше
переждать в тени.

В свободную минуту
верная подруга мексиканца — гитара.

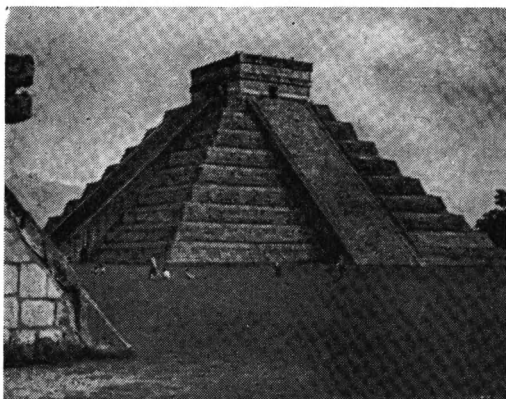
Если у вас есть петух,
приходите: посмотрим,
чей петух окажется сильнее в бою.

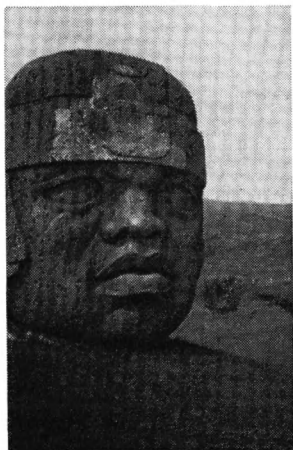

«Купите бананы, сеньор! Вот эту связку! В ней всего пятьдесят килограммов».

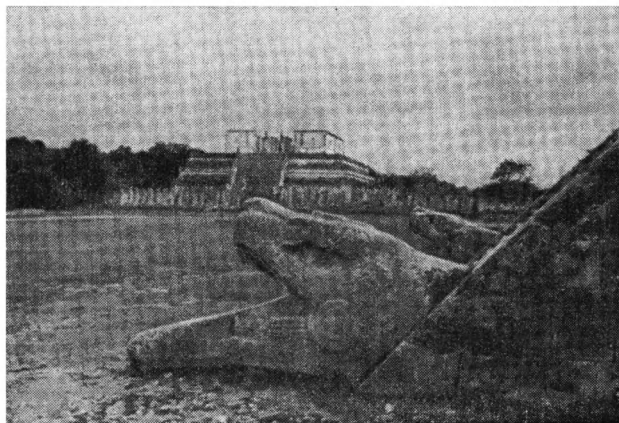
Величественная пирамида украшает центр древнего города Чичен-Ицы.

Джунгли подступают к древнему городу.

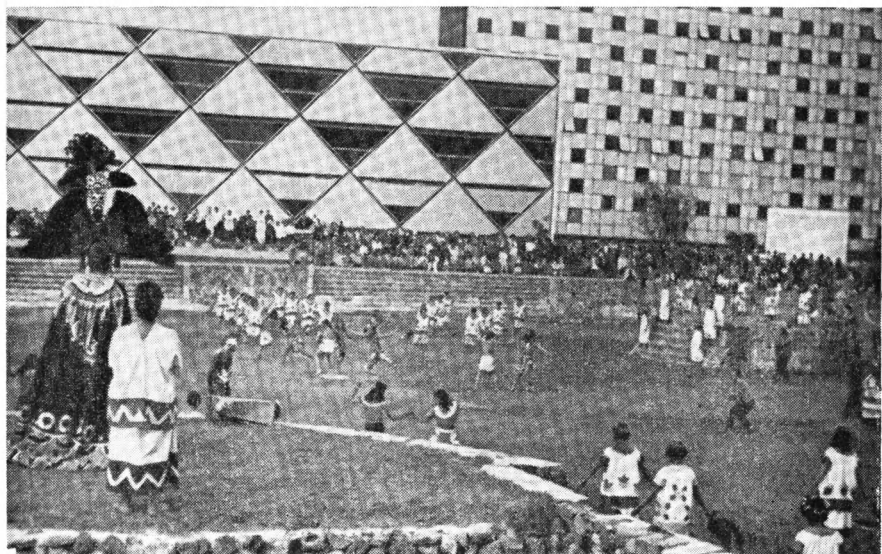

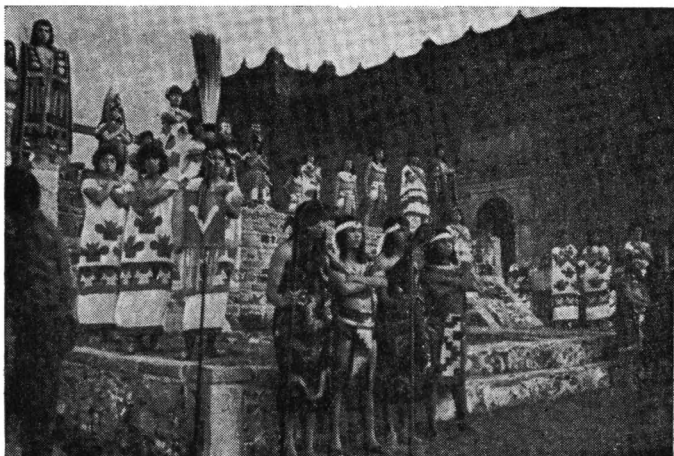
Много веков назад из огромного камня высечена голова индейца племени ольмека.

Пернатые змеи широко раскрыли свои пасти, будто они хотят защитить то, что создано руками индейцев майя.

В центре столицы на площади Трех культур собрались сотни юношей и девушек на древний Праздник цветов.

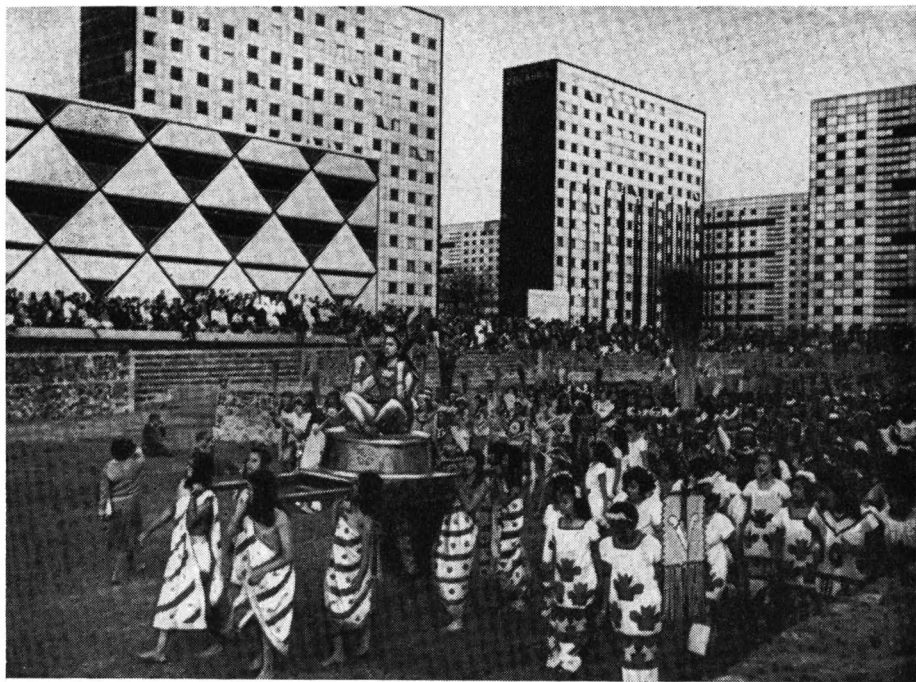

Индейские войны замерли с копьями и стрелами в руках.

На празднике увидишь жреца в пышном наряде.

Так же, как когда-то
в древности, индейцы
несут на плечах своего
Верховного правителя.

ло присвоено звание генерал-губернатора всех земель индейцев майя на Юкатане. Никого не смущало, что земли эти еще не завоеваны, что испанцы побывали лишь в прибрежных селениях. Монтехо завоеует их.

Торжество в Мадриде продолжалось. Все готовились к спортивному празднику, на котором должны были выступить индейцы. Уже построены были стены, сделана трибуна для его величества и гостей.

В Мадрид приехали вельможи из других европейских государств. «Ну как не взглянуть на чудо, которого еще не видели на континенте». Прибыл сюда немецкий путешественник Христофор Вейдитц, который впоследствии написал книгу об этом представлении и поместил портреты двух индейских игроков.

В то время в Европе еще не знали, что такое каучуковый мяч! В Испании существовала игра, похожая на современный теннис. Играли кожаным мячом, набитым волосом. Отсюда родилось название мяча «пелота», что значит в переводе с испанского — волос, шерсть. Во Франции и Италии существовал другой мяч — надутый кожаный пузырь. Но каучуковый мяч был загадкой для европейцев. А у индейцев он применялся еще за 500 лет до прихода испанцев.

День торжественного спортивного праздника наступил. Зрители заняли свои места. Они приветствовали короля, который прошел в свою ложу в сопровождении Эрнандо Кортеса. Протяжно заиграли фанфары, и на поле появились индейские игроки. Локти игроков, колени и кисти рук были защищены поду-

щечками из стеганой ткани и кожи. На бедрах у них были тяжелые кожаные пояса.

Игроки положили мяч в центре поля. Они прыгали по полю, как лягушки, вызывая всеобщий восторг зрителей. Иногда они посматривали на трибуну, где сидел король. Там на их земле с этой же стороны поля стояла трибуна Верховного правителя. По его знаку игроки начинали состязание.

Знак подал Кортес. Он поднял руку, и один из игроков подбежал к мячу и ударил его локтем. Мяч взлетел вверх, ударился о стену и, к удивлению всех присутствующих, отскочил от стены. Теперь другой игрок бьет мяч коленом, и снова мяч отскакивает от стены. Европейцам казалось, что перед ними не игроки, а фокусники.

Индийцы играли все азартнее. Казалось, они забыли, что игра идет в Испании, что это лишь представление, что эта игра не определяет судьбу племени и никого не обезглавят после того, как мяч упадет в кольцо.

Король смотрел на игру и высказывал похвалу Эрнандо Кортесу, который привез так много диковинных вещей из Нового Света и этих удивительных игроков.

Зрители внимательно следили за движением игроков. Пройдет совсем немного времени после этой игры, и сообщения о ней полетят в столицы других европейских государств. Вскоре в Европе появятся каучуковые мячи, привезенные из Нового Света, и постепенно они станут входить в обиход европейских спортсменов. Каучуковый мяч изменит правила старинной игры в теннис, он окажет влияние на правила

таких игр, как футбол. Появится волейбол, в котором по индейским правилам команды будут стремиться не допустить падения мяча на землю. А баскетбол целиком будет заимствован у индейцев, с той лишь разницей, что у индейцев кольцо стояло вертикально, а у европейцев оно будет расположено горизонтально.

Но во время этого праздничного состязания никто еще не знал, какую роль сыграет в Европе индейская игра тлачтли.

Индейцы продолжали игру. С быстротой молнии они передвигались по полю. Казалось, для них ничто не существует в эти минуты. Одна цель — забить мяч в кольцо...

И наконец мяч был забит. Радостно бежал победитель по полю. Он что-то кричал на своем гортанном языке, но люди не понимали его...

Эрнандо Кортес спустился с трибуны на поле, взял мяч и преподнес этот удивительный прыгающий шар королю Карлу V.

Зрители устроили овацию — нет, не игрокам, а Эрнандо Кортесу, который привез из Нового Света такой удивительный мяч и таких забавных индейцев.

Снова шаги конкистадоров

...Халач-Виник и жрецы просили богов смилостивиться над государством индейцев майя, закрыть дорогу на их землю чужестранцам-завоевателям. Но испанцы не забыли о существовании загадочной земли Юкатан. Вновь испеченный генерал-губернатор Юкатана Монтехо готовил к далекому плаванью корабли. В трюмы грузили бочки с порохом, по трапам поднимались солдаты и лошади. Новый генерал-губернатор любой ценой решил покорить индейцев майя и вступить во владение своими землями.

С попутным ветром ушли корабли под командой Монтехо к далекому Юкатану.

И опять индейцы услышали залпы орудий. По их дорогам, сметая все на своем пути, двигались завоеватели. Они проникли в глубь Юкатана и основали здесь укрепленный город Саламанка.

Вдоль городских стен были установлены пушки.

На центральной площади был построен храм, и над ним вознесся христианский крест.

Конкистадоры мчались на лошадях в индейские поселения и пригоняли индейцев как рабов в свой город. Для испанского солдата было неважно, кто это был — жрец, художник, након или чилан, — всякий индеец для испанца раб. И губернатор Монтехо разрешал захватывать рабов любыми средствами. Индейцев приводили в цепях, их били плетью и травили собаками.

Гордые и свободные индейцы не могли смириться с участью рабов. Недовольство словно черная туча нависло над землей майя.

Над столицей индейцев майя снова зазвучали призывные звуки труб, барабанов и трещоток. Након Тепеух собирал воинов для борьбы с чужестранцами. Как прежде, самые сильные индейцы становились под военное знамя. Были среди них Холон и Мугукут. В стеганых куртках, которые заменяли доспехи, они стояли рядом, как отец и сын. За спиной у каждого колчан со стрелами, в руках лук и копье.

Конечно, у Холона была не та сила, что прежде. Сколько времени прошло с тех пор, как он отдал свою дочь богу Юм-Чаку! И все-таки он сразится с чужестранцами!

Холон ощущал могучее плечо Мугукута, и от этого у него еще больше росла уверенность в победе над чужестранцами. Вспомнилась битва в Чампотоне и бледнолицые пленники, которых принесли в жертву богу...

Халач-Виник дал знак, и воины отправились в путь.

Након Тепеух не повел воинов по одной дороге. Он разделил людей на небольшие отряды и приказал двигаться к городу чужестранцев тайными тропами. Бесшумно, словно тени, пробирались индейцы среди тропического леса. Они подкрались к городу с разных сторон. Индейцы увидели храм чужестранцев, дома, построенные из толстых бревен. Все здесь было так непохоже на их города и поселения.

Након Тепеух поднял руку и пронзительно крикнул: «Калачуни!» Крик накона подхватили индейцы. Тысячи стрел полетели в испанцев, которые не ожидали нападения. Индейские воины с копьями в руках бросились на штурм города.

Но на башне храма уже зазвонил колокол. Ударили пушки, и содрогнулась земля. Десятки индейцев упали.

Вслед за орудийным залпом послышались выстрелы мушкетов. Стрелы и копья бессильны против пороха и пуль. Индейцы отступили. Упал Холон, Мугукут подбежал к Холону и поднял его. Мугукут был уверен, что Холон споткнулся. Но глаза Холона были закрыты. На груди его виднелась маленькая кровавая дырочка. Нет, ничто не может спасти индейского воина от невидимых стрел бледнолицых.

Мугукут стоял на коленях у тела Холона. Он уже не слышал грома боя, пронзительных криков: «Калачуни!»

Након Тепеух все яснее видел, что стрелы и копья его воинов бессильны против пороха и пуль чужестранцев. Он приказал отступить. Он знал, что ночью придут подкрепления. Завтра снова можно будет поднимать людей в атаку.

Ночь наступила. При свете луны индейцы рыли могилы тем, кто погиб во время атаки. С разных сторон слышались печальные плачи воинов. Днем индейцы не плачут по умершим. Только ночью они дают волю своим чувствам.

Они рыли могилы для погибших воинов. Мертвецам набивали рот кукурузой, чтобы им не голодно было на том свете. В кукурузу вдавливали несколько дорогих камушков, которые заменяли деньги. Тело погибшего заворачивали в саван и под всеобщий плач опускали в могилу...

А на башне храма бледнолицых звонил колокол. Может быть, он звонил по погибшим солдатам, думали индейцы, или, может быть, бледнолицые хотели атаковать индейцев ночью. На всякий случай индейцы не расставались с оружием.

Но атаки не было, а колокол звонил и звонил в темноте. И под этот звон конкистадоры покидали город. Они поняли, что отрезаны от мира, что пушки и мужество не спасут их от голода.

Кончилась тревожная ночь. Солнце разогрело воздух, и плотный туман в джунглях рассеялся. А колокол все звонил и звонил...

Дозорные индейцы взобрались на высокие деревья и доложили накону Тепеуху, что город пуст, чужестранцы покинули его. Когда индейцы приблизились к храму, они обнаружили обман. К языку колокола была привязана собака. На полу был оставлен хлеб. Он лежал на таком расстоянии, что собака не могла его достать. Всю ночь собака рвалась к хлебу, рвочивая язык колокола.

По разным дорогам отряды индейцев отправились

в погоню за испанцами. Након Тепеух во главе самого сильного отряда двигался по дороге, ведущей на юг.

Как только кончился тропический лес и открылась равнина, након увидел шесть четвероногих чудовищ и всадников на них. Они должны были прикрыть отступление солдат.

Индейцы бросились в атаку. Шесть мушкетов изрыгнули огонь. Сотни стрел полетели в чудовищ, но стрелы ударялись о железные латы и падали на землю. И все-таки индейцы приближались, и все отчаянее слышался военный клич: «Калачуни!»

Чудовища вынуждены были отступить, и снова раздалась залпы мушкетов. Индейские воины падали, но на их место вставали другие. Все более плотным кольцом индейцы окружили чудовищ. Всадники выхватили тяжелые мечи и обрушили их на беззащитные головы индейцев. Всадники хотели разорвать кольцо окружения, вырваться на свободу, а уж тогда никто не сможет догнать их.

Кольцо разорвано. Одно чудовище вырвалось и поскакало прочь, за ним устремились остальные. В этот момент самый сильный и ловкий индеец племени майя, прикрывая голову тростниковым щитом, бросился к чудовищу и схватил его одной рукой за заднюю ногу. Будто это был баран или собака. Чудовище пыталось вырвать ногу из могучей руки индейца, но напрасно.

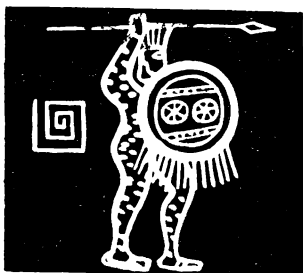
А индейцы уже стаскивали бледнолицего воина на землю. Другие выхватили ножи с обсидиановыми лезвиями и резали шею чудовищу. Чудовище покачнулось и упало. Крик радости вырвался у индейцев.

Значит, чудовище можно убить! Теперь они резали чудовище на куски. Они пробовали его кровь, они мазали ею свои уши.

Након Тепеух подозвал гонца и приказал отнести голову чудовища Верховному правителю.

Гонец взвалил на плечо драгоценную ношу и побежал по самой короткой дороге в столицу. Теплая кровь чудовища капала на спину гонца, и от этого он еще больше ощущал радость победы и гордость за то, что он несет Халач-Винику драгоценный трофей.

Гибель Великой Империи

Индейцы майя изгнали чужестранцев, но радость недолго озаряла их лица. Как будто чужестранцы прокляли их землю, как будто навсегда разгневались боги. Солнце, как пламя, сжигало посевы. Небо пожелтело от зноя.

Как и прежде, индейцы собирались вокруг пирамиды, ставили жаровни, бросали на них благовонный копаль и просили бога Юм-Чака оросить землю. К Священному колодцу вели самых красивых девушек и юношей племени. Босыми ногами индейцы ходили по раскаленным углям. Смотри, Юм-Чак, мы все можем стерпеть. Только дай нам дождь.

А небо по-прежнему молчало — ни тучи, ни облачка. Зерна маиса сгорали в земле, не давая всходов.

Голод вползал в хижины. Умирили дети и старики. Умирили мужчины и женщины. Изнуренные голодом и зноем люди падали на дорогах. И неслись по ночам над землей майя жалобные плачи.

Уже давно был забыт вкус маиса. Единственной пищей индейцев была кора дерева кумче и листья деревьев. Но боги, наверное, решили уничтожить племя индейцев майя. Вместо дождевых туч, которых так ждали индейцы, они послали на их землю черные тучи саранчи. Эти тучи были так велики, что они скрыли солнце. Саранча опускалась на леса и пожирала зелень. Пышные тропические деревья теперь напоминали обглоданные скелеты. Голой и неприветливой стала земля индейцев.

Может быть, в центре Мексики, где Эрнандо Кортес основал испанские колонии, знали о тяжелой участи народа майя. Может быть, поэтому сын губернатора Монтехо дон Франсиско решил организовать новый поход на Юкатан и расплатиться с индейцами майя за поражение своего отца. Эрнандо Кортесу нравился боевой дух молодого дона Франсиско, и он согласился на организацию нового похода.

Долго шли отряды дона Франсиско к землям индейцев майя. Первым на их пути был город Чампотон. Конкистадоры хорошо знали историю битвы в Чампотоне и жестокость правителя Моч-Коваха. Дон Франсиско выслал вперед всадников, установил на окраине города орудия. Конкистадоры были готовы к бою.

Но жители города не оказали сопротивления испанцам. Воинственный Моч-Ковах уже умер. А индейцы были слишком изнурены голодом.

Дон Франсиско обосновался в Чампотоне и отсюда стал посылать отряды в глубь страны майя.

— Огнем и мечом мы должны сокрушить языческую религию, — говорил конкистадорам дон Фран-

сиско, — и подчинить народ этой страны. В наших сердцах не должно быть жалости и сострадания. Братья, последуем кресту — имея веру, сим знаком победим!

Опять летели с постаментов статуи индейских богов, рушились храмы, захваченные земли делились между испанцами, а индейцев превращали в рабов. У конкистадоров были не только мечи и мушкеты. Огромные собаки, приученные разрывать людей, тяжелые кандалы, цепи, розги и, конечно, огонь инквизиции. Рабов можно было захватывать любыми средствами и обращаться с ними как угодно.

Когда в провинции Кочвох и Чектемаль индейцы восстали против испанцев, дон Франсиско выслал туда карателей. Всех знатных лиц каратели заперли в доме и подожгли его. Жен знатных лиц они привели к огромному дереву и повесили их на сучьях, а детей привязали к их ногам.

Многим индейцам конкистадоры отрубали носы, кисти рук, ноги. Их женам отрезали груди и бросали собакам. Некоторым индейцам привязывали к ногам тыквы и топили их в болотах. Оставшихся в живых превращали в рабов. Индейцу надевали на шею, как собаке, цепь и вели его. И если в пути индеец ослабевал и начинал отставать от всех, то конкистадоры, чтобы не терять времени на развязывание цепи, отрубали индейцу голову мечом и шагали дальше.

— Нас мало, а их много, — говорили конкистадоры. — Мы должны покорить эту землю, освободить этих темных людей от идолопоклонства и приобщить их к Христовой вере.

Страшные вести летели по индейской земле. Но

у индейцев уже не было сил отстоять свою свободу. Провинции были разобщены. Люди запуганы жестокостью бледнолицых. Отряды испанцев приближались к столице индейцев майя. Халач-Виник знал об этом и все чаще выходил из своего храма на площадку пирамиды и тревожно смотрел вдаль. Халач-Виник был уже стар. Он стоял на верху пирамиды, двумя руками опираясь на свой жезл, украшенный хвостами гремучих змей.

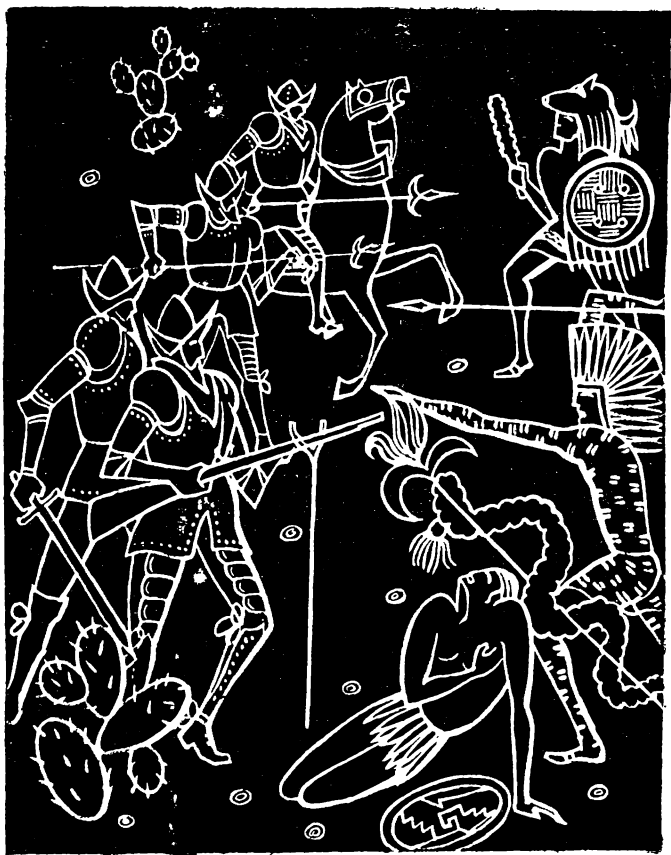
Халач-Виник решил не ожесточать испанцев. Ведь теперь у его народа, ослабленного голодом и бедствиями, нет сил, чтобы победить чужестранцев. «Я встречу их мирно, предложу им драгоценности и тем спасу свой народ!» — решил Халач-Виник.

Гонец взбежал по крутым ступеням пирамиды и доложил Халач-Винику о приближении испанского отряда. Впереди — люди на чудовищах с большими головами и торчащими ушами.

Увидев огромный город, чужестранцы остановились и дали залп из мушкетов. Грохот их выстрелов разнесся над площадью и пирамидой:

По четыре в ряд двигались чудовища и на них — закованные в латы конкистадоры. У каждого наготове заряженный мушкет. Отряд солдат прошел мимо рынка, с которого уже разбежался народ. Испанцы увидели пирамиду. Дон Франсиско некоторое время любовался этим удивительным сооружением. Казалось, даже четвероногие чудовища подняли свои большие головы.

Халач-Виник надел на себя самый торжественный наряд, собрал драгоценности, положил их на большое золотое блюдо.

Халач-Виник торжественно спускался по ступеням пирамиды к чужестранцам. Жители города выходили из домов и храмов и собирались вокруг пирамиды, чтобы увидеть эту встречу. Дон Франсиско прыгнул с чудовища на землю. Он поднял забрало, покрутил свои лихие усы и пошел навстречу Халач-Винику.

Всего несколько шагов разделяли представителей двух миров.

Халач-Виник дал знак, и жрец преподнес испанцу золото.

«Ага! — воскликнул про себя Франсиско, и глаза его блеснули радостным светом. — Значит, мы попали в богатый город!»

Конкистадор принял блюдо из рук жреца и передал его своим солдатам.

Халач-Виник поклонился. Дон Франсиско ответил поклоном и подозвал переводчика.

— Скажи этому старику, что мы его оставим в покое, если он отдаст нам все золото.

Халач-Виник внимательно выслушал переводчика и отрицательно покачал головой: «Золота больше нет!»

— Врет, — сказал Франсиско. — Эдуардо, за мной! — крикнул он адъютанту.

Мушкеты были направлены в сторону индейцев, собравшихся у пирамиды.

Франсиско, гремя мечом, упорно лез по крутым ступеням вверх, к храму. Он поднялся на верхнюю площадку пирамиды, вошел в храм, отбросил ногой священную циновку из кожи ягуара, на которой сидел Халач-Виник, посмотрел на тлеющие угли в ка-

менной пасти агуара. Увидев деревянного идола на пьедестале, Франсиско выхватил меч и с силой обрушил его на голову идола. Щепки полетели в разные стороны. Мечом Франсиско откинул в сторону красочные одежды Халач-Виника.

— Старая лиса, — процедил сквозь зубы испанец. — Он думает, нас можно провести. Где-то он спрятал золото. Все равно найдем.

Родригес стал спускаться с пирамиды.

— Где золото? — крикнул он, встав перед Халач-Виником.

Никто на земле не смел повысить голоса при Халач-Винике. Крик бледнолицего казался Халач-Винику громом, ниспосланным самим богом. Но он смирился с этим. Он понял, чего хочет этот человек в железных латах, и отрицательно покачал головой.

— Эдуардо, — крикнул Франсиско, — сделай ему священное ложе! Сейчас ты у меня по-другому заговоришь.

Этих слов Халач-Виник не мог понять. Он стоял, по-прежнему держа высоко голову в дорогом уборе из разноцветных перьев.

Испанские солдаты врыли четыре столба, соединили их жердями, на жерди положили сучья — образовалось ложе. Под ним Эдуардо разжег костер.

Солдаты подошли к Халач-Винику. Но на его лице не было страха, как будто он не видел солдат, не видел огня. Солдаты схватили его за руки и за ноги. Головной убор из перьев упал на землю.

— Остановитесь! — вдруг крикнул након Тепеух.

— Хосе, Рафаэль, — приказал Франсиско. — Взять его!

Несколько всадников врезались в толпу. Солдаты подбежали к накону и скрутили ему руки.

Халач-Виника привязывали к деревянной решетке, под которой горел огонь. Он лежал вверх лицом, с открытыми глазами и смотрел на пирамиду. Это была его пирамида. Она вела к самому богу. Над пирамидой голубое небо. Но теперь пирамида была для него недосыгаемой.

— Где золото? — услышал Халач-Виник вопрос испанца. — Я сохраню тебе жизнь, если скажешь, где спрятано золото.

Халач-Виник как будто не слышал безумного голоса испанца. Он смотрел на свою пирамиду, он любовался ее величием и красотой.

Огонь уже охватывал тело Халач-Виника. Нет, он не испытывал боли! Ему казалось, что он возносится вместе с дымом и огнем вверх, к богам, как Кетсалькоатль. Может быть, он превратится в одну из многих звезд, которые светят по ночам. Халач-Виник вспомнил других богов. Очень давно, когда на земле была ночь и не было света, боги разожгли священный огонь. Первым в него вступил бог Текусицтекотл, и на небе вспыхнуло солнце. Следом за ним в огонь бросился бог Намаутцин, и на небе зажглась луна. Может быть, на небе зажжется еще одна звезда.

А бледнолицый продолжал безумно кричать одно и то же слово: «Золото! Золото!»

Глаза Халач-Виника были по-прежнему открыты. Он смотрел на пирамиду, на храм и на небо и ждал, когда огонь вознесет его туда.

Дон Франсиско бросил последний взгляд на пы-

лающий костер, в котором скрылось тело Халач-Вишика и подошел к накону Тепеуху. Взгляд его встретился с ненавидящими глазами накона.

— Золото! — сказал Франсиско, но након молчал, глядя по-прежнему с ненавистью на человека с белой кожей.

— Четвертовать! — приказал Франсиско.

Блеснул стальной меч, и рука накона отделилась от туловища. Блеснул во второй раз, в третий... Тело накона без рук и без ног лежало на земле. Лицо его было обращено к небу. В глазах не было мучений и страдания. Глаза смотрели мужественно, так же, как они смотрели всегда.

Теперь командир испанского отряда чувствовал свою полную власть над жителями этого огромного города. Он взял с собой нескольких солдат и монаха, в руках которого было святое знамя с крестом, и они поднялись по широким ступеням храма. Свет едва проникал сюда через небольшие окна, прорубленные в каменных стенах. В парадном углу стоял идол, лицо которого было помазано кровью. Тут же — огромная, как стол, каменная плита, поддерживаемая головами атлантов. На плите были следы свежей крови. Наверное, совсем недавно здесь принесли кого-то в жертву.

Монах приказал солдатам выбросить из храма идола и смыть кровь с каменной плиты.

Монах установил христианское знамя с крестом в том углу, где был идол, и солдаты стали загонять в храм индейцев.

Индейцы входили в храм, испуганно смотрели на крест. Мугукут вошел в храм вместе со всеми. Знамя

с крестом вызывало у него отвращение. Ему хотелось растолкать людей, подойти к знамени, разорвать его и убить этого ненавистного человека в длинной черной одежде.

Но рядом со знаменем стояли бледнолицые в железных латах со страшными трубами в руках.

Монах высоко поднял правую руку и перекрестил всех, кто собрался в храме.

Монах говорил о том, что позорно поклоняться идолам, что есть только один настоящий бог — Иисус Христос. Все, чему верили индейцы, — это обман. Они напрасно отдавали жизни юношей и девушек богам.

Индейцы смотрели на знамя с крестом, на монаха. Слова его, переведенные на язык майя, не доходили до их сознания — они вспоминали недавнее прошлое.

Когда жрец произносил молитву с пирамиды, можно было видеть небо. Молитва уносилась к богам...

Монах закончил свою проповедь и заставил всех индейцев по очереди поклониться Христову знамени с крестом.

Индейцы выходили из храма. Отсюда, с верхней площадки, был виден весь древний и великий город. Опустевшая пирамида, на верху которой уже никогда не появится Халач-Виник, поле для игр, на которое никогда не выйдут защитники бога дождя и бога ветра, каменная платформа для танцев.

Командир Франсиско и монах в сопровождении солдат шли к храму, где работал ученый жрец, занося в книгу «Судьбы майя» все, что происходило в это страшное время.

Может быть, в эту минуту ученый жрец писал о вторжении бледнолицых и смерти Верховного правителя майя Халач-Виника.

Франсиско постучал мечом в дверь храма. Но ученый жрец не открыл ее. Солдаты налегли на дверь. Солдаты били в нее прикладами. Дверь не поддавалась. Она была сделана из крепкого дерева сейба. Наконец дверь открыл ученый жрец. Он смотрел на испанцев, явно не понимая, зачем они пришли в этот храм.

Франсиско оттолкнул жреца.

На каменном столе лежали раскрытая книга и кисточка, на которой еще не высохла краска. Испанский монах подошел к книге и перелистал несколько страниц. Переводчик объяснил ему, о чем говорится в книге.

— Значит, это противная нашему богу рукопись! — воскликнул монах. — Сжечь!

Солдаты вытаскивали книги и бросали их в еще пылающий костер, на котором только что сгорело тело Халач-Виника.

Ученый жрец подбежал к огню, обжигая руки, стал выхватывать книги. Сначала это забавляло солдат. Но потом один из них выхватил меч и со всего размаха ударил по спине ученого жреца. Жрец упал в огонь, и его тело сгорело вместе с историей великого народа майя.

Мугукут не мог больше переносить этого позора. Он подбежал к бледнолицему солдату и со всей силой ударил его кулаком по голове. Бледнолицый покачнулся и упал. Мугукут выхватил его меч и побежал к лесу. Многие индейцы устремились за ним.

Громыхнули мушкеты. Послышался топот ног чудовищ. Но спасительный лес уже близко — всего один полет стрелы.

Мугукут остановился у дерева. Бледнолицый летит на своем чудовище. Он хочет преградить спасительную дорогу индейцам.

Чудовище все ближе. Мугукут выскочил из-за дерева и нанес смертельный удар по голове чудовища. Бледнолицый падает с лошади, и Мугукут убивает его мечом. Путь в джунгли для беглецов открыт.

Во главе с Мугукутом индейцы уходили по тропинкам джунглей в глубь тропического леса, чтобы где-то там вновь построить жилища, расчистить участок земли для посевов маиса и начать жизнь сначала, как начинали ее когда-то, много веков назад, их предки.

Испанские конкистадоры сковали железной цепью мужчин, оставшихся на площади, и повели в свои поселения, где всегда нужны были рабы.

На площади перед святилищами и пирамидой остались груды пепла и бездыханное тело накона, которое скоро стало добычей хищной птицы куч.

И никогда уже не услышит великий город государства майя радостных голосов своих жителей, торжественного грома барабанов, звуков труб, свиста свистулек и треска трещоток. Джунгли будут все ближе подступать к дворцам, хижинам и пирамидам и скоро, очень скоро скроют их от людских глаз.

Через триста лет

Время имеет удивительную силу. Оно разрушает, оно уничтожает, оно стирает из памяти людей то, что было значимым и волнующим. Через сто лет великая цивилизация индейцев майя была забыта и фактически исчезла с лица земли.

Обосновавшись в Мексике, испанцы старались не упоминать об индейцах майя. Слишком много было жестоких и кровавых страниц в истории завоевания. Испанцы убеждали жителей Европы, Азии да и самих себя в том, что до их прихода на Юкатане жили дикари и людоеды.

А буйная тропическая растительность и дожди делали свое роковое дело. Природа будто хотела помочь испанским конкистадорам скрыть свои грехи. Джунгли поглотили крестьянские поля. Зелень пробивалась везде, даже сквозь расщелины камней, которыми были покрыты площади древних городов.

Буйная тропическая растительность оказалась

сильнее произведения человеческих рук. Она раздвигала камни и тянулась к небу, набирая силу. Огромные деревья поднялись на площадях, на площадках храмов и дворцов. Пирамиды превратились в холмы, покрытые растительностью.

Индейцы майя ушли в джунгли, подальше от городов, и основали новые поселения. Там уже не было дворцов и пирамид: только хижины из пальмовых листьев и крохотные поля маиса.

Десятилетия сменялись десятилетиями. Еще один век остался позади. Европа в это время была занята войнами. Америка — колонизацией новых земель и строительством городов.

И все-таки наступило время, когда вновь заговорили об индейцах. Сначала появились легенды. Они передавались из уст в уста, и каждый старался украсить эту легенду, прибавляя к ней свою долю вымысла.

В 1836 году, через триста лет после гибели цивилизации майя, американский путешественник Джон Стефенс случайно обнаружил в Лондоне отчет испанского офицера Антонио дель Рио, написанный в конце восемнадцатого века.

И вдруг красивая легенда об индейцах предстала в новом свете. Антонио дель Рио утверждал, что в джунглях Мексики находился огромный индейский город под названием Паленке.

Джон Стефенс пригласил художника Фредерико Казервуда, и они отправились на Юкатан, для того чтобы установить истину.

Они двигались по дорогам Юкатана, но не было видно ни пирамид, ни дворцов, ни храмов. Только

тропические леса и болота вокруг. Казалось, что в этом суровом крае не могла существовать никакая цивилизация.

Однако Джон Стефенс принадлежал к числу настоящих путешественников, он не прекратил поиска, пока не встретил индейцев, знавших о развалинах в джунглях.

Эти развалины оказались древними храмами. Каменные стены их были так густо оплетены тропическими растениями, что можно было пройти совсем близко и не увидеть строения прошлого.

А когда Джон Стефенс и Фредерико Казервуд проникли внутрь одного из храмов, они были поражены удивительным искусством древних жителей Мексики.

Фредерико Казервуд тщательно нарисовал все, что он увидел на стенах храма.

Джон Стефенс так же тщательно описал все, что узнал на Юкатане.

Потом Стефенс и Казервуд нашли древний город Чичен-Ицу. Они узнали, что по-индейски «чи» — значит «устье», «чен» — «колодец». Следовательно, Чичен-Ица — «устье колодца ицев». Где же этот колодец, который дал название древнему городу?

И опять поиск. И снова удача.

В книге, которую выпустили в свет Стефенс и Казервуд, говорилось: «Колодец был самый большой, самый таинственный из всех встреченных нами на Юкатане — он был мертв, словно в него поселился дух вечного молчания».

Книга Джона Стефенса и Фредерика Казервуда подтвердила существование цивилизации майя, но она не открыла тайну жизни майя.

Десятки путешественников устремились на Юкатан за разгадкой этой тайны. Ученые-этнографы стали рыться в церковных библиотеках с надеждой найти хоть какое-нибудь свидетельство времен конкисты. В 1864 году они нашли книгу Диэго де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане». Эта книга была написана триста лет назад и все это время преспокойно пылилась на полке церковной библиотеки.

Диэго де Ланда был епископом на Юкатане в те самые времена, когда испанцы покоряли индейцев майя. Это он насаждал среди индейцев христианскую религию и был тем самым служителем церкви, который приказал сжечь бесценные книги «Судьбы майя». Уничтожив свидетельство прошлого, Диэго де Ланда оставил потомкам небольшую книгу.

Ланда рассказывал о том, как майя обрабатывали поля, какой у них был государственный строй, какой был календарь, какие господствовали обычаи.

«У них, — писал Ланда об индейцах майя в своей книге, — был обычай прежде и еще недавно бросать в этот колодец живых людей в жертву богам во время засухи, и они считали, что жертвы не умирали, хотя не видели их больше. Бросали также многие другие вещи из дорогих камней и предметы, которые они считали ценными. И если в эту страну попадало золото, большую часть его должен был получить этот колодец из-за благоговения, которое испытывали к нему индейцы».

Слово «золото» опять мелькнуло рядом со словом «майя». Теперь легендарные индейцы волновали не только ученых Старого и Нового Света, но и предприимчивых дельцов и кладоискателей, мечтавших о богатстве. Они готовы были броситься в бой за драгоценное наследство, хранящееся в таинственных водах Священного колодца.

Сокровища древнего города

Американцу Эдварду Томпсону можно отдать пальму первенства среди всех, кто мечтал обогатиться за счет древних индейцев майя.

Узнав из книги Диего де Ланды, что золото индейцев похоронено в Священном колодце, Томпсон, не раздумывая, решил предпринять путешествие на Юкатан.

Он не относился к породе легковерных кладоискателей. Он отправился в библиотеку и стал изучать литературу о древнем городе Чичен-Ице. Там он узнал, что по-индейски «чи» значит «устье», «чен» — «колодец». Следовательно, Чичен-Ица — «устье колодца ицев».

На пыльных полках библиотеки Томпсон нашел книгу Джона Стефенса и художника Фредерико Казервуда. Они были у этого колодца во время своего путешествия на Юкатан.

«Колодец был самый большой, самый таинственный и заросший из всех встреченных нами на Юката-

не, — писал Стефенс. — Он был мертв, словно в него поселился дух вечного молчания. Казалось, что сквозь его зеленоватую воду проступает тень мистических сказаний о том, что городище Чичен-Ица некогда было местом паломничества и что сюда бросали человеческие жертвы».

Возможно, если бы Эдвард Томпсон не был так молод, а желание разбогатеть не было бы так велико, может, он и не поехал бы в далекую землю индейцев майя разыскивать клад.

Чтобы облегчить свое путешествие на Юкатан, Томпсон решил поступить на дипломатическую службу. Он предложил в госдепартаменте свои услуги в качестве консула на Юкатане.

Чиновники госдепартамента удивленно пожали плечами. «Американских граждан на Юкатане не было. Почему этот молодой человек захотел быть там консулом? Если ему угодно жариться на этой тропической земле, пусть едет!»

Томпсон получил дипломатический паспорт, который, по его мнению, должен был оградить его от случайностей в поисках клада. Вместо дипломатических бумаг и инструкций по консульскому делу Томпсон взял с собой справочник по археологии, несколько книг рассказов бывалых кладоискателей, планы Чичен-Ицы и, конечно, книги Диего де Ланды и Джона Стефенса.

Шел 1885 год, когда Эдвард Томпсон прибыл на пароходе в столицу Юкатана Мериду. Власти радушно встретили нового консула и очень удивились, когда он в первые же дни после приезда отправился в Чичен-Ицу.

Мулы резво бежали, возчик-индеец размахивал длинным кнутом. До цели было всего 120 километров.

Томпсон вглядывался в дорогу. По этой дороге на протяжении многих веков ходили индейцы майя. Эдвард искал глазами хоть какую-нибудь деталь, хоть какое-нибудь здание, которое бы напоминало о тех далеких временах. На пути вставали католические храмы точь-в-точь как в Испании, дома помещиков с балконами. Ничто не сохранило память о древних обитателях этой земли.

И вдруг Эдвард заметил на обочине дороги указатель, на котором было написано индейское слово «Олактуй». И хоть в поселке стояла испанская церковь, Эдварду все равно стало веселее. Потом он встретил еще одно индейское название — «Тахмек» и, наконец, неподалеку от дороги увидел колодец.

— Стой! — крикнул Эдвард.

Индеец натянул вожжи и испуганно посмотрел на американца.

«Конечно, это такой же колодец, как тот, в который бросали людей, — решил Эдвард. — Вернее, это не колодец, это провал земли, по краям которого видны слоистые отложения».

— Там под землей текут реки, сеньор, — сказал индеец, заметив интерес американца. — Вода в этих колодцах хорошая.

— Много здесь таких колодцев? — спросил Эдвард, когда они снова были в пути.

— Много.

— Не слышал ли ты о Священном колодце? — спросил Эдвард.

— Слышал, — просто ответил индеец. — Но там вода плохая, зеленая. Говорят, там живет бог Юм-Чак. Может, и врут; конечно.

— Давай быстрее, — приказал Эдвард.

Индеец взмахнул кнутом, и мулы побежали быстрее.

Эдвард ждал, что сейчас за поворотом откроется удивительная пирамида Кукулькана, будут видны высокая башня обсерватории, дворцы, храмы. Но дорога пролегла через тропический лес, и, кроме вековых деревьев, переплетенных лианами, ничего не было видно.

Мулы остановились у каменного дома местной асьенды. На пороге появился управляющий. «Можно подумать, что этот управляющий родной брат извозчику, — подумал Эдвард. — Они все тут на одно лицо. Волосы черные, глаза узкие — чуть приподнятые с боков».

— Хозяина нет, — сказал управляющий. — Но если вы хотите остановиться, я могу предложить вам комнату.

— Да, — сказал Эдвард. — И поскорее перенесите мои вещи.

Эдвард решил сегодня же совершить прогулку к пирамиде.

Он надел высокие сапоги, на пояс прикрепил пистолет и охотничий нож, через плечо перекинул винтовку.

— Вы не отдохнули с дороги, сеньор? — спросил управляющий.

— Я отдыхал ночью, — ответил американец.

— Может быть, вам нужен проводник?

— Спасибо! — сказал Томпсон и уверенно зашагал по дороге, как будто он всю жизнь ходил по ней, как будто Чичен-Ица был его родным домом. Не зря Эдвард изучал планы и карты древней столицы индейцев майя.

Вскоре он свернул с дороги на тропинку, которая, по его представлению, должна была привести к пирамиде. Тропинка поднималась в гору среди огромных валунов и таких же огромных деревьев.

Может быть, Эдвард и дальше шагал бы по тропинке, но взгляд его случайно остановился на белом огромном камне, заросшем травой, поверхность которого была явно обтесана. И Эдвард понял, что эти огромные камни, мимо которых он шел, не валуны, а огромные каменные колонны, стоявшие прежде у храмов.

Эдвард огляделся и понял, что ровная и заросшая кустарником поверхность не что иное, как терраса, сделанная руками древнего человека. Он поднял голову и замер в оцепенении. Он увидел огромную каменную громаду, упирающуюся вершиной в небосвод. На верху этой громады стоял храм.

Эдвард как заколдованный стоял и смотрел на храм, серый, отмеченный временем, но не потерявший своего величия.

И теперь для Эдварда вдруг ожили зеленые высокие холмы, которые были видны отсюда. Там Храм воинов, там стадион. Но все было погребено под вековыми наслоениями джунглей.

Взгляд Эдварда лихорадочно искал дорогу, которая пролегла прежде от пирамиды к Священному

колодцу. Кругом был плотно переплетенный лианами тропический лес. Ничто не выдавало тайны. Эдвард знал, что длина этой дороги была всего триста метров и шла она от пирамиды на север. Он определил по солнцу стороны света и стал пробираться по лесу. Лес был непроходимым, деревья — огромны. Казалось, они здесь с момента сотворения мира. Тревожно кричали обезьяны и птицы.

Влажная жара отнимала силы. Но Эдвард шагал, держа винтовку наготове. Он остановился лишь тогда, когда прошел тысячу шагов.

Он опять определил стороны света по солнцу и направился обратно к пирамиде.

«Наверное, надо было взять проводника», — подумал Эдвард. И тут же отогнал от себя эту мысль. Ему очень хотелось найти Священный колодец самому. Без посторонних людей постоять на берегу колодца и почувствовать его тайну.

Томпсон упорно пробирался сквозь заросли джунглей. Они стояли плотной стеной: в двух метрах ничего не было видно. Эдвард раздвигал руками кустарник... Осторожно делал шаг за шагом.

Неожиданно он увидел то, что искал. Томпсон раздвинул кусты — перед ним был Священный колодец. Он имел в диаметре метров шестьдесят. Зеленая стена леса стояла по самому краю колодца. Обрывисты его берега, и в них проступают слои белого известняка. В глубине колодца замерла вода.

Эдвард добрался до ступенек, которые были видны с одной стороны колодца. Он спустился на нижнюю ступень и сел. Задумчиво посмотрел на зелено-

ватую поверхность воды... Ему захотелось дотронуться до нее. Он схватился левой рукой за корень куста и протянул правую к воде. Вдруг он услышал пронзительный крик. От неожиданности он чуть не упал в воду. Он поднял голову и увидел на краю колодца управляющего. Его узкие лисьи глаза округлились от страха, руки дрожали.

— Не дотрагивайтесь до воды! — испуганно кричал управляющий.

«Шпионил, сволочь», — подумал Эдвард и поднялся наверх.

— Там живет бог Юм-Чак, сеньор, — лепетал управляющий, продолжая дрожать. — Если бы вы опустили руку в воду, он схватил бы ее. Много людей погибло в этой воде.

— Откуда ты знаешь?

— Говорят, раньше в засуху людей отдавали богу Юм-Чаку, чтобы он был милостив.

— Значит, это тот самый колодец, — повторял про себя Томпсон и уже не слушал болтовни управляющего.

...Несколько дней жил Эдвард на асьенде и каждый день рано утром с винтовкой на плече уходил к развалинам Чичен-Ицы. Он открывал все новые и новые храмы. День ото дня у него прибавлялась уверенность в том, что глубоко под водой скрыты богатства древних жителей Чичен-Ицы.

Но Эдвард не мог ничего предпринять потому, что вся территория, на которой находился древний город, была собственностью хозяина асьенды сеньора Ортегаса. Нужно было его разрешение. Сам он жил в Мериде и только изредка приезжал сюда.

И как только управляющий сообщил ему об американце, он не замедлил приехать.

Вечером к асьенде подкатила коляска. Высокий толстый человек с усами, в широкополой шляпе, с пистолетом на ремне подал руку Эдварду.

Толстяк был рад гостю. На столе появилась текилья, перец, утки, жаренные в листьях кактуса.

Толстяк говорил о женщинах, о вине, о бое быков, о лошадях, а Эдвард о развалинах.

— Да ну их к черту, эти камни! — сказал толстяк.

— Говорят, тут неподалеку есть Священный колодец, — не унимался Томпсон.

— Врут они все. Ничего священного там нет. Я вот могу выпить еще бутылку, и пошли туда купаться, в этот самый колодец.

Толстяк опрокинул очередную рюмку текильи.

— И вообще разве у меня асьенда! У людей земля как земля, а у меня камни, куда ни сунься, везде эти проклятые камни. Сколько их понаташили! Видно, мой предок был не очень храбрым солдатом. Другим дали хорошую землю, а ему эту...

Эдвард внимательно смотрел на толстяка, на его добродушный живот, на его пьяные глаза, и у него вдруг мелькнула дерзкая мысль: купить асьенду, стать собственником древнего города индейцев майя, хозяином Священного колодца!

Конечно, у молодого американца не было лишних денег. Но он вспомнил историю Стефенса. Когда он вместе с художником Казервудом прибыл в Копан, оказалось, что руины древнего города индейцев находятся на земле, принадлежавшей какому-то дону

Хосе Мария. Стефенс пришел к дону Хосе, отрекомендовался и с американской деловитостью спросил: «Сколько вы хотите за руины?» «Я думаю, — писал потом Стефенс, — это так же поразило его, как если бы я вдруг попросил его, чтобы он продал мне свою бедную старую жену...»

После нескольких дней размышлений дон Хосе согласился продать шесть тысяч акров болотистых джунглей с бесполезными камнями и холмами мусора за пятьдесят долларов!

«Пятьдесят долларов за древний город!» — повторил про себя Эдвард и опять внимательно посмотрел на сеньора Ортегаса, который наливал очередную рюмку текилы. У этого так дешево не купишь!

— Конечно, сеньор Ортегас, — начал Эдвард, — вам эти самые камни не нужны, а для науки они представляют некоторый интерес.

— Наука! — воскликнул Ортегас, засмеялся.

— Вы могли бы продать землю, на которой находятся руины?

— Ха! — сказал Ортегас и пьяно устался на Эдварда. — Не выйдет! — Хозяин отрицательно повертел указательным пальцем перед носом Эдварда.

— Я куплю у вас развалины, — сказал Эдвард, и голос его выдавал волнение.

— Хочешь купить — покупай всю асьенду. А камни? Как я их тебе продам? Сколько я за них возьму?

— Мне не нужна асьенда, — сказал Эдвард. — Нужны развалины для исследований.

— Нет, — твердо сказал Ортегас. — Покупай всю асьенду.

— Сколько бы вы хотели за нее?

Пьяный туман сразу слетел с глаз сеньора Ортегаса. Теперь он уже не был таким простодушным усатым помещиком. Он был торговцем.

Мы не знаем цену, на которой остановились Томпсон и Ортегас. Но сделка в тот день состоялась. Эдвард положил на стол задаток и получил расписку.

Допоздна они пили текилью. И это был тот самый удивительный случай, когда и продавец и покупатель после свершения сделки чувствовали себя счастливыми.

«Всучил я ему землицу, — думал Ортегас. — Будет над чем посмеяться. Знай наших, мистер».

«Погрызешь ты локти, когда я заберусь в этот Священный колодец и вытащу оттуда кучу золота».

...После сделки мистер Томпсон и сеньор Ортегас расстались. Сеньор Ортегас отправился в Мериду, где он обычно жил. Там он пил с друзьями текилью и потешал всех рассказами о чуде американце, который хочет купить его дурацкую асьенду.

Эдвард, сославшись на недомогание от местной жары, поехал в Штаты. Он попросил в госдепартаменте отпуск и срочно занялся водолазным делом. Затем он сконструировал специальную землечерпалку, которую можно было установить на краю Священного колодца и которую могли бы приводить в движение два человека.

Когда все было готово, Эдвард предстал перед

членами американского антикварного общества и работниками музея Пибори Гарвардского университета господами Чарльзом Баудвичем и Стефеном Солсбери. Эдвард положил перед ними проект будущих работ и рассказал об асьенде сеньора Ортегаса. «Мне нужна ваша моральная и материальная поддержка, господа».

Господа антиквары почесали свои лысые головы, улыбнулись. С точки зрения голого расчета такой проект, конечно, поддерживать не стоило бы. Но чем черт не шутит. Может, и правда там спрятаны драгоценности майя. Этот молодой человек так верит в успех дела. Антиквары раскошелились.

Снова Эдвард плыл на Юкатан. Он весело потирал руки. В трюме парохода была упрятана землечерпалка, в ящиках лежало водолазное снаряжение, карманы были набиты долларами. «Поскорее бы увидеть этого пузатого Ортегаса!»

Сеньор Ортегас и его друзья с нетерпением ждали Эдварда. Хозяин асьенды по-прежнему считал, что сделка для него выгодна. А друзья хозяина ждали Эдварда просто из любопытства. В их однообразной провинциальной жизни это было волнующим событием, темой для светских разговоров.

Встреча Эдварда и Ортегаса состоялась в Мериде. Эдвард положил перед хозяином асьенды пачку зелененьких банкнотов и получил от него документы на владение асьендой и землями, лежащими вокруг. А потом была вечеринка, на которую собрались друзья Ортегаса. Они пили текилью, с любопытством поглядывали на чудака американца и в душе посмеивались над ним.

Томпсон мыслями был уже там, на своей асьенде, в своем городе Чичен-Ице, у своего Священного колодца.

Управляющий асьенды услужливо встретил нового хозяина. Он принес какие-то счета, сметы.

— Да нет же! — крикнул Эдвард. — Мне нужны рабочие — десять, двадцать, тридцать человек. Скорее! И вообще как вас зовут?

— Меня зовут Маурильо, сеньор, — отрапортовал управляющий, и в глазах его уже не было той лисей хитрости. Была покорность.

Местные крестьяне-индейцы с мачете в руках собрались во двор асьенды, ожидая приказаний нового хозяина. Они о чем-то переговаривались на своем родном языке, на том самом, который звучал здесь тысячу лет назад.

Когда на крыльце асьенды появился Эдвард в сопровождении Маурильо, говор смолк.

— Ты переведи им, — приказал Эдвард управляющему. — Мне нужно срочно прорубить дорогу от пирамиды к Священному колодцу и перетащить туда землечерпалку.

Слова Маурильо, видимо, вызвали растерянность у индейцев, они стали о чем-то спорить на своем языке.

— Что они болтают? — недовольно спросил Эдвард.

— Они боятся Священного колодца. Юм-Чак, который сидит там, может разгневаться, и тогда солнце сожжет землю.

— Скажи им, что никакого Юм-Чака нет! Это я точно знаю. И добавь, что я хорошо заплачу за труд.

Пока Маурильо убеждал крестьян, Эдвард надевал высокие сапоги, заряжал винтовку. Он взял план Чичен-Ицы и еще раз наметил по нему дорогу. Эдвард решил прорубить дорогу там, где раньше, как он предполагал, проходила торжественная процессия от пирамиды к Священному колодцу...

Крестьяне нехотя пошли на работу. Завизжала пила, и повалилось первое вековое дерево. Потом затрещали сучья второго дерева, третьего. Обозначились контуры будущей дороги. Мулы тащили землечерпалку. Но Томпсону казалось, что люди работают слишком медленно.

— Скорее! — кричал он, потому что его лихорадило от нетерпения. Все было поставлено на карту, и он должен был скорее узнать тайну Священного колодца.

Солнце нещадно палило. Но Эдвард не давал людям отдыха. Еще одно дерево повалилось на землю, рухнула еще одна стена из переплетенных лиан. Уже показалась мрачная гладь воды Священного колодца. Все тревожнее становились лица индейцев. Все радостнее было лицо Эдварда.

«Я заставлю вас, косоглазые свиньи, сегодня же установить землечерпалку. Сегодня!» — повторял про себя Эдвард, и ему казалось, что крестьяне работают слишком медленно.

Он пробрался к краю колодца. И взглянул на тихую зеленоватую поверхность воды. Уже несколько сот лет ничто не нарушало ее покоя. Колодец был так велик, что нужно было точно знать, где поставить землечерпалку.

На одном берегу колодца среди зарослей угадыва-

лась каменная площадка, с которой, наверное, бросались в воду. Эдвард позвал нескольких крестьян и заставил их расчистить площадку. Мысленно он пытался представить полет человека в воду. Он вспомнил, что Диего де Ландо писал: «Люди, которых бросали в святой колодец, не были связаны».

Эдвард стоял на площадке, смотрел на воду, и вода манила. Она волшебным образом тянула его к себе. Но до воды было двадцать метров. Эдвард сделал шаг назад, чтобы не броситься в воду.

— Эй, вы! — крикнул он Маурильо. — Отпилите мне кусок дерева, чтобы он был по весу и размеру равен человеку.

Крестьяне притазили ему бревно. Он поставил крестьян на площадку, и крестьяне, кажется, онемели от страха. Они боялись взглянуть на воду и не могли понять, чего хочет от них этот сумасшедший американец.

— Маурильо, — крикнул Эдвард, — переведи этим олухам! Пусть они поднимут этот кусок дерева и бросят в колодец.

Крестьяне опять затеяли спор.

— Послушайте, вы! — закричал Эдвард. — Не теряйте времени.

— Они боятся, — сказал Маурильо, — что это бревно потревожит покой бога Юм-Чака.

— Болваны! — закричал Эдвард и, оттолкнув крестьян с площадки, бросил бревно в колодец. Эдвард заметил то место, где всплеснулась вода.

— А ну пошевеливайся! — крикнул Эдвард погонщикам мулов.

Эдварду казалось, что даже мулы и те против не-

го, и они боятся этого несуществующего Юм-Чака. Эдвард неистово кричал. Он готов был выхватить пистолет и выстрелить несколько раз в воздух для острстки...

Землечерпалка была установлена в этот день. Эдвард проверил лебедки и ковш. Он позвал Маурильо, и они вдвоем стали раскручивать ручку лебедки. Ковш со стальными зубьями медленно опускался, крестьяне столпились метрах в десяти от лебедки и молча глядели на ковш. Он все ближе и ближе к воде. Сейчас его стальные зубья погрузятся в зеленоватую гладь колодца.

Крестьяне-индейцы закрыли глаза, когда ковш погрузился в воду. Может быть, им казалось, что сейчас произойдет чудо... Может быть, ковш вылетит обратно из воды. А может, вообще ковш никогда больше не увидит света — его уничтожит бог Юм-Чак.

Эдвард и Маурильо крутили ручку лебедки. Взгляд Эдварда был устремлен в Священный колодец. «Скоро должны быть разрешены сомнения!»

Ковш опускался все ниже, и вдруг веревка повисла. Ковш уткнулся в дно колодца.

Эдвард изо всей силы налег на ручку лебедки. Он чувствовал тяжесть ковша.

— Золото!

Еще один поворот лебедки. Сейчас поднимется ковш. И наконец, он медленно выплыл из клокотавшей вокруг него воды. Ковш окутан зеленой тиной.

Ковш уже над берегом. Открылась его стальная пасть, и содержимое вывалилось на площадку.

Эдвард бросился к горе грязи, которая растека-

лась по площадке, и как безумный стал хватать ее руками.

Грязь и только грязь. Она не давала никакого ответа. Хоть бы какая-нибудь крупинка, хоть бы какой-нибудь осколок сосуда были в этой грязи. Нет!

Ковш вытряхнул на площадку новую порцию грязи. И опять Томпсон как безумный мял ее руками. А индейцы сидели на корточках, смотрели и курили трубки. Иногда они о чем-то говорили по-своему, может быть, они смеялись над Эдвардом, может быть, удивлялись тому, что бог Юм-Чак не оторвал этот железный ковш и не оставил его там, на дне.

Солнце клонилось к закату. Лес начинал затихать. Усталые звери и птицы прекратили свой говор и пение. Но Эдвард не отпускал индейцев, он заставлял их крутить лебедку, и ковш снова и снова падал в Священный колодец, принося на площадку, как прежде, ил и грязь.

Эдвард приказал индейцам отпилить еще несколько чурбаков, соответствующих размеру и весу среднего человека. И опять он кидал их в колодец, определяя место, где могли бы быть останки людей.

Тяжелая стрела крана проплывала по воздуху и останавливалась в назначенном месте. И опять ковш падал в воду, и опять он вытаскивал ил и грязь.

Когда ночь окутала джунгли, Эдвард кончил работу. Придя домой, он стащил с себя грязные сапоги и бросился в кровать.

...Молодость и сон снова воскресили в Эдварде заряд оптимизма, который так нужен для открывателя кладов.

— Маурильо! — крикнул Эдвард, когда проснулся. К его радости, Маурильо был уже на ногах. — Созывай индейцев!

Эдвард шагал по проложенной вчера дороге к Священному колодцу. Казалось, джунгли радостно встречали его. Птицы пели утреннюю песню, весело перекликались обезьяны.

Он увидел землечерпалку. Она представлялась теперь ему родным детищем, с ней были связаны все его надежды. Но что это? Подойдя к землечерпалке, Эдвард заметил, что ручки у лебедки отсутствуют. Он внимательно осмотрел землю вокруг — ручек не было.

— Украли, — сказал Эдвард, глядя в лисьи глаза Маурильо. — Если ты в течение часа не найдешь мне эти ручки, я застрелю тебя, сволочь! — закричал Эдвард.

— Может быть, их украли обезьяны, сеньор, — сказал Маурильо, и его лисьи глаза стали еще уже.

Индейцы, стоявшие рядом, молчали.

Эдвард вынул кольт и взвел курок. И может быть, этот стальной щелчок решил исход дела.

— Хорошо, — сказал Маурильо, — я узнаю у индейцев.

Он обратился к индейцам на своем гортанном языке. Эдвард слушал, с трудом удерживая злость, которая подступала к горлу.

Маурильо знал — ручки отвернули индейцы, потому что старики сказали, что этот железный ковш разгневает Юм-Чака. «Но сумасшедший американец на самом деле может застрелить меня», — решил Маурильо и приказал индейцам принести ручки.

Эдвард посмотрел на часы и сел на краю колодца, по-прежнему держа в руке взведенный кольт.

Индейцы вернулись очень быстро. Наверное, ручки были спрятаны неподалеку. Эдвард не сказал больше ни слова. Спустил курок и засунул кольт за пояс.

Снова стрела крана поплыла над зеленоватой тихой водой. Ковш поднимался и опускался... И каждый раз вновь и вновь вытряхивал на площадку грязь и ил.

Два индейца крутили ручку лебедки. Когда они уставали, их сменяла другая пара индейцев. А Эдвард неистово месил руками грязь, которую выбрасывал ковш. Но все было тщетно. Мысли Эдварда летели к тем книгам, которые зародили идею о сокровищах, спрятанных в колодце.

«Ведь ни в одном из трех сохранившихся до наших дней кодексов майя нет упоминания о человеческих жертвах, — говорил сам себе Эдвард. — Среди пяти тысяч известных рельефов не обнаружено ни одного, который бы изображал подобное жертвоприношение».

Ковш продолжал вычерпывать грязь и ил. Гора этой грязи час от часу становилась все выше. Эдвард уже был не в силах месить грязь. Он сидел на краю колодца и смотрел на огромный водяной круг, который по-прежнему был для него загадкой.

Голос скептика преследовал Эдварда. Даже ночью, во сне слышался он. Эдварду казалось, что вместе с этим голосом смеются чиновники госдепартамента, смеются усатый Ортегас и его друзья по-

мешки. А достопочтенные господа из антикварного общества Стефен Солсбери и Чарльз Баудвич, схватившись за лысые головы, плачут...

Но Томпсон не отступал. Работы продолжались день за днем. Индейцы крутили лебедку. Они освоились с этой работой и, казалось, меньше пугались всемогущего бога Юм-Чака.

Ковш вываливал кучи грязи. И однажды пальцы Эдварда нащупали какой-то предмет с острыми краями. Он вынул этот предмет, аккуратно кисточкой смахнул с него грязь. Это был черепок глиняного сосуда. Замысловатый орнамент сохранился на нем. Радость вспыхнула, но тут же погасла. «Что в этой находке удивительного, обломки сосудов можно найти в любом колодце».

И опять монотонно стучала лебедка. Звук ее разносился по лесу, окутанному густым туманом. От густого тумана с листвы деревьев падали капли воды, похожие на слезы. Эдвард стоял под навесом из пальмовых листьев и наблюдал, как ковш опускался в воду, как поднимался, вылавливая грязь.

И на этот раз ковш медленно выплывал из котавшей вокруг него воды, и вдруг Томпсон увидел на поверхности шоколадно-коричневой грязи, наполнявшей ковш, два желто-беловатых округлых комочка. Эдвард подбежал к площадке и, как только ковш опустился, выхватил из грязи эти комочки и внимательно осмотрел их.

Конечно, их изготовил человек, но зачем? Эдвард разломил один комочек и лизнул его, но не ощутил какого-нибудь вкуса. Тогда он пошел к костру, около которого грелись индейцы, и подержал комочек над

углями. Воздух мгновенно наполнился удивительным, ни на что не похожим ароматом. И тогда Эдвард вспомнил легенду старого Мена, мудреца из Эбтуна: «В старину наши отцы сжигали священную смолу... и с помощью ароматного дыма их молитвы возносились к богу — обитателю Солнца». Значит, это шарики смолы — комочки священного копаля, значит, они были брошены сюда вместе с другими приношениями богу. Быстрее крутите лебедку!

Ковш падал в воду и поднимался. Теперь почти каждый раз он приносил свидетельство того, что здесь совершались жертвоприношения. Эдвард радовался каждой вещице, добытой в таинственном колодце. Нашли наконечник копья, сделанный из обсидиана.

Эдвард верил, что скоро следом за этими копьями ковш зачерпнет самое главное — золото.

Первой ценной находкой была символическая фигурка, вырезанная из нефрита. И наконец, первая золотая вещица — диск, на котором был выбит какой-то рисунок.

— Победа! — взволнованно прошептал Эдвард. «Победа» — это слово звенело у него внутри. Теперь он посмеется над всеми этими сеньорами Ортегасами, которые провели свою жизнь рядом с сокровищами и не разбогатели.

А землечерпалка вытаскивала стальными зубьями все новые богатства из Священного колодца. Сундук Эдварда наполнялся драгоценностями индейцев майя.

Несколько дней продолжалось торжество Эдварда. Индейцы молчаливо встречали каждую наход-

ку сумасшедшего американца. Но когда стальные зубья ковша принесли на поверхность скелет человека, индейцев снова объял страх. «Это жертва Юм-Чака. Мы отняли ее у бога. Он покарает нас за это!»

Кости, черепа и снова скелеты поднимал ковш на поверхность. Теперь уже не было загадок в древнем колодце.

Эдвард предполагал, что там под водой, хранится еще немало драгоценных вещей из золота, нефрита и обсидиана. Но ковш уже бессилён вытащить их на свет.

Эдвард дал срочную телеграмму в морской порт Кампече, где у него была договоренность с двумя греческими ловцами губок. У них чуткие пальцы, они смогут нащупать золото, они извлекут его из грязи.

...В тот день к Священному колодцу притащили водолазное снаряжение. Сюда пришли греки-водолазы. Индейцы собрались у колодца. Наконец-то Юм-Чак сможет рассчитаться с этим сумасшедшим американцем и его помощниками. Маурильо тоже верил, что Юм-Чак воздаст должное его хозяину. «Может, он действительно не вылезет больше из этого колодца, — рассуждал Маурильо. — Тогда я могу завладеть его железным сундуком».

А Эдвард Томпсон, как всегда, торопился. Он натягивал на себя водолазный костюм, два грека-водолаза помогали.

Прежде чем Эдвард сделал первый шаг по ступенькам к воде Священного колодца, Маурильо, индейцы, которые работали на лебедке, подошли к Эд-

варду и с торжественными лицами пожали ему руку, дескать, прощай хозяин, не увидать нам тебя больше!

Эдвард Томпсон отпустил поручни и быстро пошел ко дну, оставляя за собой след из серебристых пузырьков. Вода меняла свой цвет. Будто какой-то художник разрисовал эту воду. Наверху янтарная, потом зеленая, потом цвета вечерних сумерек и, наконец, темная как ночь. Даже подводный фонарь не в силах был пробить своим светом эту темноту.

Эдвард на ощупь передвигался по дну колодца. Казалось, что он где-то глубоко в подземелье. Здесь, на дне, действительно можно было поверить в существование бога Юм-Чака. Эдвард отгонял от себя страх. Действительно ему грозила опасность, но не от мифического Юм-Чака. Камни и огромные бревна, которые ускользнули от стальных зубьев землечерпалки, каждую минуту могли упасть на голову. И тогда... индейцы поверили бы в существование Юм-Чака.

На дно опустились водолазы-греки. Их чуткие пальцы быстро нашли в расщелинах колодца золотые статуэтки, диски, ножи тонкой работы из обсидиана и кремня, на ручках которых были изображены золотые змеи. Скоро мешки водолазов были доверху наполнены драгоценными находками.

— Да-а! Этот американец, видно, сильнее бога Юм-Чака, — решили индейцы.

...Когда сундуки были набиты золотыми украшениями индейцев майя, дорогими фигурками из неф-

рита, редкими экземплярами оружия, Эдвард Томпсон погрузил их на пароход и поскорее отправился в Соединенные Штаты. Бизнес есть бизнес! Его финансировали господа из антикварного общества, и теперь Эдвард должен произвести с ними расчет. Его нисколько не смущало, что добытые им сокровища были сделаны руками древних обитателей Мексики.

Пароход дал пронзительный гудок и покинул мексиканскую землю.

* * *

Мистер Томпсон разместил добытые сокровища в музее Пибори Гарвардского университета, получив за них солидную сумму.

Теперь его мало интересовала Чичен-Ица. Он устраивал свою жизнь, жизнь состоятельного человека в Штатах.

В 1910 году в Мексике началась революция. Ее победное шествие докатилось до Юкатана. Асьенда Эдварда Томпсона была разгромлена. Может быть, ее разгромили те самые индейцы, которые работали у Томпсона и извлекали сокровища, добытые в Священном колодце.

Революционное правительство Мексики потребовало у Томпсона вернуть в Мексику хотя бы часть добытых сокровищ, потому что это национальное богатство. Томпсон ответил отказом, заявив, что если бы он не извлек эти сокровища, то эти богатства лежали бы в колодце еще тысячу лет.

Томпсону предложили выплатить Мексике ком-

пенсацию 500 тысяч долларов. Томпсон отказался. Правительство конфисковало его асьенду и имущество в Чичен-Ице. Но все сокровища Священного колодца — национальная гордость Мексики — навсегда остались в американском музее Пибори.

Прощание со Священным колодцем

Мы стояли на краю колодца, на площадке, с которой когда-то прыгала Сквик. Наверное, колодец не изменился за тысячелетие, которое насчитывает его история. Те же отвесные берега, в них видны слоистые отложения морских наносов. В глубине колодца, метрах в двадцати от края, видна зеленоватая поверхность воды. В ней отражаются небо, облака, кроны высоких деревьев, растущих на берегу колодца. Сохранилась до сих пор каменная площадка на краю колодца. Если пройти несколько шагов по краю, можно увидеть крепления землечерпалки мистера Томсона.

Проводник Исидро осторожно дотрагивается до моего плеча.

Мы возвращаемся на площадь к пирамиде. Мы идем по той самой знаменитой дороге, по которой когда-то двигались торжественные процессии. Но теперь здесь лишь тропинка. По сторонам гигантские

деревья. Дорога, проложенная мистером Томпсоном, тоже давно скрылась в зрелых лесах.

Снова перед глазами пирамида и храм наверху. Там туристы. Они смотрят в сторону колодца. И вдруг я представил себе одного из этих людей с жезлом в руке, в накидке из перьев, в пышном головном уборе.

Но суэта туристов, крик гидов разрушили прекрасное видение. Я слышу английскую речь, вижу американцев, которые ходят вокруг пирамиды группами и в одиночку. Те, кто побогаче, нанимают личного гида. Эти двое — мужчина и его молоденькая жена — бродят по зеленой лужайке около пирамиды в сопровождении гида-индейца. На нем белые брюки и пестрая рубашка, распахнутая спереди, на ней шорты, красиво обтягивающие бедра.

— Марлэн, ты сядь на этого зверя! — кричит американец.

— Это бог дождя, мистер! — сообщает гид.

— Неважно!

Марлэн садится на бога, как на осла, грациозно выставив вперед ножку. Снимок готов.

Они идут дальше, взявшись за руки. Гид услужливо бежит впереди.

— Это стадион, мистер, — говорит гид. — Длина поля сто пятьдесят метров. На каменных стенах, как видите, каменные кольца. Это прообраз баскетбола, мистер.

Американец смотрит на кольца, показывает их Марлэн, что-то говорит и смеется.

— На той трибуне сидел вождь, — показывает гид-индеец и вдруг бежит по зеленому полю к трибу-

не. Он садится на скамейку Халач-Виника и говорит: — Вы меня слышите?

Мы его слышали, хотя расстояние до него было сто пятьдесят метров.

Гид бросил монету на камень — мы услышали звон.

— Пройдите сюда, прошу вас, — приглашает гид.

Американец подхватил под руку свою молоденькую жену и весело побежал с ней по зеленому полю к трибуне вождя.

Мы с Исидро пошли в другую сторону. Я увидел апельсиновые деревья и под ними камни, на которых еще сохранились древние барельефы. На камнях сидели мексиканцы-крестьяне из ближайших деревень. Изредка крестьяне перебрасывались словечками на языке индейцев майя. На том самом языке, который звучал в этом великом городе древности.

И мне показались несовместимыми эти великие строения прошлого и эти забытые крестьяне — наследники своих знаменитых предков. Откуда им знать секреты акустики стадиона, законы, по которым ученые жрецы строили обсерваторию и наблюдали за движением Солнца и Венеры десять с лишним веков назад?

Может быть, эти крестьяне выглядели бы иначе, если бы четыреста пятьдесят лет назад пришельцы из Старого Света огнем и мечом не сокрушили великую цивилизацию их предков, не уничтожили высокую культуру и не превратили в рабов индейцев майя, чьими руками созданы бессмертные произведения искусства и архитектуры.

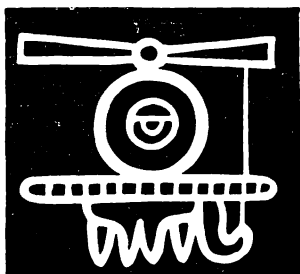
Крестьяне молча сидят на камнях, бросают золо-

тистую кожицу апельсина на землю и с любопытством смотрят на тех, кто приехал сюда, кто шагает по крутым ступеням пирамиды и бродит по площадкам храмов, созданных руками их далеких и могущественных предков.

Под тенью пирамид

Мехико

Бывают встречи, перед которыми от волнения сжимается сердце. Может быть, это встреча с давним другом, может быть, с окопом, в котором воевал, или страной, где когда-то пришлось жить.

С таким чувством я снова подлетал к Мехико после семи лет разлуки с этим городом. Я смотрел в окно самолета и ждал, когда в ночи появятся огни Мехико.

Мехико — расположенный в долине среди гор город, освещенный миллионами огней, разрезанный магистралями, по которым мчатся автомобили, — напоминает сказочное, светящееся море среди высоких темных берегов.

Я разглядел знакомую площадь Сокало, президентский дворец — величественный замок Чапультепек. Но вдруг я увидел улицу, которой прежде не было. Взгляд остановился на гигантском небоскребе, которого я тоже никогда не видел...

На аэродроме меня встречали друзья: рукопо-

жания, радостные возгласы и, конечно, советы — где и что посмотреть, куда обязательно надо съездить!

— Ты должен побывать в новом музее антропологии и на площади Трех культур, — сказал мне Ренато Ледук, с которым мы не раз путешествовали по Мексике и по нашей стране.

Утром Ренато Ледук заехал за мной, и мы отправились в музей антропологии.

Современное здание музея расположено в тенис-том парке Чапультепек, перед входом — огромный, вытесанный из камня бог дождя Тлалок. Ему поклонялись древние жители Мексики. Бога нашли где-то далеко от столицы, в горах. Везли его на специальной платформе.

И когда установили, в Мехико произошло чудо. Над городом собрались тучи, и начался ливень. Он не прекращался несколько дней. С того дня жители Мехико прониклись большим уважением к Тлалоку, и он гордо стоит теперь на самой шумной улице Пасео де ла Реформа и взирает своими пустыми глазницами на поток мчащихся автомобилей.

В огромных стеклянных залах музея с большим вкусом расставлены древние орудия труда индейцев, предметы быта, вывешены картины и планы древних поселений.

Мы ходили по залам, смотрели на экспонаты. И вдруг я обратил внимание на Ренато. Я заметил, что походка у него была не такая, как всегда, — она была мягче. Такая походка бывает у верующих в храм. И глаза у Ренато были не такие озорные, как в жизни. С благоговением он смотрел на то, что окружало его.

Ренато взял меня под руку и подвел к солнечному календарю, высеченному из огромного двадцатитонного камня.

— У древних жителей моей страны, — сказал Ренато, — на заре нашей эры был солнечный календарь, отличавшийся большей точностью, чем европейский. По нему нельзя спутать двух дат, даже за 370 тысяч лет. В цифровой системе индейцев раньше, чем в Европе, Индии и арабском мире, появился знак нуль.

С трепетом я рассматривал то, что было создано тысячу лет назад руками индейцев.

Потом мы остановились у огромной белой стены, на которой высечены золотом слова: «Веру в будущее народы найдут в величии своего прошлого. Пусть проходят цивилизации, но люди всегда будут помнить тех, кто жил прежде и кто создал мир, в котором мы живем».

На этом путешествие в прошлое не закончилось.

Ренато подхватил меня под руку и потянул к такси. В машине я увидел привязанного на ниточке к зеркалу бога дождя Тлалока. Он раскачивался, привлекая мое внимание. Он уже был старый мой знакомый, и от этого становилось уютнее в машине. Мы мчались на площадь Трех культур, которая находится почти в центре города. Недавно здесь были снесены дома колониального периода, срезан верхний слой земли и обнажены остатки древних пирамид индейской столицы Теночтитлан.

Это был великолепный город, который мог в пору своего расцвета соперничать с лучшими городами Европы и Азии. Пятьдесят тысяч домов насчитыва-

лось в этом городе, десятки великолепных храмов. Их фасады из белого камня были украшены искусной резьбой. В самом центре города стояла огромная пирамида бога войны Уитсилопочтли. Неподалеку находилась другая пирамида, посвященная богу Кетсалькоатлю, который является другом человека, помогает ему пахать землю, добывать серебро и золото.

Центр Теночтитлана располагался на острове. Отсюда как стрелы уходили три главные улицы города. Там, где они пересекали каналы, были перекинуты ажурные деревянные мосты. По голубой глади каналов мчались легкие каноэ индейцев, украшенные цветами. Неподалеку от главного острова было множество мелких островов, на которых были сады и плантации цветов.

Увидев Теночтитлан, испанские завоеватели были поражены его красотой. Но это не помешало им разрушить город. Четыре месяца гремели пушки конкистадоров. Великий город ацтеков сровняли с землей...

Триста лет властвовала Испания в Мексике. И конечно, в эти годы был предан забвению Теночтитлан, как будто он и не существовал на земле. Зачем вспоминать о том, что было разрушено с такой жестокостью.

Когда мексиканский народ изгнал со своей земли испанских завоевателей, к власти пришли всевозможные диктаторы, послушные австрийцам, французам, англичанам, американцам. Им тоже не было дела до прошлого Мексики. И только после буржуазной революции 1910 года Мексика стала все настойчивее

оглядываться назад, на свое великое прошлое, похороненное чужестранцами.

Новая площадь Трех культур — символ величия прошлого. Открылись перед людьми древние пирамиды Теночтитлана. Неподдалеку от них сохранился испанский храм Сантьяго Тлалтелолко — темные стены, бойницы вместо окон. Именно такими и были века испанского владычества. Но теперь вокруг площади поднялись многоэтажные современные дома. На их фоне испанский храм кажется маленьким и ничтожным.

На площади было празднество, яркое и радостное. Сотни юношей и девушек в одеждах из разноцветных перьев исполняли древний индейский танец цветов. На пирамидах стоят вожди в великолепных нарядах. На почетных трибунах жрецы, одетые в черную мантию. Сложив на груди руки, они недвижно смотрят на торжество. В огромных чашах горит священный копаль.

Тысячи зрителей мексиканцев замерли перед этим фантастическим зрелищем прошлого. Шумно толпятся американские гуристы в ярких рубашках и спортивных кепочках. Они растерялись перед великолепием прошлого Мексики. Они спешат заснять это неповторимое торжество на пленку.

Ренато показал в сторону американцев и улыбнулся. Была в улыбке Ренато гордость за свой народ. И я еще раз вспомнил слова, написанные золотом на стене одного мексиканского музея: «Веру в будущее народы найдут в величии своего прошлого».

Олимпийская горячка

Олимпийские игры состоятся в Мексике в октябре 1968 года, но слово «олимпийские» уже давно вошло здесь в моду. Оно стало синонимом современности, изысканного вкуса, хорошего тона.

«Вы еще не делали олимпийскую прическу?» — спросит какая-нибудь щеголиха свою подругу и сделает круглые от удивления глаза, похожие на все пять олимпийских колец сразу.

Не каждый парикмахер, конечно, может сделать олимпийскую прическу. Ее делают лучшие мастера. Парикмахеры волшебным образом превращают женские волосы в символ Олимпийских игр. Здесь есть и кольца, есть и чаша с вечным огнем Олимпиады.

Косметички сделают женщине брови полукругом, как два полукольца, ювелиры вставят в уши серьги с внушительными кольцами, и женщина становится полным воплощением олимпийской моды.

Фабриканты и торговцы тоже не отстают от моды. Если вы настоящий мужчина, а не какой-то там ин-

теллигентный хлюпик, вы обязательно должны купить олимпийские трусики, свитер, тоже олимпийский, а заодно брюки и рубашку, а можете даже и ботинки, и везде будет значок или этикетка с пятью олимпийскими кольцами.

Радио и мексиканские газеты ежедневно упоминают слово «олимпийский». Но здесь уже разговор идет не о прическах и свитерах, разговор более серьезный — о спорте.

Меня часто спрашивают: «Спортивный ли народ мексиканцы?»

— Не очень! — обычно отвечаю я. — Если сравнивать мексиканцев, например, с уругвайцами или бразильцами.

Конечно, в Мексике немало людей занимаются спортом. Проводятся соревнования по баскетболу, футболу, устраиваются гонки на велосипедах. И все-таки... огромной славой здесь пользуется бой быков, чарреада и родео. Воскресный отдых мексиканцев трудно представить без этих зрелищ. Переполненные автобусы и автомобили мчатся туда, где смелые матадоры и лихие наездники чарро показывают свое искусство. Сколько радости и восторга у зрителей, когда они видят, как чарро на прекрасном скакуне догоняет быка, хватает его за хвост и одним умелым движением переворачивает вверх ногами.

А езда на необъезженной лошади! Разве это не одно из самых любимых зрелищ мексиканцев? Дикая лошадь пытается сбросить всадника. Но не так-то просто сбросить мексиканца. Публика подбадривает наездника, восторгается им или сожалеет, если он со всего размаха ударяется о забор.

Некоторые склонны считать, что развитие таких видов спорта, как легкая атлетика, волейбол, футбол, в Мексике в какой-то степени ограничены из-за того, что страна эта горная. Столица расположена на высоте 2240 метров над уровнем моря. На первый взгляд это не так уж и высоко. Но каждый, кто приезжает в Мексику, знает, что в первые дни после приезда мышцы кажутся ватными, тело тяжелым, а в голове слышится неприятный, везде преследующий гул.

И все-таки Олимпийские игры 1968 года состоятся именно в Мексике. На заседании Олимпийского комитета в Баден-Бадене, где решался этот вопрос, были люди, которые высказывались против. Но мексиканцы держались на заседании так, как подобает мексиканцам. Они парировали выпады скептиков.

— Иностранному спортсмену, — заявили представители Мексики, — достаточно девяноста шести часов, чтобы акклиматизироваться в нашей стране. В Мексике уже не раз проходили международные соревнования: в 1926 и 1954 годах чемпионаты стран Центральной Америки, в 1955-м — панамериканские игры, в 1961 и 1962 годах — национальные состязания юношей.

— У вас в Мексике стадионов-то всего — раз-два и обчелся. И с жильем не очень просторно, — слышались голоса скептиков.

В ответ мексиканцы выложили на стол заседания Олимпийского комитета многочисленные проекты строительства будущих спортивных сооружений и жилых домов.

Мексиканская делегация в Олимпийском комитете

победила. Это сообщение было встречено в Мексике торжественно и по-деловому. Был создан организационный комитет во главе с видным политическим деятелем, бывшим президентом страны Лопесом Матеосом. При вступлении на новый пост Лопес Матеос заявил: «Мы, мексиканцы, придаем Олимпийским играм огромное значение. Это обязывает нас прекрасно организовать игры и добиться того, чтобы все их участники были удовлетворены».

Трудно сказать, какие средства будут израсходованы в конечном итоге Мексикой за все эти предолимпийские годы. Очевидно, сумма будет огромной, потому что речь идет о большом строительстве, которое уже сейчас меняет облик города. В это строительство включились частные компании, акционерные общества. Поднимают свои этажи новые банки, гостиницы, строится гигантский олимпийский отель, в главном зале которого будет установлена экспозиция художника Сикейроса.

Уже поднялись стены Дворца спорта. Он занимает территорию 29 855 квадратных метров. Здесь будет 9 футбольных полей, 23 баскетбольные площадки, 51 волейбольная, 28 бейсбольных, велодром, бассейны, стрельбища...

Лучшие архитекторы, инженеры, строители приступили к созданию новых спортивных комплексов. Наверное, за всю историю Мексики никогда не существовало столько проектов спортивных сооружений и не было столько архитекторов, увлеченных «спортивной темой».

Городские власти заявили, что реконструкция улиц, которая проводится сейчас, позволит во время Олим-

пийских игр пересечь город в любом направлении на автомобиле за 20 минут. Это сообщение поначалу вызвало улыбку скептиков. «Кто не знает улиц Мехико, сотни машин собираются у перекрестков. Шоферы нажимают на клакс и с завистью смотрят на пешеходов».

Но власти отнеслись к своему заявлению серьезно, и уже сейчас улыбки скептиков погасли. А тех, кто давно не был в Мехико, езда по городу просто обескураживает. В этом я убедился, как только сам сел за руль автомобиля. Сначала я ехал по знакомой улице. Ехал не торопясь. Шоферы провожали меня гневными взглядами. Но я не прибавлял скорости. Я ехал и удивлялся, потому что хорошо знакомые улицы были настолько обновлены, что стали незнакомыми. Огромные дома из стекла и алюминия стояли на месте старых двухэтажных домиков с узорчатыми балконами, построенных во времена колонии. Я доехал до центра города и здесь совсем растерялся. Не оказалось той улицы, по которой я прежде ездил. Я остановил машину и услышал с разных сторон выразительные возгласы водителей машин.

— Вы заблудились, сеньор? — спросил меня подлетевший на мотоцикле полицейский.

— Тут была улица, — сказал я на всякий случай, нащупывая в кармане свои мексиканские права.

— Это давно было. Прошу вас не задерживать движение... Можете ехать прямо.

Я дал газу и помчался в плотном потоке машин, изредка оглядываясь по сторонам и напряженно припоминая, где же все-таки я еду. Бывали минуты, когда, глядя на старый дом, я как будто бы и узнавал

улицу, но рядом стояли огромные, совсем незнакомые новые дома.

Машины мчались без остановки. Там, где были ненавистные для шоферов перекрестки, теперь прорыты тоннели, где улицы сужаются, стоят сетки, и дорожные знаки громко гласят: «Скорость не меньше семидесяти километров!» Чем уже дорога — тем больше скорость — логика!

Скоро поток машин стал не таким плотным. Приближалась окраина города. Я выбрался в первый ряд и остановил машину у тротуара. В глазах еще мелькали высокие новые дома, тоннели эстакады, пешеходные мостики и заборы из металлических сеток. Как будто это был не Мехико, а какой-то другой новый город.

Наконец я узнал место, где остановился. «Это же выезд из города на Сочимилко!» Я взглянул на часы. Прошло пятнадцать минут после моего разговора с полицейским, и я вспомнил, что прежде, семь лет назад, по этой дороге нужно было ехать целый час. Ну и дела!

«Стадион Ацтека», — прочитал я указатель, висевший неподалеку. Этого стадиона прежде не было. У ворот стадиона толпились служащие, одетые в зеленую форму с золотой кокардой на фуражке. Один из них, Педро Родригес, согласился показать мне стадион. Он сел со мной в машину. Асфальтированная дорога кружила вокруг трибун стадиона, поднимаясь все выше и выше. Мы подъехали к самому верхнему ряду трибун. Отсюда видна огромная чаша олимпийского стадиона, в глубине которой — ярко-зеленый квадрат поля. На поле нервно вздрагивали поливаль-

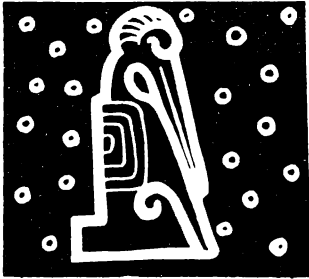
ные аппараты, далеко выбрасывая струйку серебряной на солнце воды.

— Стадион построен по проекту архитекторов Педро Васкеса и Рафаэля Михареса, — сказал служащий. — Во время Олимпийских игр здесь будут футбольные состязания. Сто тысяч зрителей разместятся...

Служащий еще что-то говорил с гордостью, и в его речи мелькало все то же слово «олимпийско» — олимпийский. А я не мог оторвать взгляда от прекрасного видения вулканов Попо и Итца. Своими очертаниями вулкан Итца напоминает спящую девушку. Будто гигант-мастер высек ее из этой огромной скалы, покрытой серебристым льдом. Она лежит на спине, сложив на груди руки, волосы ее рассыпались по склону горы. А рядом вулкан Попо. Он взметнулся в небо, он строен — это символ юноши, охраняющего покой спящей девушки. Легенда гласит, что когда-то юноша и девушка преданно любили друг друга. Бог заметил их любовь и увековечил их образы в этих вулканах.

Уже тысячи лет вулканы являются стражами столицы, свидетелями ее величия, боев, поражений и побед. Много страниц истории прошло перед ними. Теперь разворачивается еще одна страница — олимпийская, которая преобразует облик удивительного города Мехико.

**«Они снимают
фильм!»**

Едва ли найдется иностранец, который, побывав в Мехико, не посетил Сочимилко. Я не знаю, с каким уголком Москвы можно сравнить это место. Так много древних уголков нашего города преданы забвению или совсем уничтожены.

Сочимилко — это не памятник архитектуры. Это просто кусочек древней земли. Когда индейцы ацтеки пришли в долину Мехико, здесь было огромное болото, поросшее камышом. Но именно здесь они основали столицу, потому что, как гласит легенда, бог Уитсил-почтли повелел им построить столицу там, где они увидят орла, который сидит на кактусе и держит в когтях змею. Здесь они и встретили орла со змеей в когтях.

Ацтеки соорудили дамбы, воздвигли храмы и дворцы. Но земли не хватило, и тогда индейцы стали делать острова чинампас. На камыши они набрасывали землю — так возникал остров. Рядом другой остров, а дальше третий. Между островами каналы.

На островах росло очень много цветов. Индейцы любили цветы. Некоторые ацтекские вожди брали дань не только маисом и плодами какао, но и цветами.

Со временем, а его прошло так много, плавучие острова срослись с землей, и все стало таким, как сейчас в Сочимилко, — ровные каналы, между ними квадраты земли, на которых плантации цветов. На одной плантации — красные цветы, на другой — желтые, на третьей — голубые...

В наши дни Сочимилко — это памятник прошлому и место отдыха.

Во время Олимпийских игр здесь будут проходить соревнования по гребле. На берегу древних каналов уже высится трибуна для зрителей, на которой разместятся пять тысяч человек.

Обычно в воскресенье с утра нескончаемой вереницей идут машины и автобусы в Сочимилко. Мексиканские семьи — папы, мамы, дети, бабушки — все едут в Сочимилко.

Машины въезжают в парк. Еще не видны каналы, а для тех, кто приехал сюда, праздник уже начинается. Лихо вертятся карусели, взлетают в небо качели, трубы марьячис, крики продавцов мороженого — все сливается в один праздничный шум, который сразу отрешает от шестидневных рабочих будней.

Праздник! Бабушки и дедушки, взявшись за руки с внуками, включаются в общее веселье.

Но это только прелюдия — самое главное будет на каналах. Сколько здесь улыбок, сколько цветов и музыки! И пусть сюда придет много людей, всем хватит лодок, гребцов, всем хватит места, где поставить машину.

Мы подъезжаем к причалу. Красочные ладьи, такие же, как те, на которых когда-то плавали ацтеки. Одни покрашены в желтый, другие в красный, третьи в зеленый цвет. Ладьи большие и маленькие, для двоих и для двадцати человек. Над ладьями крыша и дуга из цветов, точь-в-точь как у индейцев ацтеков, и на этой дуге какое-нибудь ласковое слово, например «Терезита».

— Сеньор, я отвезу вас! — наперебой кричат лодочники.

— Сеньор, я возьму недорого... Сеньор...

— Сеньор! — подбегает к нам парень. — Прогулка будет стоить вам всего тридцать песо. Сеньор!

К нам подбегают особенно часто, потому что мы — Дмитрий Гасюк, Борис Головня и я — нагружены киноаппаратами, аккумуляторами, объективами, ящиками с пленкой... Мы приехали в Мексику снимать документальный фильм, и Сочимилко должно занять в нем свое место.

Мы не слушаем тех, которые кричат над самым ухом: «Сеньор, сеньор...» Мы выбираем лодку, которая нам приглянулась, и зовем лодочника, молодого парня со смуглым индейским лицом.

— Как тебя зовут, парень?

— Игнасио.

Парень разглядел наши киноаппараты, и видно было, как от гордости зарделись румянцем его смуглые щеки. Игнасио осторожно погрузил все в ладью, заботливо усадил нас и, взяв в руки шест, повел ладью по каналам. На берегах каналов ровные, как свечи, тополя. А по каналу движутся ладьи — два ряда в одну сторону, два ряда в другую.

И совсем это не тихое и плавное движение. Это движение волнующее, полное всяких неожиданностей. Среди плотных рядов движущихся лодок как-то ухитряются проскальзывать маленькие лодочки торговцев.

— Вам холодного пива? — спрашивает вас хозяин такой юркой лодочки.

От пива мы не отказываемся.

— В этом ведре со льдом десять бутылок! — кричит торговец.

— Многовато, — говорит Гасюк.

— Вы не волнуйтесь, сеньор, — отвечает торговец. — Я денег с вас не беру. Пейте сколько хотите. Обратно будете возвращаться, расплатитесь.

Торговец уже поставил нам ведро с пивными бутылками. А мы смотрим на плотный поток лодок, движущихся по каналу. «Как он найдет нас здесь?»

— Вы хотите купить цветы? — кричит девушка с маленькой, будто игрушечной лодочки, на которой гора разных цветов.

— Нам не нужны цветы.

Девушка ударяет коротким веслом по воде, и лодка уже идет борт о борт с другой ладьей...

— Хотите купить цветы?

Вдруг подплывает огромная ладья, в которой человек десять-двенадцать марьячис: в широкополых шляпах, в костюмах с множеством золотых пуговиц. В руках трубы, гитары.

Мексиканская жизнь очень красочна. Эту красочность создает все — удивительная природа, голубое небо, яркие наряды и, конечно, музыка марьячис. Ну разве представишь жизнь мексиканцев без этих лю-

дей? Они знают любую мелодию. Даже если не знают, напойте им, и они сыграют.

Без марьячис не проходит ни праздник, ни деловое собрание, ни похороны. Марьячис нужны мексиканцу всегда и везде и, конечно, здесь, в Сочимилко.

— Какую песню прикажете, сеньор?

Прикажете, и марьячис будут играть. Их лодка будет плыть рядом с вашей, как привязанная, хоть целый день. И они будут играть и петь любые песни.

— Здесь вам доставят любую радость — платите деньги! — кричит наш лодочник Игнасио и обнажает ослепительно белые зубы.

Гасюк и Головня, осушив по бутылке пива, взялись за киноаппараты.

— Послушай, Игнасио, — прошу я лодочника, — ты скажи этим торговцам и марьячис, что мы приехали не веселиться, а работать, снимать фильм.

Снова торговцы атакуют нашу ладью.

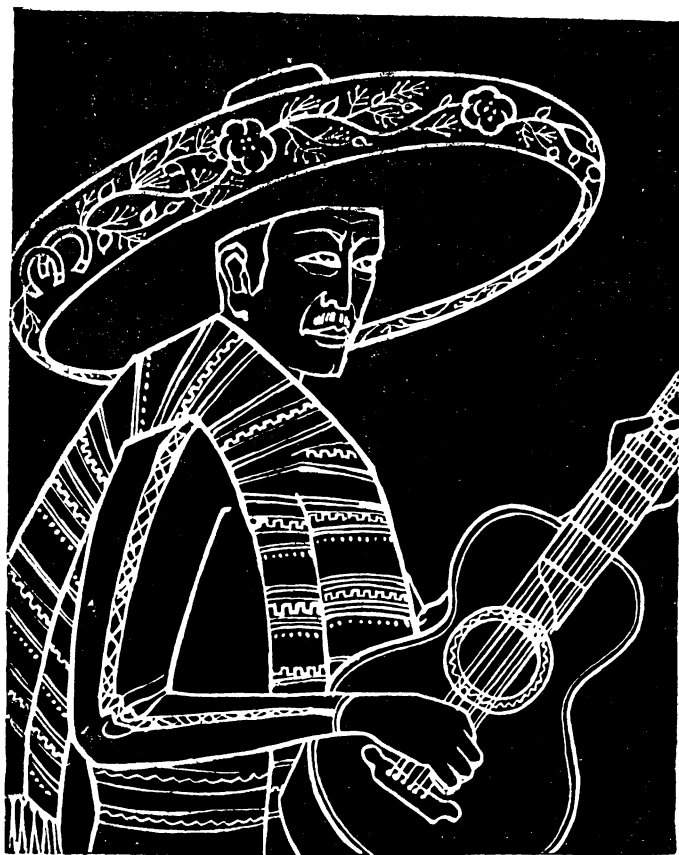
— Они снимают фильм! — гордо кричит Игнасио.

Мимо нас проплывают разные ладьи и разные люди в них. Много туристов, в основном американцев. Седоволосые господа с блестящими фото- и киноаппаратами.

Но объективы аппаратов моих друзей направлены на другие лодки. В той лодке, наверное, человек двенадцать — целая мексиканская семья. Посредине лодки — длинный стол: на нем фрихоль*, чиле**, куски жареного мяса, пиво и бутылка водки — текилы. На этой лодке даже есть свои марьячис. Ста-

* Фрихоль — черные бобы.

** Чиле — перец.

рик играет на гитаре — молодые поют, поют не хуже тех профессионалов в широкополых шляпах с золотыми пуговицами на костюме.

А в этой маленькой лодке только двое. Они сидят, нежно взяв друг друга за руки. Они смотрят куда-то зачарованными глазами, и что для них все мы, весь этот мир Сочимилко, когда у них есть свой мир, понятный только им двоим.

Опять нас атакуют торговцы и марьячис.

— Они снимают фильм! — кричит Игнасио.

На стыке двух каналов фотограф на лодке. В лодке старинный фотоаппарат на треноге. Напротив аппарата остановилась ладья. Отец и мать, на коленях у них дети. Мать в шелковом голубом платье. Ну, конечно, она надела его ради поездки в Сочимилко.

Может быть, чтобы провести воскресенье здесь, на древних каналах Сочимилко, хозяйка сэкономила не одну неделю, а может, муж ради этого где-то подрабатывал по вечерам, а может, сынишке не купили из-за этого костюм. Все может быть. Но зато сегодня им доступно столько радости — лодка, марьячис, обед в лодке, фотография, цветы.

Объективы моих друзей ищут типичные лица индейцев ацтеков.

— Взгляните на нашего лодочника, — сказал я друзьям.

Два объектива были направлены на лодочника.

— Ты не смотри на нас, — попросил я Игнасио, — работай шестом, как всегда.

Игнасио нажимал на шест, не чувствуя под собой ног. Лодка мчалась вперед, киноаппараты трещали,

и вдруг... Наша лодка столкнулась с другой лодкой, и Игнасио полетел в воду.

Игнасио тут же вынырнул из воды, но лодка уже умчалась от него. Прошло время, пока Игнасио догнал нашу лодку. Он пытался хоть немножко отжать рубашку и штаны. Он смеялся, потом снова взял шест и вел лодку, крича: «Они снимают фильм!»

— Сколько тебе заплатили за то, что нырнул? — спрашивали Игнасио коллеги-лодочники, попадавшие в пути.

— Я упал случайно!

— Врешь!

— Честно! И вообще я не возьму с них ни сентаво, ведь они снимают фильм о Сочимилко.

Игнасио был горд тем, что он везет нас, что трещат наши киноаппараты и что древние каналы Сочимилко увидят на экранах люди другой страны.

У гигантского мольберта

До городка Куэрнавака, где живет Сикейрос, час пути от столицы. Очаровательные пейзажи открываются вокруг: за окном горы, сосновые леса. Где-то внизу в голубоватой дымке зеленые, будто нарисованные, долины. Наверное, такой и должна быть дорога к дому художника.

Калитку открыла девушка в белом переднике. «Пройдите в мастерскую, — сказала она, — и подождите там маэстро».

За калиткой тот же двухэтажный дом с брезентовым козырьком от солнца, тот же зеленый газон с коротко подстриженной травой, бассейн, в котором вода голубая, как небо. Правда, семь лет назад, когда я приезжал сюда, не было высокого белого здания мастерской, куда направила меня девушка. Я прошел в широко распахнутые ворота этого здания и остановился в изумлении. С гигантских полотен, расставленных вдоль стен, на меня обрушился каскад удивительных красок, каких-то смещенных линий, человеческих лиц, реальных и фантастических, доведен-

ных художником до кричащих символов. Чем внимательнее я вглядывался в огромную картину, тем явственнее ощущал, что для меня уже нет того мира за стенами мастерской, есть этот. Он подчиняет, будоражит воображение, и я стоял как околдованный, теряя счет времени.

Я не заметил, как в мастерскую вошел Сикейрос. Он обнял меня и по мексиканскому обычаю слегка похлопал по спине.

— Сколько же лет мы не виделись? — весело воскликнул Сикейрос.

— Семь!

— Семь моих трудных лет! — Сикейрос чуть помолчал и спросил: — Ты этой мастерской не видел? Я закончил ее строительство, когда вышел из тюрьмы. Именно о такой мастерской я мечтал там, за решеткой. Ты посмотри, какое это сооружение, какое пространство, высота.

Сикейрос оживлялся, и все более одухотворенным становилось его лицо. Я видел перед собой того же прежнего Сикейроса. Высокий лоб, на который спадала седеющая прядь, чуть с горбинкой нос, резко очерченные губы и упрямый подбородок с небольшой ямочкой посредине. И глаза! Кажется, что они каждую минуту открывают что-то новое во всем, что есть вокруг, даже в привычных вещах, даже в знакомых лицах.

Не прекращая рассказа о мастерской, Сикейрос привычным жестом, машинально, извлек из кармана сигарету, прикурил и, жадно затянувшись, подошел к одному из своих полотен и постучал по нему согнутым пальцем.

— Тонкая цементная плита, новинка, — в глазах художника было восхищение. — Первый раз в жизни я разрисовываю стены гигантского здания у себя дома в мастерской. Потом эти плиты будут перенесены в новый Олимпийский отель в Мехико и установлены в зале. Композиция из таких плит займет площадь в тысячу семьсот квадратных метров.

Сикейрос несколько раз жадно затянулся и, бросив сигарету на пол, придавил ее ногой.

— Идея композиции — прогресс человеческого общества, борьба за лучшую жизнь. Ты видишь этих рабочих с могучими руками, готовых к борьбе, женщину-мать, начало всех начал на земле.

Сикейрос говорил о своей работе влюбленно и страстно, как будто за его плечами не было семидесяти лет жизни, будто это ошибка биографов. Цифра «семьдесят» очень не подходит к облику художника, к его спортивной фигуре, молодцеватой походке, энергичным жестам. «Я хорошо сохранился, — смеясь, говорит Сикейрос, — потому что в детстве играл в бейсбол, а в годы революции скакал на коне».

Пятьдесят лет назад юный революционер Сикейрос в военной форме, с пистолетом на ремне действительно скакал на коне и требовал: «Стены!» Крестьяне дрались под лозунгом «Даешь землю!», художники требовали — «Стены!». Они хотели восстановить настенную живопись, которой так славилась их родина. Кому не известны прекрасные фрески Бонампака, Чичен-Ицы!

Когда в 1918 году отгремели революционные бои, молодые художники Мексики во главе с Клементом Орроско, Диего Риверой и Давидом Сикейросом, ко-

торый к тому времени имел звание капитана революционной армии, созвали в Гвадалахаре конгресс. «Мы поможем нашим рабочим и крестьянам в преобразовании родины, — заявили художники. — Наша цель в том, чтобы всем красноречием, всей убедительной силой своего искусства способствовать дальнейшему развитию мексиканской революции».

Тогда и состоялся дебют Сикейроса, молодого капитана революционной армии. Он нарисовал картину на стенах Подготовительной школы в Мехико. Это была первая революционная картина. Здесь не было нарядных господ, пышных экипажей, которые обычно рисовали художники времен диктатора Порфирио Диаса. На картине простая женщина с индейским разрезом глаз. Она изображена в стремительном порыве, будто хочет шагнуть из того далекого времени в сегодняшний день.

Эта картина вызвала много толков среди художников и, конечно, злобный вой противников нового направления в искусстве. Сикейроса обвиняли в тысяче смертных грехов и в его причастности к политике, к революции.

— Я твердо убежден, что художник, — говорил в свое время Сикейрос, — обязательно должен быть политическим борцом. Искусство без идеологического воздействия всегда превращается в игрушку для увеселения состоятельных дам и господ.

Если проследить биографию художника, то станет ясно, что не было таких событий в Мексике, и не только в Мексике, которые бы прошли мимо него. Как только фашизм поднял голову в Европе, Сикейрос занимает пост главы Национальной лиги борьбы против

фашизма. Когда начались бои в Испании, Сикейрос отправился добровольцем в революционную армию. Может показаться невероятным: художнику Сикейросу присваивают звание полковника и он командует воинскими соединениями.

Художник всегда находился в гуще событий, и это придавало неиссякаемый романтизм его творчеству. На полотнах Сикейроса мы видим конфликты нашей бурной эпохи, борьбу двух социальных миров. Особенно это видно в картине «Эхо плача», «Взрыв в городе» или «Тропическая Америка», нарисованной в Лос-Анжелосе в 1932 году. Хозяева этого города думали, что на стене, которую они предоставили художнику, будет изображена экзотика Латинской Америки. Сикейрос нарисовал индейца, распятого на кресте. Разгневанные «отцы города» сначала загородили картину стенкой, а потом уничтожили ее.

Но художник верен своему взгляду на мир, и эту веру он пронес через всю жизнь.

Когда мы вышли из мастерской, художник повел меня к столику, стоящему под навесом около бассейна. Я шел, но был еще в мире тех красок и образов, которые только что окружали меня. Мы присели у стола. Глаза мои не могли свыкнуться с зеленой лужайкой, голубой и ровной, как зеркало, водой в бассейне. Этот мир красок был слабее того, который я только что покинул.

Откуда-то появился пес Питука. Он радостно повертелся у ног художника, потом положил голову на его колени и поглядывал то на меня, то на него. Ко мне он был настроен равнодушно. В этом доме каждый день бывает так много посетителей.

— Конечно, я не мог один выполнить такую гигантскую работу, — говорит Сикейрос. — У меня есть бригада помощников, среди них итальянец, немец. Очень бы хотелось иметь в бригаде советского художника.

— Я думал, что настенная живопись — это дело сугубо мексиканское! — сказал я.

— Не совсем так! — возразил Сикейрос, и он опять закурил. — Конечно, наши мексиканские традиции играли большую роль в развитии живописи. Но самое плохое, что мы бы могли делать, — это копировать стиль прежних эпох. Нам сослужило службу искусство древних обитателей Мексики, но нам помогают также все достижения мировой культуры. Живопись — это явление сложное. Одной эмоциональности в живописи мало. В ней переплетаются эмоциональность и наука. Надо обязательно знать законы физики, химии, законы о перспективе, о движении в пространстве, о характере зрителя. Ты видел мои новые краски. Они будут служить десять-пятнадцать веков.

— И все-таки наибольшего развития настенная живопись достигла в Мексике.

Сикейрос помолчал и несколько раз подряд затаился.

— Я не отрицаю традиций, — продолжал Сикейрос. — Нет! Но настенная живопись в последние пятьдесят лет развивалась у нас в результате революции. Мы, революционные художники, дрались за стены потому, что хотели работать для народа. Ведь когда работаешь на кусочке холста, то это вскоре становится достоянием какой-нибудь богатой семьи. Ты знаешь мою работу в Чапультепеке. Я начал ее десять лет

назад. Ты приезжай и увидишь эти стены. Для меня они дороги. Это музей нашей страны. Это наша история... Каждый вторник я работаю там...

Рано утром во вторник я уже мчался в замок Чапультепек. Замок почти в центре столицы. Он стоит на горе, в окружении старинного парка. Здесь возвышается памятник детям-героям, свершившим сто с лишним лет назад свой бессмертный подвиг. С оружием в руках юные кадеты защищали Чапультепек от вторжения американских интервентов. Шесть юношей погибли. В их честь взметнулись в небо шесть белых мраморных колонн, возле которых всегдалюдно.

Когда я подъехал к замку, солдаты у ворот скрестили передо мной оружие. Откуда-то выскочил мальчишка и крикнул:

— Этого сеньора ждет маэстро!

Мальчишка толкнул передо мной дверь. Сикейрос с кистью в руке стоял у дальней стены и работал. Вид у него был несколько франтоватый. На нем был свитер с высоким воротником, лихо заломленная шляпа с пятнами краски на полях, плечи его молодежато развернуты, в левой руке сигарета.

Мы встали с художником посредине зала. Передо мной была новая композиция. Но я опять, как вчера, испытывал чувство изумления. Все-таки удивительно искусство этого художника. Для него главное — символ. Символ, который позволяет избежать многих отягощающих информационных деталей. Символы у него разные. Одни традиционны для мексиканского искусства еще с древних времен, другие найдены худож-

ником сейчас, они добыты, так сказать, капля по капле из противопоставления известных понятий, но такого противопоставления, которое вызывает удивление. Символы Сикейроса очень близко граничат с ошеломляющей гиперболой.

— В этом зале откроют музей революции, — сказал художник. — Но никаких экспонатов, только моя экспозиция. Главной темой служит забастовка в Кананеа в 1906 году. Она была потоплена в крови американскими войсками, которые вторглись на нашу территорию. Забастовка явилась прологом буржуазной революции 1910 года.

Я знал, что эта картина особенно дорога Сикейросу. Со многими, кто нарисован здесь, художник был лично знаком в годы революции. Слева, на стене, среди убитых повстанцев нарисован отец жены художника сеньор Ареналь.

Сикейрос взял меня под руку и повел вдоль стены. С каждым шагом композиция открывалась передо мной все новыми гранями. От этого движения будто оживлялись люди, шагающие в плотном строю с красным знаменем в руках, среди которых Маркс, Кропоткин, Бакунин.

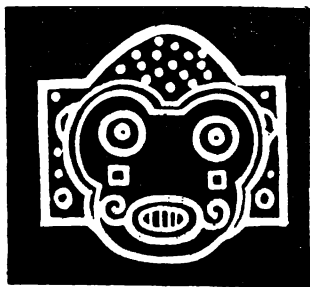
— На этой картине изображены все, независимо от их идеологической принадлежности, — продолжал Сикейрос, закуривая очередную сигару. — Это историческая картина. Сюда придут дети, и они должны знать всю правду об истории своей родины.

Вдруг художник остановился, внимательно посмотрел на стену и, макнув кисть в краску, провел линию по стене. Мне показалась эта линия странной и даже инородной. Но кисть уже несет к стене другой цвет и

рядом с первой линией оставляет другую. Обе линии соединились и ожили. А маэстро наносит еще и еще линии на стену. И вдруг на моих глазах серая шероховатая цементная поверхность начинает говорить, она уже смеется, плачет. Сикейрос отходит от стены на шаг, внимательно смотрит на картину, делает несколько глубоких затяжек и снова с кистью в руке устремляется к стене, и опять линии, мазки, и еще один кусочек серой стены наполняется жизнью.

Обо мне, наверное, художник забыл. Но разве это важно? На моих глазах происходит превращение мертвого цемента в живую ткань картины. Я был счастлив оттого, что присутствую при этом волшебстве.

**Веселый праздник
под грустным
названием**

В Мехико лучшее время — осень, октябрь. Над городом словно нарисованное голубое небо и ласковое солнце.

Ни один лист не колышется на вечнозеленых деревьях парков.

Ветер боится нарушить это осеннее благолепие... Он спрятался где-то за горами...

В это время в столице можно увидеть самый лучший бой быков, прославленных матадоров, в это время можно познакомиться с удивительным праздником мексиканцев — «Днем мертвых».

Праздник этот очень давний. У древних индейцев было особое отношение к смерти и к умершему. Смерть и плодородие у них стояли рядом. Зачем же печалиться?

Умерших иногда сжигали, а иногда отрубали им голову. Череп умершего обрабатывали особым способом и заливали мягкой растопленной смолой. Так как человек только что ушел и образ его был еще близок

людям, они пытались достичь при этом портретного сходства. Такие «похожие» черепа стояли на видных местах и хранились по многу лет.

Конечно, теперь в Мексике никто не отрубает головы умершим, но отношение к черепу до сих пор особенное, непохожее на наше.

Второго ноября газеты заполнены рисунками черепов: один, два, пять, десять, пятнадцать... Целые газетные полосы отданы черепам.

Если приглядеться к черепам, то можно увидеть много знакомых. Вот череп «самого президента республики» Диаса Ордаса и эпитафия: «Жил Густаво Диас Ордас, и народ ему доверял, потому что душа у него была щедрая, рука твердая и он всегда боролся за мир».

Тут же череп министра внутренних дел, а это министр иностранных дел, следом генерал от полиции. Под этими черепами тоже эпитафии — милые, с улыбкой, а иногда и с сарказмом. Мальчишки-газетчики бегут по улицам и предлагают купить еще одну газету.

— В моей газете «Кладбище для избранных»! — кричат мальчишки.

— В моей — «Кладбище для артистов»! Купите!

Огромный современный город, по широким улицам которого плотным потоком мчатся машины, являет в этот день особую картину.

В витринах магазинов выставлены черепа, сделанные из шоколада, выпеченные из хлеба. На стеклах нарисованы забавные сценки из жизни того света и этого. Скелет тянет за руку очень пышную нагую кра-

сотку к себе из этого света на тот. Ведь сегодня праздник мертвых! У светофоров, на перекрестках, продают черепа из пластмассы с сигаретой во рту. Нажмешь на череп, и сигарета дымится.

На базарах разливанное море желтых цветов. Их покупают букетиками, их покупают охапками. Их везут на кладбище и украшают могилу. Тут же рядом торгуют черепами, сделанными из сахара. Торговцы, как кондитеры, тонкой струйкой цветного крема напишут на черепе имя, которое вы хотите. Может, это прадед, может, это отец, а может быть, дедушка, который очень любил вас.

Чем ближе к вечеру, тем ярче разгорается праздник. Все самое главное будет вечером, когда над городом, над его небоскребами и дворцами, над широкими улицами, опустится ночь.

В каждом доме в самом парадном углу поставят стол, на нем тот самый череп из сахара, купленный на базаре.

Рядом будет лежать хлеб, тот хлеб, который любил покойник, тарелка с маисом, ваза с фруктами, рюмка, а может и две, крепкой водки — текильи. Ну, конечно, покойник придет ночью в свой дом! Он увидит, что его ждут!

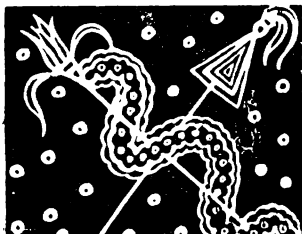
Многие мастерят «калебасас» — черепа из тыквы. Тыкву очищают от мякоти, прорезают глаза, рот, нос, ставят внутрь свечку и шагают по улицам.

А когда колокола храмов ударят полночь, в местечке Мисхи, недалеко от города, на старинном кладбище, начнется ночная церемония. Целыми семьями люди приходят сюда, садятся вокруг могил, зажигают свечи, кладут на могилу сладости, приготовлен-

ные из листьев магэя, ставят крепкий напиток пультке. Так они сидят долго, пока горит свеча.

И бывают слышны здесь, у могилы, и плач и смех. Те, кто постарше, вспоминают покойника — друга, мужа, отца, а детям вспоминать нечего, им весело, они смеются. Ведь сегодня праздник, и им, конечно, дадут сладости.

Революция, начатая давно...

В тот день я бродил по кладбищу, которое граничит с парком Чапультепек. Могилы, кресты, каменные плиты с надписями и цветы. Как много здесь цветов! Человек умер пятьдесят лет назад, а цветы только что срезаны, с невысохшими капельками утренней росы.

Дорожка привела меня в центр кладбища — круглая площадь, по краю которой расположены могилы выдающихся людей. Над могилами — монументы. Застыли в мраморе люди, увешанные орденами и почетными лентами.

Это они свершали буржуазную революцию 1910 года. Конечно, в то время на их груди не было орденов и почетных лент, не было морщин на лицах. В то время они были молоды, полны сил и веры в будущее. Они скакали на горячих конях и рассыпали пулеметную дробь по врагу.

Потом многие из них становились менее революционными, не таким крутым, как прежде, был их характер. Но в революцию вливались новые силы, и рево-

люция продолжалась. Она продолжалась и в 1927 и в 1947, она продолжается сейчас.

Наверное, можно сказать немало критических слов о тех, кто возглавлял мексиканскую революцию и кому стоят теперь эти пышные надгробия. Можно говорить о несбывшихся мечтах крестьян, о нищете многих слдев городского населения, об индейской проблеме, которая до сих пор не решена. Да мало ли о чем можно говорить, критикуя мексиканскую буржуазную революцию.

Но я хочу взглянуть на Мексику с других позиций, взглянуть так, как обычно мы смотрим на самих себя. Что было в 1910 году и что стало сейчас? Какой была Мексика тогда и какой стала теперь?

Тогда, перед революцией, Мексика была бедным беспомощным соседом Соединенных Штатов. В ней властвовали диктаторы, святоши, авантюристы и демагоги. В те годы все больше деградировало сельское хозяйство Мексики. Урожай маиса падал. К 1910 году его объем составлял одну четвертую часть того, что собирали в Мексике сто лет назад, во времена колоний.

Голод превращался в национальную катастрофу. Численность мексиканского народа сокращалась. Ученый Гумбольдт приводит в своих исследованиях такие данные: в 1750 году в Мексике было 20 миллионов жителей, в 1800 году — 30 миллионов жителей, а в 1910 году — всего 15 миллионов.

Голод грозил нации истреблением. А в это время те, кто стоял у власти, подписывали с иностранцами соглашения, договоры, раздавали почти даром концессии. Американские монополии в эти годы прочно обо-

сновались в самом богатом горнорудном районе Сан-Луис-Потоси и Монтеррее. Мексиканское олово потекло широкой рекой в Соединенные Штаты, еще больше обескровливая и без того нищий мексиканский народ.

Тогда и теперь...

И опять я возвращаюсь к кругу выдающихся людей Мексики на богатом кладбище столицы. Ну, конечно, мне могут сказать, что этот старик с пышными эполетами на плечах и орденами на груди был связан с американским капиталом и делал ему поблажки даже после революции. А этот, в крахмальной манишке, демагог. Много обещал, но мало делал. Этот лысый с орденской лентой был связан с латифундистами и тормозил проведение аграрной реформы.

Но революция продолжалась! Она была сильнее всех этих господ, увековеченных в мраморе. К тому же у нее были лидеры, такие, как Ласаро Карденас, который до сих пор жив и который всегда шел во главе революции.

Революция продолжалась, и она меняла облик Мексики. Это можно легко доказать при помощи цифр. Передо мной книга «Мексиканская экономика в цифрах». Есть в этой книге цифры поразительные. Если в 1910 году, в год революции, в Мексике проживало всего 15 160 тысяч человек, то в 1964 году насчитывалось 39 642 тысячи человек. В два с лишним раза возросло население страны за пятьдесят четыре революционных года. Смертность с 1930 года по 1964 год сократилась вдвое — с 26,3 процента на тысячу людей до 10,4 процента. За два последних десятилетия промышленное производство возросло в два с лишним раза, на 225 процентов.

Когда говорят, что мексиканская революция продолжается, то прежде всего имеют в виду три вехи: национализацию нефтяной промышленности, электрической сети и железных дорог. Каждая из этих вех не только давала толчок экономическому развитию, но и способствовала росту национального самосознания и гордости мексиканца.

Национализация нефтяной промышленности — это поистине героическая эпопея, равная военной победе, борьбе с неодолимой стихией. Никто из иностранных капиталистов всерьез не воспринимал, что мексиканцы могут национализировать нефть. На нефтяных промыслах иностранцам принадлежали заводы, железные дороги, дома, в которых жили рабочие, магазины, столовые.

И все-таки чудо произошло. В 1938 году Ласаро Карденас подписал декрет о национализации иностранных нефтяных компаний, действующих в Мексике.

Это было подобно грому. Иностранцы заявили о том, что Карденас угрожает безопасности западного полушария. Такое правительство не может быть у власти. Срочно были созданы военные отряды для свержения Карденаса.

В любой стране бывают такие события, которые затрагивают каждого человека. И декрет Карденаса был тем самым огромным событием, которое поставило на чашу весов все. Крестьяне, рабочие, буржуа, торговцы твердо заявили, что они не допустят свержения правительства Карденаса.

Национализация нефтяной промышленности состоялась. В Мексике родилось новое предприятие: «Петро-

леос Мехиканос» («Пемекс»). Любовно, словно дорожное дитя, мексиканский народ оберегал его.

Иностранные банки, конечно, не давали средств для развития «Пемекса». Чтобы обеспечить бесперебойную работу нефтяной промышленности, мексиканцы раскупали облигации займа «Пемекс», они проводили сборы в фонд «Пемекса». Деньги для «Пемекса» собирали на улицах, в магазинах, в храмах и даже на бое быков.

С годами «Пемекс» окреп и стал существовать независимо от воли чужестранных хозяев. С момента рождения «Пемекса» и до наших дней добыча нефти увеличилась в три раза.

Но величие мексиканского «Пемекса» кроется не только в этой цифре. «Пемекс» для мексиканца стал символом национальной гордости и уверенности в своих силах.

Только потому, что существовал «Пемекс», стал возможным другой декрет. 27 сентября 1960 года правительство Лопеса Матеоса национализировало электроэнергетическую промышленность страны. Иностранная компания «Мексикэн лайэнд пауэр», в которой основную роль играл американский капитал, уже не кричала о том, что решение правительства Лопеса Матеоса угрожает безопасности западного полушария. На первых страницах мексиканских газет звенели два слова: «Революция продолжается».

Мексиканское государство теперь было могущественнее, чем тогда, в 1938 году. Оно скупило акции всех иностранных электроэнергетических компаний и установило полный контроль над этой важной отраслью экономики. За один следующий после нацио-

пализации год предприятия страны дали электроэнергии на 150 миллионов киловатт-часов больше.

Вскоре были национализированы железные дороги, создана система правительственных банков.

Недавно корреспондент американской газеты «Крисчен Сайенс монитор» Джеймс Годселл писал о сегодняшней Мексике: «Мексика XX века зарекомендовала себя как наиболее стабильная страна в Латинской Америке. Есть единственная в своем роде черта, отличающая Мексику от всех других стран Латинской Америки, которая заключается в том, что мексиканец горд своим наследием и своей историей, что он может не соглашаться с Вашингтоном в вопросах политики и что за это его уважают».

Думаю, что такое признание Джеймса Годселла, специалиста по странам Латинской Америки, сделано не ради красного словца. «Мексиканец горд». Это часто услышишь теперь из уст иностранных корреспондентов. Эта гордость растет и, наверное, будет расти, потому что революции еще много предстоит сделать. Впереди — напряженная борьба с американским капиталом, который правдами и неправдами, часто в замаскированном виде, держит крепкие позиции в Мексике.

Но революция продолжается. И здесь встает вопрос о том, сумели или нет передать зачинатели революции революционную эстафету мексиканской молодежи.

Конечно, в каждой стране молодежь бывает разная. Увлечения у нее тоже различны. Но в данном случае я говорю о революции. В моих мексиканских блокнотах сохранились высказывания неко-

торых мексиканских студентов. Я их записывал в разное время.

Эдуардо Гонсалес Роча. Ему 23 года. Он студент факультета права Национального университета.

«Наша задача — работать для Мексики, — сказал Эдуардо. — Наше зло — социальное неравенство, наша самая главная проблема — сельскохозяйственная. Мы не раз имели продажных лидеров. Мы нуждаемся в авторитетных руководителях. Но что нам нужно еще больше — революционный дух. И мы, молодежь, будем крепить этот дух революции».

Еще одна страничка из записной книжки. И передо мной встает образ другого студента. Будущий архитектор Федерико Муггенберг:

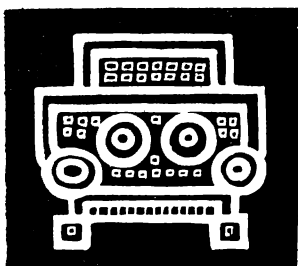
«Я хочу содействовать развитию страны путем строительства жилищ. По-моему, это способствует удовлетворению физических и духовных потребностей человека».

Я перелистываю еще страницы блокнота. Нахожу имя Леона Феррера, который выступает за новые прогрессивные реформы и за то, чтобы правительство всегда окружало себя способными молодыми инженерами и техниками. Тут же имя Рауля Альвареса.

— Сегодня мы организуем митинг молодежи, — сказал мне тогда Рауль. — Мы всегда будем против интервенции Соединенных Штатов в Доминиканскую Республику».

И еще имена, и еще высказывания, и за каждым из них молодые мексиканцы с верой в то, что мексиканская революция продолжается.

Памятники живым президентам

В небольшом провинциальном городке Сан-Андрес Тукстекла учитель пригласил меня в школу на урок.

— Наверное, вам будет интересно, — сказал учитель, — вы никогда не были на уроке в мексиканской школе.

Школа стояла почти в центре города. Над входом развевался трехцветный мексиканский флаг. Мы вошли в класс, и дети шумно поднялись из-за парт. Учитель представил меня ребятам, и в классе стало тихо. Десятки пар глаз были устремлены на меня.

Учитель сел на свое место, и урок начался. Каждый вынул из ранца книгу «Моя книга четвертого года». Учитель положил передо мной такую же книгу.

На обложке книги нарисована смуглолицая девушка, в ее левой руке мексиканское знамя, в правой — книга. Здесь же нарисован орел, расправляющийся со змеей, — символ победы добра над злом.

Я открыл первую страницу и увидел надпись ярко-красными буквами. «Эта книга — собственность

Мексиканской республики. Эта книга вручается ученику абсолютно бесплатно, но со следующими условиями: никто не может превратить эту книгу в предмет купли-продажи открыто или подпольно. Никто не имеет права обогащаться за счет этой книги или менять ее на какую-нибудь другую вещь. Никто не вправе вывозить книгу за пределы страны. Человек, который нарушил эти условия, будет рассматриваться как уголовный преступник».

Учитель попросил учеников открыть сто семьдесят четвертую страницу.

— Кто может ответить, — спросил учитель, — при каком президенте было решено выдавать всем ученикам начальной школы бесплатные учебники и тетради?

Много рук потянулось вверх. Но ученик, сидевший справа от меня, не поднимая руки, крикнул:

— Президент Лопес Матеос!

Те, кто поднял руки, обиженно посмотрели на парня.

Я открыл сто семьдесят четвертую страницу книги и увидел портреты президентов республики, властвовавших в разное время. Портрет и рядом абзац, в котором черным шрифтом написано все самое главное, что сделано президентом за шесть лет правления.

— Скажи, Луизита, — обратился учитель к смуглой девочке, сидевшей на первой парте, — какие заслуги перед мексиканским народом у президента Руиса Кортинеса?

Девочка вышла из-за парты, поправила свои косички и, волнуясь, стала пересказывать все, что было написано в книге.

— Президент Руис Кортинес построил много рынков, госпиталей и школ.

Девочка вдруг умолкла. Румянец проступил на ее смуглых щеках. Она растерянно посмотрела на учителя, на меня, на ребят из класса. И когда вспомнила, улыбка украсила ее лицо.

— Президент Руис Кортинес увеличил доходы крестьян, провел кампанию по борьбе с детскими болезнями и расширил сеть дорог...

Учитель спрашивал другого ученика, а я смотрел на портреты президента в книжке и вдруг сделал для себя открытие: оказалось, что за годы, прожитые в Мексике, я встречался с пятью президентами страны: Ласаро Карденасом, Мигелем Алеманом, Руисом Кортинесом, Лопесом Матеосом и Диасом Ордасом. Закончив свой президентский срок, каждый из них теперь занят своим частным делом... Бывших президентов можно встретить на каком-либо деловом собрании, в театре, в ресторане и даже на улице. Обычно мексиканцы приветствуют бывшего президента, говорят ему добрые слова.

Мексиканцы очень гордятся тем, что в их стране президенты сменяются через каждые шесть лет с точностью часового механизма. Гордятся этим мексиканцы потому, что им пришлось пережить слишком много «смутного времени». Разные диктаторы, опираясь на армию, держали власть по двадцать-тридцать лет. Даже когда отгремели революционные бои 1910 года, борьба за власть между различными группами продолжалась. Представители одних политических групп, дорвавшись до власти, расстреливали своих противников. Делали это с невероятной легкостью.

Погиб президент Франсиско Мадеро. Президент Альваро Обрегон был убит в июле 1928 года за столиком в ресторане, во время обеда с друзьями.

Правительственная чехарда продолжалась и после смерти Обрегона. За пять лет в Мексике побывали у власти три президента. И только в 1934 году в Мексике установилась стабильная политическая жизнь.

Едва ли кто скажет, почему это случилось вдруг и именно в этот год. Может быть, потому, что народ устал от политических неразберих, военных заговоров, офицерских путчей. А может быть, потому, что в 1934 году к власти пришел Ласаро Карденас, человек особенный, с твердой рукой и железным характером. С тех пор президенты сменяются через каждые шесть лет, и, конечно, каждый из них пытается оставить о себе память у народа.

Готовясь к выборам, будущий президент определяет свою программу на шесть лет. Рядовой мексиканец связывает свои надежды с этой программой.

Из тех президентов, которых я видел, конечно, всеобщая любовь отдана Ласаро Карденасу. Ласаро Карденаса иначе не называют, как «нуэстро президенте»*.

Однажды Ласаро Карденас на предвыборном митинге кандидата на пост президента Лопеса Матеоса сидел на трибуне вместе с другими видными представителями конституционно-революционной партии.

Все, кто собрался на площади, кивали в сторону трибуны и передавали друг другу: «Нуэстро президенте».

Когда была закончена длинная предвыборная речь

* Наш президент.

кандидата Лопеса Матеоса и почетные гости стали спускаться с трибуны, манифестанты кинулись навстречу Карденасу.

К Карденасу подошел какой-то старик крестьянин, снял перед бывшим президентом широкополую шляпу и поклонился до земли; не сказав ни слова, старик надел шляпу и отошел в сторону.

Тут же Карденаса окружили молодые люди. Они что-то весело кричали, и каждый просил бывшего президента дать автограф. Ему протягивали какие-то открытки, бумажки, конверты, книги. Любая вещь с автографом Карденаса будет храниться дома как дорогая реликвия.

В том школьном учебнике, о котором я уже говорил, Ласаро Карденасу, как и другим президентам, отведен один абзац. «Он экспроприировал нефть, — написано там, — разделил много помещичьих земель среди крестьян, создал банк крестьянского кредита, национализировал железные дороги, основал политехнический институт, оказывал поддержку индейцам и разрешил поселиться в Мексике испанским республиканцам, изгнанным генералом Франко...»

Всего один абзац. Но каждая строчка этого абзаца явилась огромным событием для Мексики.

Нужно было иметь подлинное бесстрашие, чтобы во время конфликта между мексиканскими рабочими и могущественными англо-американскими нефтяными компаниями твердо встать на сторону рабочих.

Нужно было иметь мужество, чтобы призвать всех хозяев фабрик и заводов — сильных мира сего — удовлетворить требования профсоюзов, улучшить положение рабочего класса.

Когда Карденас подписывал декрет о разделе помещичьих земель, помещики организовывали отряды для свержения Карденаса. Но народная любовь к президенту была так велика, что все эти попытки терпели провал.

Мексиканские историки называют Ласаро Карденаса «Падре Гранде». Он первый мексиканский политик, который правил без применения оружия. Все предыдущие президенты, придя к власти, любыми средствами старались расчитаться со своими противниками. Карденас предоставил возможность своим политическим противникам бороться, и вскоре они оказались банкротами в глазах народа и перестали играть какую-либо роль.

До сих пор услышишь в Мексике слова: «Если бы Карденас был у власти». К Карденасу всегда шли делегаты из народа. Они идут и сейчас.

До сих пор к Карденасу приходят индейцы с юга, из джунглей, и с севера, с гор. Во многих индейских племенах, которые живут обособленно, считают Карденаса одним из святых. И когда вдруг местные власти или отдельные помещики начинают притеснять индейцев, они посылают своего ходока к Карденасу. Приходил к нему вождь индейского племени тараумара Хосе Харис по прозвищу Апорочи (дед). Апорочи обычно снимал свою набедренную повязку, в которой он ходил, надевал штаны, нагружал свою торбу изрядным количеством маисовых лепешек и отправлялся на поиски Карденаса. Его не смущало, что от «гор, где он живет, до столицы — две тысячи километров». И он находил Карденаса. Карденас встречал его, подолгу вел неторопливую беседу.

Карденас очень прост в жизни. Он ходит в несколько старомодном двубортном костюме. У него седые виски, черные мохнатые брови и внимательные глаза. Стоит только вступить с ним в разговор, как сразу чувствуешь себя его старым знакомым.

Сколько я ни ездил по Мексике, я не видел памятника Ласаро Карденасу, хотя личность его поистине легендарна. А другому ныне здравствующему президенту, Мигелю Алеману, поставлен огромный гранитный памятник на видном месте в столице. Проезжая как-то мимо памятника, я увидел странную картину: величественный монумент Мигеля Алемана ремонтировали.

— Что случилось? — спросил я у рабочих.

— Голова отлетела, — ответил пожилой человек с молотком в руках. — Кто-то просверлил дырочку в граните, заложил динамит и взорвал памятник. Наверное, студенты.

Рабочий окинул взглядом памятник.

— Но мы его отремонтируем. Все будет в порядке, как прежде.

Конечно, у Мигеля Алемана тоже есть заслуги перед родиной. О них говорится в учебнике истории: «Мигель Алеман продолжил кампанию по строительству школ, начал строительство университетского городка, создал национальный индейский институт, построил новые шоссе, заложил фундамент огромной плотины на реке Танто».

Несмотря на этот перечень заслуг, мексиканцы не питают к Мигелю Алеману такой любви, как к Карденасу.

Крестьяне ставят ему в вину то, что во время его правления было заторможено проведение аграрной реформы.

Рабочие упрекают его в том, что он создал благоприятные условия американским монополиям. За годы его правления доходы монополий удвоились.

И бык может быть актером

Как-то в воскресенье мы взяли киноаппараты, треногу, аккумуляторы и поехали на бой быков. Мы решили, что в документальном фильме о Мексике обязательно должно быть любимое зрелище мексиканцев.

На площади, перед входом на Торео, празднично играла музыка. Торговцы, не жалея голосов, предлагали вареную кукурузу с перцем, рога убитого в бою быка и настоящую шпагу матадора с запекшейся кровью.

Я остановился у служебного входа. Позади меня, как гренадеры, стояли операторы Гасюк и Головня.

Невысокого роста человек в очках открыл нам дверь.

— Председатель Союза силы и мужества Фернандес, — отрекомендовался этот человек, — к вашим услугам.

— Мы хотели бы отснять бой быков для документального фильма о Мексике, — сказал я.

— Прекрасно! — воскликнул Фернандес. — Сего-

дня отличные быки и знаменитые матадоры. Вам просто повезло.

Фернандес пожал руку мне и моим друзьям, похлопал нас по плечу и жестом пригласил пройти.

— Конечно, прежде чем начать работу, вы должны выполнить некоторые формальности, — сказал Фернандес, — внести денежный вклад в бюджет нашего союза. Ведь вашими актерами будут быки и матадоры.

Мы деликатно молчали.

— На днях у нас был французский режиссер, — продолжал Фернандес, — он заплатил двадцать пять тысяч песо. С вас я возьму двадцать тысяч.

Наши руки не потянулись к карманам потому, что у нас не было таких денег. Может быть, такую сумму мы могли бы заработать за год или полтора.

Представитель Союза силы и мужества заметил наше смущение. Он прошелся перед нами туда-сюда. Потом остановился и сказал:

— Ну ладно! Согласен на пятнадцать!

Мы не проявили признаков радости и не захлопали в ладоши. Ну какая разница, двадцать или пятнадцать тысяч? Если бы тридцать песо — тогда другое дело!

— Мы купим входные билеты и снимем бой быков с трибуны, — шепнул мне Борис Головня.

Я принес извинения представителю Союза силы и мужества, и мы ушли. Мы купили за пятнадцать песо билеты и вскоре уже сидели в одиннадцатом ряду. Отсюда хорошо видна круглая арена за двумя заборами, ворота, откуда выпускают быка, и несколько узких проходов для матадоров.

Гасюк приладил к аппарату телеобъектив, и, как только на арену выбежал черный бык, аппарат затрещал.

Я уже стал забывать о встрече с сеньором Фернандесом, как вдруг увидел слева и справа от нас полицейских. Они стояли и раскручивали на пальце увесистые резиновые дубинки. За их спиной был сеньор Фернандес.

Полицейский поманил меня пальцем.

— Видите ли, сеньоры, — сказал я полицейским, — мы отсняли маленький кусочек, но ведь это не профессионально, без штатива.

— Тем более вам не жалко будет отдать пленку, — спокойно произнес полицейский.

Наверное, операторам легче было отдать родное дитя, чем отснятую пленку. Но полицейские ждали, и на лицах у них не было и тени сомнения.

...Вечером мы сидели в гостинице, горестно размышляя о неудаче. Какой же это фильм о Мексике, если в нем нет боя быков? В это самое время в нашу дверь постучали, на пороге появился Ренато Ледук, один из главных комментаторов боя быков.

— Не печальтесь, друзья, — весело сказал Ренато. — Я поеду к президенту Союза силы и мужества сеньору Прокуне и все улажу.

Конечно, мы отгоняли от себя счастливые мысли. Но однажды, возвратясь со съемок, мы увидели на столе отобранную у нас кассету с пленкой и официальное разрешение, в котором говорилось: «Союз силы и мужества не возражает против того, чтобы советские кинематографисты отсняли кое-какие детали боя быков».

Операторы плясали от радости, а я хлопал в ладоши.

Мы с нетерпением ждали воскресенья и, как только оно наступило, снова отправились на бой быков. Сеньор Фернандес распахнул перед нами дверь. Он пожал нам руки и провел за красный забор — святая святых корриды. За этот забор пускают лишь матадоров и их помощников.

Гасюк поставил аппарат на треногу, прикрепил огромный объектив и стал похож на астронома. Борис Головня приладил аппарат на барьер.

Бык выскочил на арену и остановился посередине круга. Он ударил копытом по золотому песку, вызывая матадора на смертный бой.

Грациозно, словно балерина, вышел на арену матадор. Он раскрыл красную мулету.

Бык пригнул голову, сейчас он нанесет смертельный удар... Но в этот самый момент кинооператоры включили моторы.

Здесь я должен прервать ход повествования. Аппараты, которыми снимали мои друзья, были внушительных размеров и издавали треск. Однажды на съемке в музее антропологии, где люди затаив дыхание передвигаются от одного экспоната к другому, какой-то японский кинематографист, у которого камера работала бесшумно, подошел к Гасюку и долго рассматривал его аппарат.

— А-а! — сказал японец. — Знаю! Это французский...

— Да! — с гордостью подтвердил Гасюк.

— Французы выпускали такие аппараты, — продолжал японец, — перед второй мировой войной для

военных корреспондентов. Они трещат как пулеметы. С таким аппаратом на фронте было не так страшно.

Мы долго смеялись вместе с японцем.

У Головни аппарат был советский. Выпущен он после войны, но трещал не меньше французского.

Бык, конечно, не знал тонкостей производства киноаппаратов, но, наверное, слышал такой треск впервые. Если минуту назад он готов был броситься на матадора, то, услышав треск, он остановился, посмотрел сначала на одного кинооператора, потом на другого.

— Торо! — крикнул матадор и присвистнул от нетерпения.

Операторы прекратили съемку. Зачем им бык, глядящий в объектив?

Бык пригнул голову и бросился на красную мулету. Зрители восторженно аплодировали и кричали: «Олэ!» Операторы продолжали съемку, и в общем шуме стадиона не был слышен треск аппаратов.

Я видел счастливые лица операторов. Иногда кто-нибудь из них отрывался от аппарата и показывал большой палец.

Игра матадора с быком становилась все азартнее. Матадор раскрывал мулету, и бык, словно притянутый магнитом, следовал за ней. Матадор уже почувствовал свою власть над быком и поэтому решился на самый отчаянный трюк: он встал перед быком на колени, вытянув левую руку с мулетой в сторону.

Бык смотрит на матадора, будто оценивая его позу.

Теперь матадор во власти быка. Если бык бросится на матадора, то он не сумеет увернуться от удара

его рогов. Но матадор верит, что бык пойдет на красную мулету, которую он вытянул в левой руке.

Стадион напряженно затих.

Бык всем корпусом подался вперед. Даже издали было видно, как напряглись его мышцы... И в этот самый момент в мертвой тишине стадиона затрещал аппарат Гасюка. Бык расслабил мышцы, очень кокетливо переступил с ноги на ногу и пошевелил ушами, как собака на привязи.

Матадор потряс мулетой. Бык продолжал вертеть головой и прислушиваться. Всем своим видом он показывал, что ему нет дела до красной мулеты.

Явно был нарушен ритм корриды, и матадор не был подготовлен к таким неожиданностям. А операторы, увлеченные своим делом, были уверены, что все идет как надо. Они не могли понять, в какое ужасное положение они ставят матадора. Его слава, честь висели на волоске из-за треска их аппаратов. Они не видели и не слышали, что приводят в неистовство зрителей. Они увлеченно делали свое дело — снимали корриду.

Матадор испуганно поднялся с колен. Публика взорвалась от возмущения.

«Отправляйся сражаться с женой, а не с быком!» — кричал кто-то.

Самые экспансивные ценители корриды бросали в матадора соломенные подушки...

Матадор был бледен.

Матадор приблизился к быку, раскрыл перед мордой быка мулету. Все началось сначала. Матадор пытался подчинить быка. Но бык как-то не очень обращал внимание на мулету.

Я видел, как сеньор Фернандес подбежал к Головне и, подергав его за рукав, сказал:

— Подождите снимать!

Головня внимательно выслушал эти слова, но так как он ничего не понимал по-испански, в ответ он показал сеньору Фернандесу большой палец и добавил по-русски:

— Все в порядке.

Представитель Союза силы и мужества развел руками и бросился к Гасюку. Он оторвал Гасюка от аппарата и, не говоря ни слова, помахал перед его носом пальцем.

Но Гасюк улыбнулся. Он показал Фернандесу на солнце.

— Скоро оно скроется, и тогда снимать нельзя, — сказал Гасюк.

Фернандес не понял этих слов и опять помахал пальцем перед носом Гасюка. Тогда Гасюк точно так же помахал пальцем перед носом Фернандеса и сказал:

— У нас есть официальное разрешение. Понимаете? — После этих слов Гасюк улыбнулся, похлопал Фернандеса по плечу и добавил: — Амиго!

Сеньор Фернандес побежал куда-то. Может, он хотел поговорить со мной, но для этого ему нужно было обойти всю площадь быков. С арены нет хода на трибуну. По этой же причине я не мог спуститься вниз.

А бой продолжался. Кажется, что матадор опять подчинил своей власти быка. Но он уже не хочет испытывать свою судьбу — вставать перед быком на колени. Он вынимает из-под мулеты шпагу и просит у судей разрешения убить быка.

С обнаженной шпагой матадор делает несколько шагов навстречу быку.

Матадор приподнимается на носки и целит шпагой в быка. Сейчас бык бросится на матадора, и удар шпаги завершит игру.

Затрещали кинокамеры. Операторам хотелось заснять именно этот решающий момент боя. И они были так увлечены, что окружающий мир для них сейчас не существовал. Им важно только то, что они видят в глазок своего аппарата. Разве могло им прийти в голову, что бык не бросается на матадора из-за того, что трещат их аппараты? А бык стоял, слушал треск аппарата и, казалось, замирал от удовольствия.

Нервы матадора не выдержали, и он сам бросился на быка. Шпага попала в кость и отлетела на песок.

— Эй! — кричали с трибун. — Зарежь быка ножом!

Матадор поднял шпагу и обошел быка вокруг.

И опять минута испытания. Матадор должен убить быка. Иначе газеты долго будут вспоминать этот позорный случай.

Только два шага отделяют матадора от быка. Снова как стрела нацелена шпага в спину быка. Зрители волнуются. Операторы продолжают съемку, и в общем шуме стадиона пропадает треск их аппаратов.

Бык бросился на матадора, матадор на быка, и шпага вошла в загривок быка по самую рукоятку.

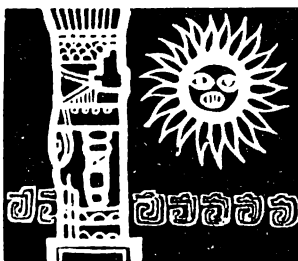
Когда бык упал, матадор взялся руками за голову и под свист публики покинул арену.

Мои друзья операторы взвалили аппараты на плечи. Они направились к выходу. С воспаленными от радости лицами они объясняли друг другу:

— Значит, на первом плане он в своем золотом костюме. Черный бык на фоне красного забора.

— А у меня в кадре он целится шпагой: рука дрожит, лицо бледное. Восторг...

Добрая примета

В Мехико я встретил друга Кандито, фотокорреспондента. Сколько раз во время путешествий мы с ним «охотились» за интересными кадрами! Глаза у него были живые, морщинки вокруг глаз придавали лицу лукавство. Движения рук — быстрые, энергичные.

А теперь я встретил Кандито и удивился. Он был толст. Глаза смотрели спокойно, жесты медлительны.

— Может, ты приедешь сегодня вечером ко мне ужинать? — сказал Кандито. — У меня будет приятель архитектор, банковский служащий и мои. Ты помнишь мою жену и сыновей?

В назначенный час я приехал к нему. Жил он в новом доме, у него была новенькая машина — все как у преуспевающего буржуа.

Кандито ходил по гостиной и, по-хозяйски взмахивая руками, повторял: «Столько лет прошло и снова встретились. Вот как бывает».

Мы сели за стол, на котором было много мексиканских закусок и пиво.

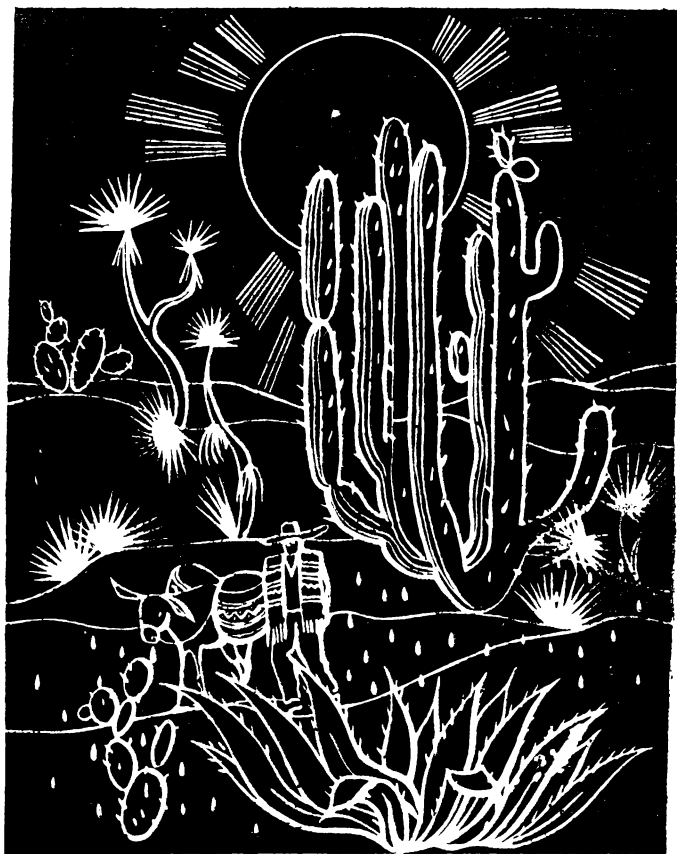
Разговор зашел о Мексике. Добродушный толстяк, банковский служащий, не отрываясь от тарелки, говорил, что финансовое положение Мексики сейчас намного лучше, чем прежде. На 1967 год бюджет увеличен без повышения налогов на 240 миллионов долларов. Туризм в Мексику возрос на десять процентов и в связи с Олимпийскими играми возрастет еще больше. Уже сейчас доход от туризма составляет 340 миллионов долларов в год.

— Умоляю, остановись! — крикнул хозяин. — Ты убьешь нашего гостя цифрами. Хочешь, я тебе выражу главный наш тезис словами президента? — обратился ко мне Кандито. — Путь Мексики — это получение разумных прибылей, чтобы все мексиканцы, видя, как их жизнь улучшается, работали с энтузиазмом.

— Президент немножко перегнул, — сказал архитектор — худенький человек в очках, с очень пристальным взглядом. — Нельзя сказать «все мексиканцы». Улучшение жизни касается главным образом среднего класса. Это вот мы, сидящие здесь, это квалифицированные рабочие, служащие, интеллигенты, ремесленники, мелкие землевладельцы.

— Всего тридцать процентов общества, — отпартовал толстяк, банковский служащий, который, по-видимому, был просто наполнен всевозможными цифрами. — Прибавьте к этому десять процентов крупной буржуазии, — сказал он и отхлебнул из пивной кружки.

— Сорок процентов — это те, которых касается прогресс Мексики, — продолжал архитектор, — те, кто живет в новых домах, ездит по автострадам на

автомобилях. А шестьдесят — крестьяне-индейцы, живут по-прежнему и ходят по гладкому асфальту пешком.

Хозяин дома не согласился с архитектором, заявив, что прогресс страны в какой-то мере касается всех. Но с ним не соглашался архитектор. Спор разгорелся. Мы засиделись допоздна. Было выпито много пива, но спор так и не был решен.

Спор этот немаловажный!

В Мексике издавна существует один больной вопрос — земля. Земли, пригодной для обработки, в Мексике мало — всего 15 процентов территории. Со времен испанского завоевания эта земля распределялась среди конкистадоров, как вознаграждение за ратные подвиги Эрнандо Кортес раздавал своим солдатам «энкомьенды» — большие земельные участки вместе с крестьянами-индейцами, которые были обязаны их обрабатывать.

От солдат не отставало духовенство. Католическая церковь правдой и неправдой прихватывала плодородные земли и вскоре превратилась в богатейшего собственника.

Было забыто то, что в Мексике до прихода испанцев существовала общинная форма землепользования. Крестьянская семья обрабатывала участок земли, выделенный ей общиной, а часть земельной площади использовалась общиной совместно, на кооперативных началах.

К моменту революции 1910 года распределение земли в Мексике являло чудовищную картину. 11 тысяч помещиков владели 97 процентами всей земли.

8 миллионов мексиканских крестьян фактически были безземельны.

Эти миллионы безземельных крестьян взяли в руки оружие и пошли в бой с войсками диктатора Порфирио Диаса, надеясь получить землю. Диктатор был свергнут. Крестьяне верили, что навсегда будет покончено с несправедливостью и земля наконец-то будет принадлежать им. И когда был принят закон об аграрной реформе, для всех мексиканских крестьян был праздник. Закон предусматривал два пути в распределении земли: возвращение земли тем общинам, которые могут доказать, что земля была у них отнята помещиками; выделение земельных участков крестьянам-беднякам, не входящим в общины.

Но радость крестьян была преждевременной. Оказалось, не так легко доказать, что земли помещика принадлежали раньше общине. Прошения крестьян ложились мертвым грузом в судах, в канцеляриях губернаторов. Помещик ближе к этим инстанциям, чем крестьяне. Помещик может дать взятку, может воспользоваться дружескими отношениями с судьей и губернатором. Так и вышло, что 138 эхидос в штате Идалго 20 лет ждали ответа на свои прошения.

Можно предположить, что в конце концов после многолетней волокиты крестьянам дали землю. И опять возник вопрос: «Какую землю?» В Мексике так много пустынь, гор — земли, на которой растут только кактусы! Как будто бы дали землю, а земли нет. К 1950 году в руки крестьян по аграрной реформе было передано 39 миллионов гектаров земель. Но из них только 8,7 миллиона были пригодны для земледелия.

Сколько раз звучали речи крестьянских лидеров, которые от имени крестьян отказывались получать непригодную землю, выделенную правительственными чиновниками!..

Закон об аграрной реформе продолжает действовать. В 1965—1966 годах было распределено между крестьянами еще 5 179 970 гектаров земли.

Но слово «земля» остается до сих пор животрепещущим. Вокруг земли переплетается так много страстей, хитросплетений, надежд и лживых обещаний. А озлобление и ненависть между помещиками и крестьянами с каждым годом растут все больше. Как часто проникают в газеты небольшие сообщения: «Комиссар эхидо Адольфо Гутьеррес убит сегодня ночью неизвестным человеком».

Мексиканцы читают эти заметки и вместо слов «неизвестным человеком» ставят вполне определенные слова «убит по приказу помещика». Таким образом помещики хотят отучить крестьян ходить с просьбой по судам и правительственным канцеляриям.

8 февраля мексиканскую печать облетело такое сообщение: 300 крестьянских семей из Чоапана, доведенные до крайности притеснениями местного помещика, прошли пешком 250 километров до города Оахаки и заявили протест властям.

Я вспомнил все эти цифры и факты, когда вместе со своими друзьями кинооператорами покинул столицу и мчался по дорогам Мексики на автомобиле. Чем дальше от столицы, тем чаще встречал я бредущих по обочине дороги людей.

Однажды около озера Такомако я остановил ма-

шину. Операторы вытащили из багажника свои аппараты, треногу и побежали искать удобную точку для съемки. Ко мне подошел мексиканец и сказал: «Добрый день, сеньор».

На нем была шляпа — соломенная шляпа, омытая дождями и пропаленная солнцем. Рубашка его напоминала по цвету выгоревшую гимнастерку. В руках была большая личинка бабочки, и он очень бережно держал ее.

— Может быть, вам нужен помощник? — спросил этот человек. — Меня зовут Хуан. Хуан Асеведра.

— Нас трое, — сказал я, — и мы вполне справляемся со всеми делами.

— Может быть, вы сомневаетесь в моей репутации? — сказал человек и, переложив личинку в левую руку, полез правой в карман.

Он вынул из кармана пакетик, завернутый в старую газету. Из пакетика он достал пожелтевший лист бумаги с гербовой печатью и дал мне прочитать. «Хуан Асеведра, — говорится в бумаге, — прилежен в труде, не пьет, никогда не судился. У Хуана добрый характер и хорошее поведение».

Было написано, где Хуан работал, и в конце стояла подпись представителя муниципалитета.

— Мы иностранцы, — сказал я, возвращая бумагу. — Мы проездом в этих местах. Извините, но нам не нужны помощники.

— Жаль, — сказал Хуан и улыбнулся.

Улыбка у него была добрая. Наверное, все правильно написано в той бумаге с печатью.

— Я крестьянин, но земли у меня нет, работал здесь неподалеку чернорабочим, — сказал Хуан. —

Хозяин купил экскаватор и нас троих уволил. Если есть экскаватор, зачем ему мы? Приходится искать новую работу. Жена с ребенком тут, в деревне. Пока им поможет братишка.

В голосе Хуана, в его жестах не было растерянности, не было отчаяния, он говорил, не теряя чувства достоинства.

— Куда вы сейчас идете? — спросил я.

— В Сан-Андрес Туктсткла.

— Это же тридцать два километра!

— Да, сеньор. К вечеру дойду.

Я посадил крестьянина в машину. Мы мчались по асфальту, заботливо разлинованному белыми линиями. Хуан по-прежнему бережно держал личинку бабочки.

— Если кто-нибудь находит в лесу такую личинку, — сказал Хуан, заметив мой взгляд, — то ему обязательно повезет. Хорошая примета.

— Верите?

— Конечно! — Хуан улыбнулся. — Мне уже повезло. Я еду на машине. А может, и работу найду.

**Если на
спидометре 160!**

Наверное, многие не поверят, если я скажу, что во время работы над документальным фильмом о Мексике мы проезжали за день на автомобиле тысячу километров и при этом успевали сделать необходимые съемки.

Конечно, у нас была надежная машина «форд», мы трое — опытные водители. Но, пожалуй, самое главное — это дороги.

Дороги в Мексике платные — «супер-карретыры» и бесплатные. Часто они идут одна неподалеку от другой. Если не торопишься, поезжай по бесплатной, сэкономишь полтинник, к тому же насладишься пейзажами. Бесплатные дороги пролегают по старым торговым путям через деревеньки, через речки. Когда-то по этим дорогам ездили на лошадях, потом полотно расширили, покрыли асфальтом, получились вполне приличные дороги. Можно ехать со скоростью сто километров в час. Но разве это скорость для современного автомобиля?

Стрелка, на которой написано «куста», показывает поворот на платную дорогу. Вдалеке видна стеклянная будка контролеров. «Сбавьте скорость!» — призывают плакаты. На шоссе попадаются участки, уложенные ребристыми плитами. Как только въезжаешь на них, машина дрожит словно окаянная и нога давит на тормоз.

Вы протягиваете в окошко деньги. Звякнула касса, на световом табло появляются цифры. Контролер сует в руку квиток, и перед вами «супер-карретера».

Машина набирает скорость. На спидометре 100, 130, 160 километров... Будто ты уже не на машине. Кажется, ты мчишься по взлетной дорожке. Еще мгновение, и колеса оторвутся от земли.

Но через полчаса к этой скорости привыкаешь, и появляется вера в счастливый исход путешествия. Зеленый кустарник посредине шоссе, белые линии, которыми расчерчена дорога, широкая обочина, посыпанная красным песком, ведут тебя как заботливые няньки. Ты чувствуешь себя между линиями настолько уверенно, что порой кажется: это не линии, начерченные краской, а рельсы.

На обочине мелькнул столб со словом «поворот». Я еще не знаю, крутой это будет поворот или плавный. С какой скоростью я должен пройти его? Еще несколько сот метров, на обочине появляется стрелка. Изгиб стрелки точно соответствует изгибу дороги. Теперь я спокоен. Я жму на газ. Тот, кто поставил эту стрелку, знает законы быстрой езды.

В стороне остаются деревни и города. Но бывает так, что шоссе идет через селения. Я вижу на обочине

знак, на нем одно слово: «Опасность!» Пролетают еще несколько сотен метров, другой знак: «Селение впереди!»

Эти знаки поставлены с учетом самой большой скорости. Их нельзя не увидеть и можно успеть прочесть.

Мне приходит на ум сравнение. Наверное, так случается со всеми, кто много ездит за рулем по дорогам своей страны, а потом ведет автомобиль по чужой земле, вдалеке от дома.

Мне вдруг отчетливо вспомнились знаки перед селениями на наших шоссе. На огромной фанере, укрепленной на двух столбах, белым по синему написано: «Внимание, впереди опасный участок дороги».

Эти пять слов я не могу прочитать мгновенно. Проходят секунды. Машина мчится, а я не вижу, куда она мчится и на кого мчится. Я не шофер, я читатель. И никто, наверное, не знает, сколько опасных ситуаций на дороге создают эти многословные указатели.

Но не только это приходится читать нашим шоферам, сидя за рулем. Совсем близко от Москвы, на Ярославском шоссе, висит плакат «Пушкинский район». Проезжаешь мимо — и вдруг другой огромный плакат. Думаешь, опасность впереди! Читаешь: «Пушкинский район входит в состав трижды орденоносной Московской области». Следом стоят, как солдаты, красные щиты, и на них социалистические обязательства, итоги выполнения плана и т. д. и т. п. А у дороги высятся пятиэтажные дома, из которых выбегают дети! А ты читаешь! Не потому, что хочется, а по-

тому, что ты шофер. А шофер читает все, что ему попадает в пути. Это тоже вопрос психологии. А те, кто поставил огромные плакаты и красные лозунги, не относящиеся к движению на дороге, конечно, не изучали психологии. Они не в ответе за аварии на шоссе. Виноват всегда водитель...

Но сейчас я еду по дорогам Мексики. Знаки оповещают меня, что впереди бензоколонка, кафе, мастерские, телефон. Я сбавляю скорость и останавливаю машину у колонки. Пока заправляют машину, моют лобовое стекло, проверяют давление в шинах, уровень масла и воды, мы садимся за столик и пьем кока-колу, о которой у нас написано столько разных слов.

В тропическую жару в дороге для водителя нет лучше напитка, чем кока-кола. Даже если ты совсем засыпал за рулем и руки были расслаблены, бутылка кока-колы выведет тебя из этого состояния и даст тебе заряд бодрости часа на два.

В России тоже когда-то были трактиры на дорогах. Там не было кока-колы, но всегда можно было выпить чашку настоящего крепкого чая. Как бы это пригодилось сейчас водителям машин!..

Наш автомобиль готов к продолжению пути. За руль садится Дмитрий Гасюк. Он жмет на газ. Перед ним дорога и приборы автомобиля.

За окном надвигается ночь. Она приходит в жарких странах как-то сразу. Солнце чуть погаснет, и плотная темнота накрывает землю. Теперь езда еще труднее. Мы не отрываем глаз от дороги, пытаемся нащупать в темноте опасность. Наши добрые нянь-

ки — белые линии на асфальте теперь нам еще нужнее. Они хорошо высвечиваются фарами и ведут нас вперед, в темноту.

И еще нас ведет вперед уверенность, что не будет неожиданности в пути. Нас предупредят знаки, остановят, где нужно. Мы уже поверили тем людям, которые оформляют дорогу и следят за безопасностью.

Где-то далеко впереди, там, куда уходят белые линии, свет вдруг расплавил тьму. На обочине дороги перед нами мелькнул первый светящийся знак — «Опасность!» Летят секунды, и уже второй знак — «20 максимальная» — слово «скорость» пропущено. Машина пробегает еще метров двести, и мы видим факелы на дороге. Днем рабочие не закончили ремонт дороги, и всю ночь будут гореть эти десятки ярких факелов. «Опасность! Опасность!»

Я вспомнил наши тусклые лампочки на шоссе ночью в тех местах, где идет ремонт дороги. Лампочки вешают на заборах, заборы почему-то блеклого цвета, чаще серого. Наверное, за забором яма, в которую может легко нырнуть автомобиль. Гляди в оба, на нянек в пути не рассчитывай!

Чем больше ночь входит в свои права, тем плотнее поток грузовиков на мексиканских дорогах. Легковые машины уже закончили свой трудовой день. Владельцы их сидят дома. Теперь шоссе во власти грузовиков. Шоссе не пустует: не бывает на железной дороге так, что поезда ходят только днем. Железная дорога служит людям круглые сутки, шоссе тоже.

А как тесно на наших дорогах днем и как пусто ночью...

Впереди показались огни Мехико. Еще одна тысяча километров осталась позади.

Завтра опять в дорогу. И снова поведут нас по шоссе белые линии, заботливые знаки предупредят об опасности. И мы будем мчаться, и стрелка спидометра застынет на цифре 160.

Мексиканские индейцы

Часто на широких автострадах Мексики, по которым как вихрь проносятся автомобили, увидишь индейцев. Идут они по обочине один за одним — гуськом, как ходили когда-то их деды. На индейцах широкие рубахи навыпуск, короткие штаны. Тяжелая ноша за плечами. У женщин за спиной в плетеных мешках дети.

Идут индейцы молча, не глядя по сторонам. У них свой мир, непохожий на тот, в котором живут мексиканцы, проносящиеся на автомобилях по асфальту.

А ведь именно они, индейцы, были когда-то хозяевами мексиканской земли. Это их предки десять веков назад создали поразительную по своему уровню цивилизацию. Это они построили города Паленке, Чичен-Ицу, Папантлу, Теночтитлан, каждый из которых мог бы украсить любую столицу.

Но все это было разрушено испанскими завоевателями. С тех пор и началась печальная история мексиканских индейцев. Прогресс страны — строитель-

ство новых городов, фабрик, расширение помещичьих хозяйств — все это шло за счет отчуждения индейских земель. Конечно, многие индейцы вливались в жизнь городов и фабрик, становились батраками в помещичьих хозяйствах. Но многие уходили в глубь страны, искали там новые земли и основывали поселения. Так и сохранились до наших дней индейские деревни, в которых свои законы, свой индейский образ жизни, древний язык.

По официальным данным, в Мексике насчитывается более трех миллионов таких индейцев. Этнографы считают эту цифру явно заниженной.

Слово «индеец» в Мексике произносят с любовью и грустью. Ведь у большинства мексиканцев течет индейская кровь. Они полны доброжелательства к своим «нецивилизованным» собратьям. В столице есть Национальный индейский институт, который иногда направляет к индейцам учителей и врачей. Но чтобы кардинально решить индейскую проблему, нужны огромные средства и плодородные земли.

Так и живут миллионы индейцев в «своих уголках», подальше от главных дорог, по соседству с непроходимыми болотами, пустынями и неприступными горами.

Племя отоми

Нужно ехать на север от столицы, чтобы попасть к индейцам племени отоми. Машина сворачивает с шоссе и мчится по проселку, оставляя за собой длинный и густой, как завеса, шлейф пыли.

Наверное, трудно встретить землю, более безжизненную, чем эта. Земля потрескалась от зноя. Болезненно изогнувшись, стоят здесь хилые деревца и пожелтевшие кактусы.

Все раскалено на этой земле. Раскален даже воздух. Он обжигает губы.

Проселочная дорога кончилась, и мы пошли пешком. Наш провожатый Агирре из Национального индейского института идет впереди с палкой в руке. Он бьет палкой по камням, которых здесь так много валяется на земле, и как-то по-особенному присвистывает, чтобы разогнать змей.

По сторонам от тропинки — кактусы. Есть кактусы, торчащие из земли, как палки, есть похожие на лепешки, утыканые тысячами иголок. Среди этих кактусов мы увидели небольшую часовенку, сложен-

ную из камня. Рядом кладбище — могилки без крестов. Вокруг не было видно никаких жилищ.

Но жилища были рядом. Отоми делают стены своих жилищ из тех же кактусов. Пока не подойдешь вплотную, жилища не обнаружишь.

Агирре крикнул что-то на языке отоми, и на пороге хижины появилась женщина, у которой на руках был ребенок, рядом с ней стоял мальчишка лет шести, крепко вцепившись ручонками в юбку матери. И у матери и у детей глаза были испуганные...

Агирре о чем-то говорил с хозяйкой, а я стоял и смотрел на босые ноги хозяйки и на маленькие смуглые ножки ее сына. У нашего проводника Агирре были крепкие кожаные сапоги. Мне вдруг стало смешно, когда я вспомнил страх Агирре перед змеями, его посвистывание и постукивание палкой по камням.

Вскоре явился хозяин дома, низкого роста молодой человек, с глазами, подпухшими от пульке. Пульке — хмельной напиток, добываемый из магэя — разновидности кактуса. На хозяине были штаны из мешковины. Наверное, это был мешок из-под сахара, потому что на одной штанине заметно клеймо со словом «асукар»*. В руках хозяин держал небольшой сосуд, в котором, наверное, было пульке.

Многие путешественники, попадающие на раскаленную землю отоми, задают один и тот же вопрос: как могут жить люди на такой земле?

Десятки тысяч индейцев живут в этих краях фактически без воды. Здесь можно встретить людей, которые от рождения не умывались. Их черная сморщен-

* Сахар.

ная кожа напоминает старый выпотрошенный кошелек.

Именно пульке дает жизнь индейцу отоми. Корень магэя всегда содержит десять-двенадцать литров этой жидкости, даже если земля засохла от зноя. Детей с самого рождения приучают пить пульке.

Отоми готовят пищу из кактуса. Из листьев магэя выделывают волокно для вязания шляп, для изготовления корзинок и игрушек. На вырученные деньги отоми покупают кукурузу, из которой делают лепешки.

Удивительные это люди, отоми! Многие не имеют даже имен. Они называют друг друга «кактус», «солнце», «гора». Молятся индейцы солнцу и луне так же, как их далекие предки.

Мы попросили у хозяина разрешения войти в жилище. Оно было больше похоже на шалаш, сделанный из стволов кактуса, и в нем можно было укрыться только от солнца. На земляном полу дымил небольшой костер. Рядом лежала соломенная циновка, на ней сидел старик.

— Он плохо видит, — сказал хозяин.

Услышав голоса, старик встрепнулся. Он долго смотрел на нас своими незрячими глазами и жестом попросил сесть.

Агирре сказал, что мы спешим.

— Нет, нет, обязательно сядьте, — сказал старик. — Вы же не знаете, куда прячется солнце.

— Солнце стоит на месте, — пояснил Агирре, — а земля вертится.

— Нет, сеньор, — с улыбкой произнес старик, обнажив редкие зубы. — Нет! Очень давно индейцы

отоми тоже не знали, куда прячется солнце. Одни говорили, что вечером солнце гаснет, другие — что оно прячется в землю. Да вы присядьте, сеньоры...

Мы сели на циновку.

— Был у индейцев отоми храбрый юноша Иктл, он решил во что бы то ни стало разгадать тайну. Напрасно его отговаривали мать и невеста.

«Ты можешь погибнуть, — говорили они. — Ведь солнце — бог. Оно может убить».

Но юноша был тверд в своем решении. Он превратился в сопилото* и полетел к солнцу.

Летел Иктл, летел, но не мог догнать солнце. Он был еще на полпути, а солнце уже клонилось к закату. Оно становилось все более огненным. Вот оно прикоснулось к земле и, казалось, расплавив землю, спряталось.

Иктл устало опустился на склоне горы и долго думал о том, как же узнать, куда уходит солнце. И решил он лететь всю ночь к тому месту, где скрылось светило.

Летел Иктл над землей, над лесами и полями. Иногда он видел внизу пламя костров. Он знал, что у костров сидят люди. Может быть, они о чем-нибудь рассказывают друг другу. Но никто из них не знает, куда уходит солнце. Зато он, Иктл, скоро вернется к людям и поведаст им тайну. Когда юноша думал об этом, силы его умножались. Он летел всю ночь. И только когда снова над землей зажглось солнце и разогнало тьму, юноша опустился на землю. Он не отрывал глаз от огненного пламени, которое подни-

* Большая черная птица.

малось с другой стороны земли, становилось все более могучим. Наконец оно вышло из-за горизонта, поднялось в небо и согрело людей.

И снова отправился в путь индейский юноша. Он боялся опоздать к тому месту, где скрывается солнце.

А солнце догоняло юношу. Оно уже было над его головой. Оно будто смеялось над ним. Кто может сравниться с солнцем по скорости! Солнце катится по небу, как шар!

Юноша выбивался из сил, но летел как можно быстрее.

И вдруг он увидел конец земли. Дальше была вода. Столько воды, что глаз не видел ее края.

«Ага, — решил юноша, — значит, солнце падает в воду и гаснет. Теперь мне ясно, куда оно уходит».

Юноша спустился на высокий скалистый берег и стал пристально смотреть на солнце. Вот краешек его коснулся воды, и по воде побежала золотая дорожка. Солнце все больше опускалось в воду, и золотая дорожка становилась шире.

Юноша покинул высокий берег, опустил к воде и увидел, что на воде рассыпано золото.

«Ага! — воскликнул юноша. — Солнце целый день светит людям, а когда уходит на покой, оно щедро разбрасывает по воде золото».

Юноша стал собирать это золото и прятать под крылья. И когда он набрал много золота, он полетел к индейцам своего племени.

Долог и труден был его путь. Иктл выбивался из сил. Но ведь он поклялся открыть людям тайну.

Наконец он увидел крышу своей хижины, но крылья уже не держали его. Он упал и разбился.

Индейцы видели его падение. Они подбежали к Иктлу. Он был еще жив. Он рассказал, куда уходит солнце и какой дар оно приносит, прежде чем скрыться. Иктл высыпал из-под крыльев золото и умер.

Это было очень давно, сеньоры, — закончил старик, — и индейцы отоми жили тогда очень богато и счастливо. Нет, не здесь, а на другой, хорошей земле.

Старик кончил рассказ и молча сидел, глядя на огонек очага... Казалось, он забыл о нас.

Тараумара бегут дальше всех

Не так давно мексиканская газета «Эксельсиор» сообщила, что Соединенные Штаты намерены послать помощь индейцам тараумара, которые, как пишут в США, «ежедневно умирают десятками от голода и нищеты».

Благотворительность американцев вызвала возмущение в Мексике. Мексиканцы, конечно, признают, что положение 30 тысяч семей индейцев тараумара в районах Чиуауа и Соноры тяжелое. Но они считают заявление американцев демагогией.

Газета «Эксельсиор» поместила рисунок, изображающий автопоезд США — Мексика, который заблудился в пустыне и не может найти верный путь.

— Где тараумара? Мы хотим им помочь! — кричит американец мексиканцу, встретившемуся в пути.

— Вы лучше поезжайте к себе домой, в Алабаму, и помогите своим неграм, — отвечает мексиканец.

Мексиканское правительство и Национальный индейский институт, конечно, прилагают усилия, чтобы

решить проблему индейцев, в том числе и тараумара. Может быть, эта проблема была бы решена, если бы из Мексики в США не утекало столько средств в виде прибылей американских монополий, действующих в различных районах страны. Поэтому мексиканцы и воспринимают так болезненно всякую благотворительность своего северного соседа.

История индейцев тараумара, очевидно, немногим отличается от истории других индейских племен, населяющих Мексику. Так же их теснили со своих земель испанские завоеватели, а потом чабочи — метисы — земледельцы и лесопромышленники. Теперь тараумара живут в горах, на землях, не очень пригодных для земледелия. Для пахоты здесь используются лишь плоскогорья да узкие речные долины.

Тараумара — очень мирный и простодушный народ. Тараумара строят свои жилища подальше от дорог, от поселений чабочи. «Лучше их не видеть, лучше их не слышать».

Может быть, из-за дальности поселений индейцы тараумара стали удивительными бегунами. Попробуйте-ка покрыть расстояние тридцать-сорок километров в день. Сбегать из удаленного жилища на базар и обратно.

Внешне тараумара не производят какого-то особого впечатления. Это люди невысокого роста. У них крупные черты лица и волевой подбородок. Но сколько силы и выносливости заложено в них!

Немногим удается присутствовать на состязаниях индейцев тараумара, которые они проводят у себя дома, в горах. Индейцы не любят чужих, потому что они никогда не были их друзьями. К тому же местные

колдуны считают, что чужие люди могут сглазить бегуна. И все-таки на таком удивительном состязании иногда удавалось присутствовать мексиканским журналистам. Среди них Бенитесу.

В назначенный день с утра на краю деревни на лужайке собирались индейцы тараумара, рассказывает Бенитес. Бегуны намазывали ноги маслом и лежали на траве. Рядом с ними стоял колдун. Он шептал что-то себе под нос и размахивал правой рукой, отгоняя злых духов.

Неподалеку на траве лежала доска для закладов и на ней камень. Тут же сидел казначей. Те, кто хотел биться об заклад, должны были положить деньги на доску и прижать их камнем. Казначей запоминал, на какого бегуна поставлены эти деньги. Если у тебя нет денег, можешь принести из дома вещь и договориться с кем-либо.

Индейцев собирается все больше. Они приходили и ложились на траву. Лежали молча и лишь иногда поднимались, чтобы посмотреть, кто что кладет на доску закладов.

Солнце припекало все сильнее. Но тараумара не торопились начинать состязание. Когда наступил полдень, деревенский судья, убедившись, что собрались все жители деревни, решил провести судебное заседание. Житель деревни, молодой парень, украл у местного деревенского старосты топор.

Вор сидел тут же в рваной одежде и в уарачи*.

Суд начался. Лица всех участников судебного заседания спокойны.

* У а р а ч и — сандалии индейских крестьян.

— Не воруй, — поучал старик вора. — Как тебе не стыдно красть у своих же односельчан? Тебе не приходит в голову, что все равно мы узнаем о твоём преступлении.

Выступали другие участники заседания, все говорили спокойно, без раздражения, потому что по индейским правилам раздражение унижает человека.

Но вот бегуны просят у судьи разрешения начать состязание. Суд прервался. На обочине дороги полукругом были положены шесть камней — это означает, что участники состязания должны пробежать шесть кругов по 24 километра...

Колдун поднимает с земли два дубовых шара величиной по кулаку и совершает над ними молитву. Состязание начинается. Бегуны босыми ногами подбрасывают шары и бегут. За бегунами устремляются их болельщики.

Судьи снова сели на свои места и начали поучать вора. Все сказали вору какие-то слова.

Суд приговаривает вора к пяти дням принудительных работ на строительстве дороги.

А бегуны продолжают свой путь. Часа через два они прошли первый круг и появились на дороге, по-прежнему подбрасывая перед собой дубовые шарики. Но индейцы не обращают на бегунов особого внимания. Это только первый круг. Впереди еще пять кругов. Индейцы расходятся по домам готовить пищу к ночному торжеству.

Когда солнце скрылось, к бегунам присоединились факельщики-индейцы. Без них не увидишь на дороге дубовый шарик. А бегун все время должен находить

его и подбрасывать впереди себя пальцами босой ноги.

Никто не подсчитывает время. Оно уже давно шагнуло за полночь. Бегуны сделали пять кругов, они пробежали почти сто километров. Они устремились на последний круг.

Теперь вслед за бегунами отправились новые ботьельщики. Среди них женщины. Они не отстают от мужчин.

Все больше народу собирается на лужайке возле закладной доски. Какой шарик первым будет доставлен сюда бегунами?

Индейцы волнуются: кто же будет первым? И когда бегуны в сопровождении факельщиков появляются на склоне горы, все кричат: «Гуэрига! Гуэрига!» *

Бегуны пробежали 116 километров, но индейцы знают, что у них еще есть силы.

— Гуэрига! — кричат индейцы.

Бегуны ускоряют шаг...

* Быстрее!

В джунглях Оахаки

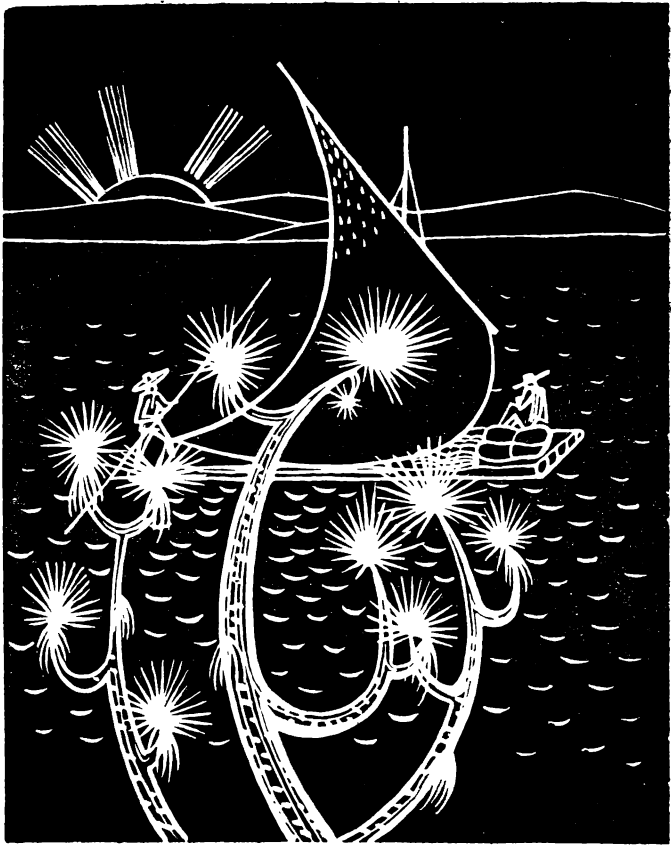
Мало кто из иностранцев добирается до индейцев масатеков. Они живут на юге Мексики, в джунглях Оахаки. Асфальтированной дороги туда нет, где-то нужно оставить машину и по узким тропинкам джунглей пробираться на лошади или пешком.

Но однажды меня вместе с мексиканским журналистом пригласили в те края. На реке Тонто было закончено строительство плотины.

Наша машина остановилась у небольшого домика неподалеку от плотины. Встретил нас заместитель директора координационного центра антрополог Рауль Родригес.

Наверное, он был рад нашему приезду. Он проводил нас в свой кабинет и посадил на длинную скамейку, которая стояла у стены. Каждому предложил бутылочку холодной кока-колы.

— Прежде я хочу рассказать о плотине, — с улыбкой начал Родригес и достал из стола какие-то бумаги. — Это огромное сооружение, которое даст

нам возможность создать искусственное водохранилище протяженностью в пятьдесят четыре километра и шириной в четырнадцать километров. Здесь будет построена электростанция, которая даст стране ток.

Родригес перелистнул страничку, и радостная улыбка погасла на его лице. Он посмотрел на нас и снова взглянул на бумагу, лежавшую перед ним.

— Вы знаете, что на землях, которые затопит вода, живут индейцы масатеки, в общей сложности тридцать тысяч человек. Мы должны переселить их с этих земель.

Мексиканский журналист Луис Суарес, сидевший рядом со мной, глубоко вздохнул и сказал:

— Несчастные индейцы. Сколько раз их переселяют!

— Индейцы не хотят уходить со своих поселений, — продолжал Родригес. — Агитаторы объясняют индейцам, что вода затопит селение. Индейцы не верят нашим людям. Они идут к брухо*, тот совершает молитву и говорит, что бог приказал ломать плотину. По ночам индейцы стали являться сюда и рушить плотину. Пришлось выставить усиленную охрану.

Родригес перевернул еще страничку и стал излагать технические данные об электростанции. Потом он захотел послушать вопросы. Но у нас их не было. Разговор почему-то не клеился, и он предложил отправиться по водохранилищу на катере.

Катер мчался, оставляя за собой пенистый белый след. Вдоль берегов реки Тонто — поселения индей-

* Колдун.

цев. Из воды торчат только крыши их хижин. Издали кажется, что крыша плывет по воде, как загадочный корабль.

Рауль Родригес ведет катер к небольшой горе, на склоне которой приютилась деревенька, десяток домов из досок, под крышей из пальмовых листьев. На земле сидят женщины с детьми. Мужчины вырubaют из толстого дерева лодку. В их руках ни топоров, ни рубанков... Они делают лодку только при помощи мачете.

Приближение катера вызвало волнение у жителей поселка. Женщины взяли на руки своих детей и скрылись за домами. Бросили работу мужчины и ушли.

Когда причалил наш катер, на берегу появился касик (вождь) в сопровождении двух вооруженных индейцев. Он остановился, ожидая нас.

Касик был одет в белые холщовые штаны и такую же рубаху. На его поясе с одной стороны висел мачете, с другой — расшитый замысловатым узором кошелек и самодельная фляжка с водкой.

— Здравствуйте, — сказал Рауль Родригес.

Касик кивнул в знак приветствия и, уперев одну руку в бок, очень настороженно посмотрел на Родригеса.

— Когда вы думаете покинуть эту землю? — спросил Рауль Родригес по-испански.

Касик отрицательно покачал головой.

— Но у вас же в деревне тридцать семей, дети. У вас есть скот. Если вода подступит, вы не сможете перевезти их на Большую землю.

Рауль Родригес говорил громко. Он энергично

размахивал руками. Возможно, два вооруженных индейца не понимали его слов. Но они как-то угрожающе приподняли винтовки.

— На этой земле могилы наших отцов, — сказал касик. — Бог не велит покидать их.

— Вы поймите, — продолжал Рауль Родригес, — если вода не затопит вас сейчас, то в период дождей она поднимется еще больше, и тогда будет беда.

— Как прикажет бог! — ответил касик.

Рауль Родригес развел руками и пошел к катеру.

— Все равно им придется покинуть эту возвышенность, — сказал он, когда мы были в пути. — Вода заставит их это сделать.

— Куда же они пойдут? — спросил Луис Суарес.

— Они могут поселиться тут неподалеку, в джунглях.

— Опять они должны расчищать себе новые участки для посева, строить жилища?

— Мы поможем им, — сказал Рауль Родригес.

Катер мчался к следующему острову. Там тоже были индейцы племени масатеков, которым очень скоро придется покинуть свои жилища и осваивать новые земли в джунглях.

Истина, рожденная в муках

Ранчо, на которых воспитывают боевых быков «торросбравос», окружены в Мексике ореолом таинственности и славы. Мы едем в одно из наиболее известных ранчо «Пьедрас Неграс» (черные камни), которое находится около города Тлаккала. Я веду машину. Борис Головня сидит рядом, Дима Гасюк на заднем сиденье.

За окном удивительная земля Центральной Мексики. Золотые поля маиса, сосновые леса и горы. Сегодня особенно хорошо видны на фоне голубого неба серебристые ото льда вулканы Попо и Итца.

— Все-таки Мексика — это удивительная страна, — сказал я своим друзьям. — И народ здесь живет особенный.

— Интересная страна, — отозвался Борис.

— Я хочу, чтобы вы это почувствовали. Кактусы, горы, джунгли, современные города и развалины древних индейских храмов. Это удивительная страна.

Мне очень хотелось, чтобы друзья разделили мою

любовь к Мексике. Я жил в этой стране несколько лет, а они были только проездом.

— Может, ты скажешь — наша страна хуже? — спросил Борис с особым ударением на слове «наша».

Вопрос этот мне показался неправомочным, и я не стал спорить.

Мы приближались к городу Тлаккала. Издали мы заметили две машины на обочине дороги и группу людей. Было воскресенье, и те, кто встречал нас, были одеты по-воскресному: широкополые шляпы, брюки чарро, пистолеты на ремнях. Только Ренато Ледук был в своем традиционном сером костюме, в рубашке без галстука.

Встреча была очень радостной. Как водится в этих случаях, дружеские объятия, возгласы, вопросы...

Я перешел в машину Рауля Гонсалеса, хозяина ранчо «Пьедрас Неграс». Мы ехали по узкой дороге. За окном все те же горы. У подножья гор поля, на которых ровными рядами растут кусты агав. Их огромные листья торчат из земли будто острые кривые ножи.

Рауль вынул сигару и закурил ее. Рауль говорит о боевых быках, которых он выращивает. И я вдруг подумал, что он, наверное, ненавидит матадоров, которые убивают быков. В Мексике есть даже «Лига антитаурина». Для членов этой лиги бой быков представляется с другой стороны. Они приходят смотреть герсизм быка. Конечно, в любом бою бык должен погибнуть. Но он должен не просто погибнуть, а погибнуть дорогой ценой.

Я помню один блестящий бой молодого, способ-

ного матадора. Он действовал на арене виртуозно, он завоевал любовь зрителей. Наконец он встал против быка со шпагой в руке и нанес ему смертельный удар. Бык упал на колени, а матадор, словно балерина, грациозно разводя руки перед собой, кланялся публике. И вдруг бык поднялся и в мгновение ока нанес матадору страшный удар сзади. В эту печальную минуту на трибунах вскакивали какие-то люди и кричали: «Браво!» Это были представители «Лиги антитаврина».

У меня никогда не было знакомых членов этой лиги. Мне всегда было любопытно, кто эти люди. И конечно, я был уверен, что в нее входят хозяева скотоводческих ранчо.

— Давно вы занимаетесь разведением быков? — спросил я Рауля.

— Всю жизнь! И отец мой разводил быков, и дед, и прадед... Наше ранчо основано в тысяча семьсот шестидесятом году.

За поворотом показалось ранчо Гонсалеса. Старинный дом, церковь и кладбище.

Рауль повернул к церкви. Мы направились к небольшому кладбищу семьи Гонсалес.

Гранитные плиты на могилах.

— Здесь лежит прапрадед, здесь прадед, — Рауль показывал на плиты и шел дальше, — а здесь мой брат — известный матадор.

— Как матадор? — удивился я. — Ведь он тоже был хозяин быков?

— Да!

— Я думал, что все хозяева быков — члены «Лиги антитаврина».

Все, кто был вокруг, рассмеялись, хотя мы еще не ушли с кладбища.

— Наверное, если бы это услышали мои деды и прадеды, — сказал Гонсалес, — они тоже бы смеялись вместе с нами.

— Разве вы не любите своих быков?

Гонсалес ответил не сразу. Вместо ответа он обратился ко мне с вопросом.

— Генерал, который посылает солдат в бой, любит их?

— Любит, — сказал я.

— Я испытываю то же чувство. Бык для меня солдат. Чем больше храбрости проявит он на арене, тем больше чести ему и мне.

Гонсалес покрутил между пальцев сигару.

— Но когда убивают быка плохо, не с первого удара, — жалко быка, я ругаю в душе матадора.

— Однако после этого ты не идешь в «Лигу антитаурина», — сказал Ренато Ледук.

Опять все посмеялись и неторопливо пошли к машинам.

— Когда говорят о «Лиге антитаурина», — начал Ренато Ледук, шагая вместе со всеми, — мне это напоминает диалог между крестьянином-мексиканцем и гринго*. — Ренато улыбнулся, видимо хорошо представив гринго и мексиканского крестьянина. — Сидят они рядом на бое быков, и, конечно, мексиканец забыл обо всем на свете. Он боится пропустить хоть одно движение матадора. Он внимательно раз-

* Гринго — так в Мексике называют американских туристов.

глядывает черного красавца быка. Американец впервые на бое быков.

«Послушайте, — тянет американец за рукав крестьянина. — Зачем быку втыкают в спину эту пику?»

«Къен сабе!» («Кто знает!») — произносит свои любимые слова крестьянин, не оборачиваясь в сторону американца.

На арену выбежали бандирильеро с разноцветными острыми, как гарпуны, палочками в руках.

«О, о! — воскликнул американец. — Это ужасно, зачем они вонзают эти палочки в спину быка?»

«Къен сабе!» — опять произнес крестьянин.

Выходит матадор. Он вынимает шпагу и убивает быка.

«О-о! Ужасно! — воскликнул американец. — Правильно говорят, что мексиканцы — варвары. Зачем он его убил, этого красавца быка?»

Крестьянин посмотрел на американца и сказал:

«Он его убил, сеньор, потому, что бык черный!»

«О кэй! — радостно воскликнул американец. — Конечно, раз он черный, его надо убивать. О кэй!»

Снова все смеялись, и я понял, что никто из этих людей не может быть членом «Лиги антитаврина».

Мы снова сели в машину и поехали на пастбища. Большие участки земли огорожены колючей проволокой. Десятки «Торосбравос» гуляют за проволокой. Быки так могучи — вес каждого около пятисот килограммов, рога их так остры... Для того чтобы быки лучше развивались, хозяин устроил им водопой в горах. Каждый день они должны совершать трудный поход в горы и обратно.

Мы пересели в маленькую машину и поехали за

колючую проволоку по пастбищу. Рауль вел машину. Борис Головня целился из киноаппарата, а я был просто наблюдателем. Быки совсем близко. Борис ловит один хороший план, второй.

Вдруг машина останавливается. Колесо попало в небольшую ямку. Огромный черный бык направился к нам. Он шел, неторопливо водя из стороны в сторону рогами, как перископами. Он подошел к машине, зачем-то понюхал ее. Потом уперся мордой в полированную дверцу и стал качать машину.

Мотор ревел. Рауль рвал сцепление. Но машина садилась в яму еще глубже. Рауль заметно волновался.

Бык обошел машину вокруг, потом подцепил ее рогами сбоку и стал поднимать ее. Колеса оторвались от земли. Рауль выхватил из-за пояса кольт и выстрелил в воздух два раза. Бык опустил машину и некоторое время стоял, прислушиваясь и нюхая воздух.

Рауль лихорадочно газовал, и, наконец, машина вырвалась из плена и понеслась по пастбищу.

— Хотел бы я, чтобы в машине находились представители «Лиги антитаурина», — сказал Рауль.

Мы с Борисом улыбнулись.

Хозяин мчался домой, где уже был приготовлен стол согласно правилам мексиканского гостеприимства.

Рауль живет в старинном помещичьем доме, построенном еще в начале прошлого века. Снаружи четыре высокие каменные стены, в одной из которых железные ворота. Невольно представляешь, как в эти ворота въезжают экипажи, запряженные лошадьми.

Машины проскочили ворота и остановились посредине квадратного дворика, выложенного брусчаткой. Со всех четырех сторон на дворик смотрят открытые веранды.

Комнаты этого старинного дома напоминают музей. На стенах головы прославленных быков ранчо «Пьедрас Неграс», фотографии. Этот бык был убит сто лет назад, этой фотографии шестьдесят лет, на этой стене собраны грамоты, здесь медали.

— Скорее к столу! — торопит хозяин. — Скорее! Обед а-ля мексикана. Только наши мексиканские блюда. Главное из них барбакоа — мясо, жаренное в листьях кактуса.

Повар в белом переднике и огромном крахмальном колпаке тащит поднос, на котором гора барбакоа.

— Но прежде нальем по рюмочке мецкаля! — крикнул хозяин. — Должен предупредить гостей: водка очень крепкая, семьдесят градусов. У нас ее пьют по капельке.

Я видел, как Борис Головня и Дима Гасюк скептически улыбнулись.

— Ты переведи, — сказал Дима, — что у нас на севере пьют спирт девяноста шести градусов.

— Да-а! — протянул хозяин, и гости тоже удивились.

Мы выпили по рюмке.

— Я вижу, насчет водки мое предупреждение было излишним, — снова взял слово хозяин, — а вот по части перца будьте осторожны.

Рауль показал на небольшие тарелочки, на ко-

торых был перец. На одной тарелке стручки побольше, на другой поменьше. На третьей еще меньше, а на четвертой — перец, протертый в виде соуса.

Я предупредил друзей, чтобы они брали стручки, которые побольше: они слабее.

Мои друзья посмотрели на мексиканцев, которые ели маленькие стручки; и тоже взяли по маленькому. Они хрустнули зубами. На глазах у них появились слезы, но на губах была улыбка.

— Bravo! — удивленно сказал хозяин.

Мы с Ренато Ледуком переглянулись. Повторялась история, которая произошла с ним восемь лет назад в Грузии. Я был у Ренато переводчиком. Грузины очень тепло встречали нас. Городские власти Тбилиси устроили прием неподалеку от города, в Мцхете. Вот так же, как сейчас, было много народу за столом, много вина на столе, шашлыков, цыплят табака, был и перец.

Тосты следовали один за другим. Наконец поднялся со своего места грузин и сказал:

— Вы, мексиканцы, и мы, грузины, схожи. У вас черные волосы — и у нас, вы темпераментны — и мы, вы любите перец — и мы тоже. Выпьем за дружбу мексиканского и грузинского народов.

Когда выпили, Ренато вдруг попросил перец, которого он до тех пор не видел на столе. Ему подали стручок размером с мизинец. Он откусил и сказал: «Трава!»

Такое заявление обескуражило грузин. Тамада подзвал официанта и попросил принести перец покрепче.

Появились стручки поменьше, размером в полови-

ну мизинца. Их положили перед Ренато, и взоры были устремлены на мексиканского гостя.

Он спокойно съел целый стручок и повторил: «Трава».

Я перевел это слово грузинам. Тогда тамада стал отчаянно кричать что-то по-грузински официантам. Они убежали за следующей порцией перца.

На этот раз появились стручки размером в треть мизинца. Это был самый крепкий перец Грузии. Не все грузины осмеливались его есть.

Ренато тщательно разжевал стручок и проглотил.

— Ты им скажи, — попросил меня Ренато, — это, конечно, перец. Но он мексиканскому не родня. У нас есть стручки размером с ноготь мизинца. И он жжет не только когда его ешь, но и дня два после этого...

Я не стал рассказывать эту историю сейчас, за столом, чтобы не подзадорить моих друзей. Я видел, как они бесстрашно уничтожают самые маленькие стручки. Будто это не перец, а мармелад. Мексиканцы разводили руками и восторженно кричали «Браво!».

— Ребята, это опасно, — шепнул я.

— А-а! — храбро ответили они.

...Поздно вечером мы приехали в отель и легли спать.

Может быть, было часа три или четыре ночи. Я проснулся и увидел — в темноте кто-то бродит. Пригляделся: скрестив по-наполеоновски руки на груди, по комнате ходил Борис Головня.

— Ты чего, Боря?

— Жжет, ведро воды выпил, не помогает.

— Соль надо есть, Боря. Легче будет. Я же предупреждал.

Я повернулся на другой бок и опять уснул.

Было уже светло, когда меня снова разбудили чьи-то шаги. Дима Гасюк ходил из угла в угол.

— Ты чего, Дима?

— Подлец!

— Кто?

— Борис. Сожрал весь запас фталазола, все таблетки снотворного и спит. А мне, кроме тетрациклина, ничего не оставил. Я уже пять таблеток проглотил, не помогает и сон не берет.

— Тетрациклин — это ведь таблетки от насморка.

— Знаю, — как-то грустно сказал Гасюк. — Других нет!

...Утром мы мчались на очередную съемку. Я вел машину. Мои друзья сидели с побледневшими от бессонницы лицами.

— Ты, конечно, прав, — сказал Дима Гасюк. — Мексиканцы — народ особенный.

Борис Головня кивнул в знак согласия.

Секреты, которым тысяча лет

Индейские базары в Мексике почему-то бывают не по воскресеньям, а по понедельникам и четвергам. Наверное, эта традиция существует века, с тех пор, когда индейцы жили по своему календарю.

Был именно понедельник, когда мы с Луисом Суаресом, местным журналистом и моим частым попутчиком по путешествиям, ехали в город Сан-Мигель Аьенде. Мы проезжали мимо селения Учипан, в котором был базар. По обочине дороги шагали индейцы из других селений. Они шли на базар целыми семьями. Дети постарше бежали вслед за взрослыми, а малышки сидели в мешках за спиной у женщин. Индейцы несли на плечах свой нехитрый, самодельный товар, который они надеялись продать на базаре.

Индейские базары в отличие от всех базаров мира не шумные. Здесь не кричат громко, индейцы ходят как-то мягко, осторожно, словно тени. Иногда негромко спрашивают цену и без спора идут дальше.

Даже скупщики-метисы, которые приезжают из городов, не повышают голоса. Они останавливают индейцев по дороге на базар, смотрят их поклажу.

— За твои веревки я дам пять песо, — говорит скупщик.

Если индеец не согласен, а скупщик не намерен набавить, они расходятся.

Мы шли с Луисом по базару. Я фотографировал наиболее колоритные лица. Мы уже подходили к концу базара, когда услышали чей-то громкий голос и удивились. Человек говорил без перерыва, и слова разносились вокруг. Толпа индейцев сосредоточенно слушала оратора.

— Всего одно песо стоит! Это целебная трава! — услышали мы. — Вы положите эту травку в стакан с водой, и готово лекарство. Если у вас заболит живот, выпейте полстакана этой жидкости. Если заболит справа под ребром, пейте этот же настой.

Я придвинулся чуть вперед, приподнялся и увидел невысокого индейца с длинными и черными как смоль волосами, которые были перехвачены синей лентой. Обычно такие ленты повязывают брухо — колдуны, они же лекари. На небольшом столике перед брухо лежали кучки разных трав, семена, какие-то корешки, перья, стояли пузырьки с жидкостью.

Я приподнял фотоаппарат и хотел сделать снимок. Но брухо в этот момент повернулся ко мне спиной.

— Если у кого-нибудь болит зуб, — продолжал брухо, — нужно помазать десны около больного зуба этой жидкостью. Зуб будет качаться, и вы его легко выдернете пальцами.

Я вышел из толпы и снова приготовил аппарат. Но брюхо опять повернулся ко мне спиной.

— Покупайте ароматную траву! — кричал брюхо и показывал всем пучок травы. — Если вы хотите сделать свой хмельной напиток приятным, купите траву и положите в бутылку.

Брухо взглянул в мою сторону, и я сфотографировал его.

Брухо положил пучок травы на стол и, расталкивая собравшихся, направился ко мне. По его глазам я понял, что идет он без добрых намерений.

— Зачем вы меня фотографировали? — резко спросил брюхо.

Теперь вся толпа обернулась в мою сторону, и в глазах людей была настороженность.

— Я корреспондент, поэтому фотографирую.

— Чтобы потом насмеяться над бедными индейцами? — крикнул брюхо и сделал еще шаг по направлению ко мне.

— Этот сеньор, — вдруг услышал я голос Луиса, — очень уважает народную медицину и поэтому сфотографировал вас. Он приехал из Европы и рассказывал мне, что там до сих пор помнят, как индейскими лекарствами лечили великого испанского владыку Филиппа Второго.

Брухо обернулся к Луису, и, как я понял, взгляд его смягчился. Индейцы, которые стояли за его спиной, тоже стали смотреть добрее. А я чувствовал себя смущенно, потому что ничего подобного я не говорил Луису.

— Что болело у этого Филиппа? — спросил брюхо.

— У него была подагра, — сказал Луис. — Он

был прикован к креслу. И единственно, чем он спасся, — индейским средством сарсапарилья.

— Так у меня есть это средство! — радостно воскликнул брухо и, подойдя к столу, показал кулечек с какими-то семенами.

— Купите! Это стоит всего сорок сентаво, — сказал брухо.

Луис купил кулечек, очевидно, для того, чтобы окончательно завоевать расположение индейского лекаря.

— И еще одного великого человека в Европе вылечили индейским лекарством, — продолжал Луис. — Барона Ульриха фон Гуттена, который был ярким противником католической церкви. Он заболел сифилисом и уже собирался покончить с собой, когда вдруг какой-то миссионер, возвращавшийся из Мексики, привез настой индейского листа гуахаки.

— Это у меня тоже есть, — сказал брухо, — стоит пятьдесят сентаво. Посмотрите, сеньор, какие у меня еще есть лекарства. А вот этот бальзам я делаю из коры дерева тамаака. Если у вас будет рана, помажьте мазью, кровь перестанет течь, и рана очень быстро заживет. Покупайте — сорок сентаво. Желаяющих не было.

Брухо поднял какой-то флакончик с жидкостью.

— Это лекарство называется маниока, может быть, вы слышали, сеньор? — обратился брухо к Луису. — Когда появляется сыпь на коже, нужно помазать этой жидкостью. А если началась язва помазку, то ее нужно пить утром и вечером. Покупайте — всего одно песо.

Один индеец вышел из толпы и купил лекарство.

— Я не знаю, сеньор, есть ли у вас в Европе такое лекарство, — вдруг обратился ко мне брухо. — Мы делаем его из травы черная белена. Когда будет рожать ваша жена, пусть выпьет это лекарство. — Брухо передал мне флакончик. — Она выпьет его и заснет, а когда проснется, то рядом с ней уже будет плакать ребенок. Два песо, пожалуйста. А вы что же стоите, индейцы, неужели вы не хотите облегчить страдания ваших жен? Покупайте. Два песо.

К столу подошел индеец и молча положил две засаленные и помятые бумажки, которые он, видимо, все время держал в кулаке.

— Даже те, у кого нет жен, все равно покупайте черную белену, — продолжал брухо, — когда у вас будет что-нибудь сильно болеть, выпейте. И уснете как мертвый. А когда проснетесь, боль пройдет.

Сквозь толпу проталкивалась какая-то старушка с корзиной в руке. Я думал, что она тоже хочет купить лекарство. Но она сказала брухо: «Добрый день!» — и поставила перед ним корзину, наполненную пучками трав, кореньями, какими-то листьями и кулечками с семенами.

Она стояла и ждала, пока лекарь разглядывал содержимое корзины. На ней было платье из мешковины, босые ноги были так черны, а кожа на них так огрубела, что казалось, будто старуха в ботинках. Сколько она должна была исколесить километров по джунглям, где человека на каждом шагу подстерегают опасности!.. И откуда эта неграмотная старуха знает тончайшую механику природы, ее секреты?

Пока брухо был занят со старухой, мы покинули базар.

— В следующий раз так легкомысленно не вынимай фотоаппарат, — сказал Луис, когда мы сели в машину, — брюхо не любит эту игрушку. Стоит ему сказать слово, и индейцы отнимут у тебя аппарат, если не сделают что-нибудь похуже...

Луис взглянул на меня. Но я сидел за рулем и неотрывно смотрел на дорогу.

— Индейцы очень доверяют брюхо потому, что они хранят древние секреты. Ты знаешь, сколько растений использовали прежде индейцы в хозяйственных и лечебных целях? — спросил Луис.

— Нет.

— Тысячу сто различных видов диких растений. Например, никотин как медицинское средство они применяли на пятьсот лет раньше, чем его употребил австрийский доктор Вагнер-Яурегг.

— Я знаю, что американцы сейчас тратят немало денег, чтобы изучить медицинские секреты индейцев, — сказал я. — Американские врачи часто идут вместе с миссионерами. Особенно в джунглях Амазонки.

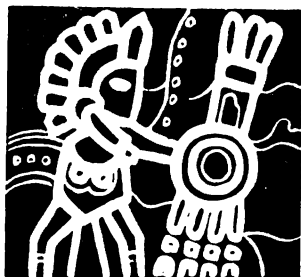
— Здесь их тоже хватает! Но индейцы не очень-то раскрываются перед ними. Сам видел, как тебя встретили. И конечно, современные индейцы многие секреты потеряли. У древних индейцев была очень развита хирургия. В то время медицина индейцев была впереди европейской. Жрецы, которые приносили в жертву богу живых людей, очень хорошо знали анатомию человеческого организма. Тем же самым обсидиановым ножом, которым они разрезали грудь жертвам, они делали операции людям, вскрывали им вены и выпускали кровь. Операции они делали под

наркозом, употребляя для этого выжимку табака, яд змеи, сок грибов и кактуса.

Луис некоторое время молчал. Потом вдруг рассмеялся. Я удивленно посмотрел на него.

— Приедем в Сан-Мигель Альенде, — сказал Луис, — я покажу тебе марьячис, которые лечат людей музыкой. Это тоже придумали древние индейцы. Как только кого-нибудь укусит черный скорпион, тут же вызывают марьячис. Они начинают играть заборную музыку, а больной пляшет. Недавно черный скорпион укусил девушку, которая плясала под музыку марьячис два дня. Она плясала не переставая, обливаясь потом, наконец, выбилась из сил, упала и тут же заснула. Она проспала два дня и выздоровела. Этот ансамбль вызывают в деревни и даже в другие города, как скорую помощь.

Луис постукивал пальцами по дверце автомобиля. Наверное, он вспоминал неудержимый ритм лечебного танца, который придумали древние индейцы.

Конкуренты

Городок Эскарсега стоит в джунглях на перепутье, на скрещении дорог. И куда бы человек ни ехал — на запад или на восток, на юг или на север, — он всегда проезжает через этот город и обычно останавливается в небольшом ресторанчике под крышей из пальмовых листьев. У ресторана даже нет названия, просто написано над входом: «Ресторан». Он один в городе.

Хозяин ресторанчика Рамиро, его жена и две дочери знали многих, кто по делам ездит через Эскарсегу: это торговцы, скотоводы, крестьяне-ранчеро. Рамиро встречал их как добрых знакомых. Обычно он присаживался за стол и заводил разговор о том, о сем.

В последнее время в ресторане все чаще стали появляться незнакомые люди. Они приезжали на запыленных «джипах». И хотя они приезжали в разные дни, они казались Рамиро похожими друг на друга. У них были озорные лица. Они были молоды, полны

сил и одеты в рубашки цвета хаки и такого же цвета брюки. Нет, они не военные люди... Это инженеры и техники, которые прокладывают дорогу через джунгли и болота.

Особые симпатии у Рамиро были к одному из этих ребят — инженеру Мартинесу, который соорудил мосты. Буйные тропические реки вставали на пути новой дороги. Нужны были огромные мосты, чтобы соединить один берег с другим. Рамиро видел, как строят эти мосты из железа и бетона. Люди словно маленькие жучки лазают по каркасу, свинчивают железные балки, заливают их цементом.

Рядом с таким мостом еще работают паромы донна Педро. Кто не знает паромов донна Педро? Кто не знает и самого донна Педро? Даже губернатор штата и тот всегда зависел от донна Педро! Он может приказывать паромщику, и ты будешь сидеть на берегу.

Дон Педро частенько заезжал в ресторан. Он сидел за «свой» стол в углу, около стойки, откуда был виден весь ресторан, и старшая дочь Рамиро Карменсита ставила перед доном Педро две бутылки холодного пива «Корона». Рамиро присаживался к столику донна Педро и молчал, пока тот пил первую бутылку пива.

Сегодня Рамиро ждал донна Педро. Знакомый торговец сказал, что видел машину хозяина паромов километрах в ста от Эскарсеги. Он едет из Вильяэрмоса, значит скоро будет здесь. Рамиро выглянул из ресторана.

Напротив ресторана на площади стоял крытый грузовик — магазин. Со всех сторон на нем было ярко написано: «Супер-альмасен» братьев Вильегос.

Грузовик был набит всякой всячиной... Костюмы, ботинки и сумки. Часть товара была разложена на земле. Покупатели подходили и смотрели. Старший брат показывал товар, а младший — младшего не зря называли артистом. В руке у него был микрофон, на крыше грузовика стоял огромный динамик. Младший брат мог, наверное, произнести тысячу слов в минуту. Он мог говорить целый день, конечно, если под рукой у него была бутылка холодного пива. А она всегда была.

Чего только не придумает этот младший брат! «Дешевле, чем у нас, товара нет!» — кричит он в микрофон, и его слова летят на весь городок Эскарсегу. «Даже нищих мы можем сделать богатыми. Приходите, покупайте».

Младший брат увидел Рамиро.

— Уважаемый сеньор Рамиро! — крикнул младший брат. — Владелец фешенебельного ресторана тоже покупает товар у нас. Только у нас! Все, кто хочет сэкономить хоть сентаво, покупайте только у нас!..

Рамиро пошел на свое место за стойкой, припоминая, что он купил у братьев Вильегос. «А-а, зажигалку, — вспомнил Рамиро. И улыбнулся. — Далеко пойдет этот младший брат!»

Рамиро разливал в рюмки текилью, когда в ресторан вошел дон Педро. Но, даже не глядя на дверь, Рамиро почувствовал его приход. Он торопливо поставил рюмки, подбежал к дону Педро и усадил его за стол. А Карменсита уже несла две бутылки его любимого пива «Корона».

Рамиро выглянул из ресторана. У тротуара стоял голубой «бьюик» дона Педро. Бока и колеса были перепачканы грязью. Видно, досталось машине от хозяина. Рамиро послал младшую дочь мыть автомобиль, а сам присел за столик дона Педро.

Дон Педро не торопясь пил пиво.

На пальцах у дона Педро было три перстня. Самый дорогой, с розоватым камнем дон Педро надел давно; лет тридцать назад, когда взял себе в жены молоденькую Луизиту. С тех пор много воды утекло. Дон Педро сменил еще двух жен, и два памятных перстня, не таких дорогих, как тот, украсили его пальцы.

— Ты послал кого-нибудь мыть машину? — спросил дон Педро, закончив первую бутылку пива.

— Да, конечно, сеньор, — учтиво ответил Рамиро. — У вас такая грязная машина.

Рамиро думал, что дон Педро скажет ему, где он так перепачкал машину. Может, он затевает какое-нибудь новое дело? Но дон Педро молчал, он тянул вторую бутылку пива, разглядывая тех, кто сидел в ресторане.

Конечно, он всех знал. У него был ястребиный глаз и крепкая память — хоть ему было за шестьдесят. Но дон Педро был еще в силе. Рука у него твердая, как у настоящего мексиканца. Даже на расстоянии триста метров он мог подырявить человека из своего огромного кольца с позолоченной ручкой.

Рамиро вспомнил Альфонсо Руэда, скотовода, который года два назад оскорбил дона Педро за то, что тот увеличил плату за проезд на пароммах.

— Вы бесчестно наживаетесь на своих паромях, вы жулик, — громко сказал Руэда и пошел из ресторана.

— Вернись! — властно крикнул дон Педро, но Руэда будто не слышал его слов. Он направился к своей машине.

— Вернись!

Альфонсо Руэда и на этот раз не вернулся.

А дон Педро позеленел от ярости. Он выхватил свой кольт с позолоченной ручкой и выстрелил. Альфонсо Руэда упал как подкошенный.

Разве мог судья выступить против дона Педро?

— О чем тут болтает народ? — спросил дон Педро, допив вторую бутылку пива, и потребовал у Карменситы третью.

— Ничего особенного, — ответил Рамиро. — Вы помните этого маленького Сабре? Он открыл магазинчик.

— Меня не интересуют твои Сабре, — резко перебил Рамиро дон Педро. — Обо мне что-нибудь говорят?

Рамиро изумленно развел руками.

— Сидишь тут в ресторане при всем народе и ничего не слышишь, — сказал дон Педро и опять хлебнул пива.

Рамиро лихорадочно вспоминал все, что слышал в последние дни от клиентов, но ничего не припоминал особенного. На ум приходили всякие мелочи... Рамиро посмотрел вокруг и увидел, что люди за столами о чем-то шепчутся и не очень ласково поглядывают на дону Педро.

— Минутку, — сказал Рамиро и пошел за стойку.

Жена старательно взбивала коктейль.

— Что-нибудь говорят о доне Педро? — шепотом спросил Рамиро.

— Он опять повысил цены за переезд на пароме, — шепотом ответила жена. — Карменсита слышала. И сделал это хитро. На первом пароме оставил прежнюю цену — семь песо, на втором поднял до двенадцати, на третьем до двадцати, а на четвертом — ты знаешь, там узенькая речка — так он установил цену в двадцать шесть песо. Куда деваться тем, кто едет? Не поворачивать обратно.

— Что же ты раньше не сказала? — упрекнул Рамиро жену.

— Можно подумать, что ты завтра поедешь на пароме.

— Дела!.. — протянул Рамиро и взял из рук жены сосуд, в котором сбивают коктейль.

Рамиро хотел обдумать, как же ему лучше вести разговор с доном Педро.

В этот самый момент к ресторану подъехал запыленный «джип», из него вышел инженер Мартинес — строитель мостов. Вместе с ним из «джипа» вышла какая-то девушка в брюках и еще два парня в таких же, как инженер, рубашках цвета хаки. Они о чем-то говорили и, смеясь, вошли в ресторан.

Ресторан сразу наполнился особым ароматом молодости. Все-таки они были другие — эти молодые образованные парни. Они отличались от тех, кто обычно посещал ресторан. Дон Педро покосился на молодых людей и продолжал неторопливо тянуть пиво.

Карменсита, конечно, тут же подошла к молодым людям. Она подала им пиво и пепси-колу, и они продолжали о чем-то весело говорить.

У Рамиро на душе было как-то беспокойно — откуда ему знать почему? И он, уж конечно, совсем не ожидал, что из-за соседнего столика, где сидели торговцы братья Вильегос, поднимется младший из них, тот, который мастер говорить, и подойдет к столу инженера Мартинеса.

— Здравствуйте, сеньоры, — сказал Вильегос так громко, что слышали все, кто сидел в ресторане. — Простите, что помешал вам. Я торговец Вильегос. У нас с братом магазин на колесах, и поэтому для нас очень важно знать, когда вы кончите строительство мостов.

Инженер Мартинес улыбнулся и жестом пригласил Вильегоса присесть за столик.

Теперь Вильегос говорил не так громко. Рамиро не было слышно, о чем он говорил. Только лицо инженера Мартинеса стало серьезным, и он раза два бросил взгляд на дону Педро.

Дон Педро по-прежнему неторопливо тянул пиво.

Вдруг инженер Мартинес встал из-за стола и направился к дону Педро.

— Здравствуйте, сеньор, — с достоинством сказал Мартинес.

Дон Педро не ответил. Он подозвал Рамиро и спросил его:

— Кто этот человек и что ему надо?

— Не стоит утруждать хозяина ресторана, — ска-

зал Мартинес. — Я инженер Мартинес, руковожу строительством мостов на новой дороге.

Дон Педро бросил ястребиный взгляд на Мартинеса и снова опустил глаза.

— Я понимаю, что у вас неважное настроение, сеньор Педро, — продолжал Мартинес. — Скоро мы закончим строительство мостов, и вам придется убирать свои паромы.

— Вы еще слишком молоды, чтоб судить о моем настроении, — ответил дон Педро, и рука его с дорогими перстнями на пальцах сжалась в кулак. — Идите!

Мартинес, как видно, не собирался уходить. И хозяин ресторана вдруг вспомнил того несчастного скотовода Руэда, которому тем же властным голосом дон Педро приказывал вернуться. Вдруг дон Педро опять схватится за свой пистолет с золотой ручкой?

— Вы не имели права поднимать цены за переезд на паромах, — твердо сказал Мартинес.

Хозяин ресторана сделал маленький шаг назад — он был уверен, что уже наступила критическая минута.

— Мои паромы — мое право, — ответил дон Педро и посмотрел на Мартинеса.

В ресторане было тихо. Люди перестали пить пиво, греметь ножами и вилками. Люди онемели, потому что никто из них не мог и во сне увидеть такое: вот так говорить с самим доном Педро. А инженер Мартинес говорил с доном Педро как равный с равным.

— Если вы не восстановите прежние цены, — ска-

зал Мартинес, — я вызову из Кампече баржи, и они будут действовать как паромы.

Рука дона Педро не потянулась к золоченой ручке пистолета. Он встал, надел свою широкополую шляпу и пошел к машине. Шел он не как прежде, а как-то по-стариковски согнувшись.

Вечером в Эскарсеге стало известно, что дон Педро восстановил прежние цены за переезд на паромах. Крестьяне-ранчеры, торговцы, скотоводы щедро платили хозяину ресторана и пили за здоровье молодого инженера Мартинеса, который строит мосты в джунглях Табаско и Чиapas.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна Священного колодца (повесть о древних индейцах майя)

Вместо пролога	7
Нареченная богу . . .	12
Мирный день великого города	31
Первая весть о чужестранцах .	36
Игра, за которую отдавали жизнь	48
Христианский крест поднялся над землей	56
Торжествующий Мадрид	62
Снова шаги конкистадоров	68
Гибель Великой Империи	74
Через триста лет	85
Сокровища древнего города .	91
Прощание со Священным колодцем	115

Под тенью пирамид

Мехико	121
Олимпийская горячка	126
«Они снимают фильм!»	133
У гигантского мольберта	141
Веселый праздник под грустным названием	150

Революция, начатая давно... .	154
Памятники живым президентам	161
И бык может быть актером	169
Добрая примета . . .	178
Если на спидометре 160!	186
Мексиканские индейцы	192
Племя отоми . . .	194
Тараумара бегут дальше всех	201
В джунглях Оахаки . . .	206
Истина, рожденная в муках .	211
Секреты, которым тысяча лет	221
Конкуренты	228

Чичков Василий Михайлович.

В ПОГОНЕ ЗА МЕКСИКОЮ. М., «Молодая гвардия», 1968.

240 с. с илл. (Бригантина).

P2

Редактор *С. Митрохина*

Худож. редактор *Г. Позин*

Техн. редактор *Л. Никитина*

Сдано в набор 31/V 1968 г. Подписано к печати 27/IX 1968 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 7,5(10,5) + 16 вкл. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 80 000 экз. Цена 37 коп. Зак. 884. Б. З. № 31, п. 28, 1968 г.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушешская, 21.